

**Archaeology and Ethnography
of Pontic and Caucasian Area**

Volume 3

**АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ
ПОНТИЙСКО-КАВКАЗСКОГО
РЕГИОНА**

Выпуск 3

**КУБАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ООО «КУБАНЬАРХЕОЛОГИЯ»**

Краснодар – 2015

УДК 902:39 (470.62)
ББК 63.4:63.5 (2Рос–4Кра)
А874

Редакционная коллегия:
И.В. Кузнецов, канд. ист. наук
И.И. Марченко, канд. ист. наук
В.В. Улитин, канд. ист. наук

А874 Археология и этнография понтийско-кавказского региона:
Сб. науч. тр. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2015. 208 с. 300 экз.
ISBN 978-5-905661-04-4

Издание посвящено юбилею профессора, заслуженного деятеля науки России Н.И. Кирея В третий выпуск вошли статьи краснодарских этнологов и археологов.

Адресуется специалистам и широкому кругу читателей, интересующихся культурой и историей народов, проживающих в регионе.

УДК 902:39 (470.62)
ББК 63.4:63.5 (2Рос–4Кра)

ISBN 978-5-905661-04-4

© Коллектив авторов
© Кубанский государственный
университет, 2015
© ООО «Кубаньархеология»



Николай Иванович Кирей

КИРЕЮ – 75 ЛЕТ... ...К. И. Р. Е. Й. 7. 5.

Попробуем посчитать гематрию: «Ка» + «И» + «ЭР» + «Е» + «И краткое», т. е., примерно «20» + «7» + «13» + «3» + «11», итого «54». Наверное, столько же, сколько и в словах «профессор», «кафедра», «истфак», «университет» и др. (Можно еще: «муж», «отец», «дед». Или как Вы, Николай Иванович, мне тогда написали в характеристике: «в порочных связях незамечен». Или что-то в этом роде. После чего Ученый Совет Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая хохотал, держась за живот руками.) Нет, опять какая-то ерунда... Интересно, а что будет, если прочитать «КИРЕЙ» наоборот, как палиндром? Получается: «Йер-рр... Ерик». Умно. Может быть, это указание на тот случай, про речку «Тихэнька». Когда Вы с Русланом Михайловичем там тонули (Петька и Василий Иванович! Да, простят мне такое сравнение!) во время выездного пикника, по-моему, на родине другого Николая Ивановича... Николая Ивановича, джуниор.

Обратимся к этимологии имен, составляющих Ф. И. О. юбиляра: Николай – от греч. *Николаос* «побеждать народ»; Иванович – сын Ивана, а имя того, в свою очередь, от древнееврейского *Йоханан* «бог милует»; КИРЕЙ – прямо из древнегреческого «владыка»? Наверное, возможно и такое объяснение. Но скорее всего, был какой-то Киря, опять же по-грамотному – Кирилл, а значит снова все от того же греческого *кириос*: «ВЛАДЫКА ПОБЕДИЛ НАРОД, И БОГ ЕГО ПОМИЛОВАЛ»?!

Получается следующее: молодой шахтер и мастер спорта по гребле Николай (или Коля), только что сыгравший кэмбриджского студента в фильме «Королевская регата», окончив Ростовский государственный университет, окончив его диссертацией про Алжир, приехал, значит, к нам в Кубанский государственный университет... приехал с молодой женой. Приехал он и «победил народ» на факультете своими манерами, интеллектом и красотой –

внешней и внутренней. А за это его не наказали, как водится, а наоборот «помиловали» кафедрой, степенью доктора исторических наук, сделав даже проректором («владыка»!).

После напоминания некоторых важных деталей из биографии Н. И. (пусть будет Н. И. – не так фамильярно как Коля, и не так официально как Николай Иванович) обратимся к наиболее часто упоминаемым отличительным чертам личности героя. Первое – Н. И., как ни какой другой мужчина, на протяжении всех 30 лет своей творческой университетской биографии (а может и всех 75 лет своей яркой жизни?) нравился девчонкам, девушкам, молодым матерям и зрелым бабушкам (соответственно – старшеклассницам-абитуриенткам, студенткам, аспиранткам, доцентшам, профессоршам и даже председателю профкома). **Нравился и нравится** за походку, рост, атлетическое сложение, бархатный голос, соотношение тонов брюк и пиджака, за то, какими пуговицами застегивается последний, за причудливую смесь одеколona и табака. Т. е. любят они его за все эти... пустяки, излишества, не за то, за что надо любить нас, УЧЕНЫХ (слово какое смешное, иначе «наученных кем-то»). Так подумают многие мужчины, если не большинство. Эх, а ведь для того, чтобы доставить удовольствие в общении огромному количеству людей, совсем не обязательно, оказывается, говорить взахлеб за пивом о катастрофическом состоянии нашей (пардон, этнографической) науки, переводить китайские стихи, галлюцинировать повсюду народными корнями как ветряными мельницами, копать землю под газопровод или... впрочем, язык не поворачивается сказать что-нибудь «кошунственное» в адрес служителей культа. Быть по-настоящему красивым человеком – тоже талант!

Вот мы незаметно подошли и к другой отличительной черте Н. И. – списку литературы. Сто названий – это действительно немало! Но, увы, в современных условиях неуклонно возрастает ценность даже лекций на популярные темы или про арабов, а тут еще лекции эти – в сущности «два в одном», поскольку, кроме того, изложены на правильном академическом русском языке. Поэтому-то, действительно, в свое время, после и в результате

счастливого завершившегося путешествия из Ростова в Краснодар, да! о. Даниил, воистину было не менее важным просто по-человечески покурить с элегантным Н. И. во время экзамена. Такие дела.

В пятницу вечером в ауд. 253 о непривычно белый песок (конечно же, кораллового происхождения!) хлещут теплые приливные волны, волны моря слишком солоноватого на вкус. В Бонгу гремят барабаны, и им вторит орган из свиста, клокотания, треска райских птиц из леса, который начинается сразу за последними хижинами, крытыми пальмовыми листьями. На деревенской площади суета (удивительно как это все помещается на одной кафедре – самом тесном помещении на истфаке). Темнокожий островитянин в маске, очевидно, жрец (А. Лейбовский) ведет себя агрессивно. Белый бородатый Миклухо-Маклай (В. Колесов) что-то говорит громко и взволновано. Рядом островитянка, в руках у нее тропические фрукты. Идет празднование Дня высадки на берег залива Астролябии или еще что-то в этом роде, в общем, решаются какие-то интимные вопросы. Дернулась дверь. Это после банкета – защитился очередной кандидат – вернулся Н. И., хозяин помещения, чтобы взять пальто и портфель. Улыбнулся, пошутил насчет того, что всем нормальным людям уже пора сидеть дома и к двери...

Не спешите закрывать дверь, Николай Иванович! Задержитесь, потому что, уверен, еще не все рассказано, написано и прочитано. А «кирееведение» (ваш термин!) только начинают изучать. Для того, кто верстает: Рекомендую иллюстрацию – это знаменитая карикатура позапрошлого века, высмеивающая эволюционную теорию естественного отбора, особенно в ее пункте о происхождении человека из обезьяны. В центре гравюры – Ч. Дарвин. За его спиной химерические образы его же больного воображения. Вместо Дарвина помещаем, естественно, изображение нашего юбиляра, за ним – мы. Вы нас учили, брали на работу, защищали, когда нужно, журили, т. е. одним словом – «порождали».

И.В. Кузнецов

(зав. кафедрой археологии, этнографии, древней и средневековой истории)

ДИАЛОГ НА... (ПРОДОЛЖЕНИЕ)

Александр Михайлович Ждановский: Я уже в том возрасте, когда можно говорить – ветеран и самый старый [*смеется*]. Но мне на самом-то деле не очень сложно вспомнить год, когда он у нас появился – 1969-й. Я поступил в 68-ом, и, по-моему, вот весной 69-ого он появился в университете, точнее еще не в университете... Он у нас читал этнографию – это уже был переходный план от пединститута к университету – по-моему, на 2-ом курсе...

Во-первых, общее мнение было, что это – молодой и очень квалифицированный преподаватель, умевший производить впечатление, в самом хорошем смысле этого слова, т. е. лекции у него были очень интересные, и особенность состояла в том, что, поскольку переходный план был, он этнографию читал у нас на курсе и на курсе, который шел старше. И вторая особенность состояла в том, что у нас не было учебников по этнографии, и поэтому единственным источником были наши конспекты и соответственно его лекции.

К тому времени у меня с моими однокурсниками сложилась уже такая группа, которую мы называли «первой пятеркой», и мы так на все экзамены шли: три девушки и я, а 5-й менялся. На самом экзамене я не могу сейчас вспомнить вопросы, но себя я помню очень хорошо, потому что Н. И. тогда требовал знание языковых семей, причем буквально нужно было их зубрить, и некоторые языковые семья я до сих пор помню, правда, конечно, уже фрагментарно, но, извините, с того времени прошло 44 года.

Мне кажется, что его отношение к науке как таковой и через этнографию тоже влияло на нас. Н. И. – хороший лектор, он умел стоять лекцию, насыщать какими-то интересными фактами, картинками словесными, не было еще ничего...

Из его биографии известно, что он начинал рабочим и потом ушел в науку – в Ростов поступил. В то же время мы знали о его спортивных увлечениях – гребля, но это было видно по нему. Вот, кстати, про внешность. Он молодостью и здоровьем отличался от привычных для нас профессоров, часть из которых уже были солидными людьми с соответствующим статусом, в этом смысле он очень выгодно отличался от других преподавателей. По поводу его внешних достоинств я много не буду говорить, потому что это оценивали девушки... Не помню в какой год была история, когда Кирей бороду отпустил. Это было в летний период, позволил себе эту вольность, его Бабешко обидел, встретив в августе, и отчитал в присутствии студентов, сильно перегнул...

Я пришел в университет в 1976 году, из музея, тогда меня Диволя Григорьевич [Песчаный] пригласил на почасовку. Год работал с заочниками, после – на ставку (1977 год). Кирей уже работал на кафедре у него. Я бы не сказал, что он там претендовал на какой-то особый статус, нет, это был очень толковый, очень способный преподаватель, к которому, прежде всего студенты уважительно относились.

На истфаке тогда были непростые отношения, как между кафедрами, так и отдельными преподавателями, заведующими. Внутри кафедры всеобщей истории – это проблема Песчаного и Никиты Владимировича Анфимова. Н. И. занимал собственную позицию, при обсуждении и принятии решений, высказывал всегда свою точку зрения, и я не помню, чтобы это было неким выполнением договоренностей. Так получалось, что чаще всего он поддерживал Диволя Григорьевича в текущих делах кафедры. После защиты диссертации, решался вопрос, как сделать кафедру, на которую он мог бы пойти, к тому времени доктором был только Недосекин, точно не помню о Телегине, и Гавриил Петрович, поскольку кафедрой уже заведовал. Разделение кафедры не было болезненным, как это часто бывает, это делалось с согласия Песчаного.

Первые годы, думаю, всем членам кафедры нравилась атмосфера, которая царила, мы это потом часто вспоминали. Заседания кафедры проводились не как потом – солирование одного человека, они были нормальными, творческими, с обсуждениями, к нашему мнению прислушивались, мы голосовали при принятии решений. Такая атмосфера очень долго держалась, с моей точки зрения... Отношение учителя к ученику было как к молодому коллеге по кафедре...

Не помню, какое это время было, [Борис Алексеевич] Трёхбратов предложил мне перейти [в Институт культуры], с «Археологией», «Древним миром»... Я подошел к Кирею, рассказал о предложении. Он рассказал собственную историю, что-то похожее в Ростове было, и сказал, повторяю дословно: «Мне сказали тогда – университеты были, есть и будут». На этом всё, больше ничего не сказал, дал право самому обдумать. Я выбрал университет.

Иван Иванович Марченко: Я пришел в 1981 году на кафедру, начал копать, в музее сначала работал на ставку, а потом на кафедру перешел на ставку и в музее остался на 0,5. Меня вообще распределили в Москву, в Институт реставрации. Он тогда назывался – Всесоюзная центральная научно-исследовательская лаборатория по охране и реставрации при Министерстве культуры СССР. Через год я перераспределился в Осетию, где провел два года, после чего меня Булава уговорила. Но жил я здесь и там не преподавал. В 1981-м я копал, Ждановский студентов привозил, но я еще не работал. А уже в 1982 году – на базе есть даже фотографии – Ачагу, Павловский, Ратушняк Ст. – мы уже на водохранилище отмечаем День археолога, т. е. такие тесные связи были. Меня на кафедре Ждановский пригласил, говорил, времени свободного будет много на диссертацию, я ему потом припоминал это [*смеется*].

Ну и первое впечатление: Несмотря на то, что в Питере кафедра вообще демократичная, за круглым столом лекции нам читали, 7–8 человек, все курили, кофе возьмем, так лекции проходили... Занятия были с 9 до 9, в виде беседы, ксероксов не было, преподаватели калькировали какие-то материалы, мы сами перечерчивали, иногда преподаватели вдвоем ходили на спец. семинары. У нас было две формы общения: одна, когда

преподаватели приходили в костюме, галстук – это «История КПСС», да и «Новое, новейшее время», то же самое. Более демократичная, конечно – «[кафедра] Греции и Рима»... Здесь же, после Осетии... С Н. И. все было настолько демократично! У меня были длинные волосы, за что Песчаный делал неоднократно замечания... Очень быстро, почти на ходу переговорили, Н. И. объяснил, что мне вести, причем времени на обдумывание мне не давалось, в ноябре пришли, а уже после сессии начинались занятия.

Так получилось, что мы одновременно с Бондарем были приняты на работу, и одновременно потом ушли в аспирантуру. Н. И. тогда подчеркнул, что у него такое кредо: «нужно наполнять свежей кровью». Смертин закончил Университет Дружбы народов, сам Кирей – Ростов, Красавина – МГУ по медиевистике, Бондарь – настоящий этнограф, который учился в Питере, ну и археолог, который закончил Ленинградский университет.

Н. И. часто приезжал в экспедицию к студентам, посмотреть, как жизнь идет, как зав. кафедрой. В 1985 году его дочь проходила практику, живем, в лесополосе палатки ставили, канал прорыли, своеобразная набережная, автобус еще арендованный сломался, ходили по 15 км, бульдозерист заболел, я работал вместо него, ушиб ногу, Наташа ходила на раскоп сама. Тут приезжает Н. И. со Светланой Алексеевной. Она увидела условия и начала говорить о том, чтобы дочь забрать. Н. И. остановил ее, говорит, ничего, проведали, навестили, и всё, я в разведку ходил, в стогу ночевали... Жена Кирея уговорила дочь, Ольгу, забрать ненадолго домой, до утра. Показательно, что он – проректор, но лишнего не допускал, принципиальный был.

Я бы хотел еще два момента отметить. Первый, в отношении к открытым лекциям – это ж раньше было обязательным. С другой стороны, на других кафедрах заведующий приходил неожиданно просто на лекции, не на открытые. Еще был график посещений, но Н. И. всегда предупреждал и спрашивал, можно, я приду послушать? «Разбор полетов» несколько раз проходил и очень доброжелательно, он советовал с педагогической точки зрения. Это

воспринималось положительно. Он освобождал от рутинной работы. Когда нужно было требовать с других, он сам это все делал, личным примером [показывал]. Было спокойно, сейчас очень сложно.

Игорь Валерьевич Кузнецов: А я значительно позже, конечно, этот курс прослушал у Н. И., когда уже и учебники были в том числе. Это был 1980 год – первый курс, когда я учился. Вообще я ждал этого курса, т. е. мне уже мало чего интересно было, именно хотел дождаться. «Этнография», «Латынь» – это вот мои любимые предметы были. Потом прошло время, на втором курсе мне уже кроме английского ничего не нужно было [*смеется*], самое главное все послушал на первом. И вот у меня был вопрос, один я помню, второй – нет, вопрос о таком культурном ареале «Северо-Западное побережье Северной Америки». И я знал наизусть, я и сейчас знаю [*смеется*], я ему, конечно, по пунктикам все эти племенные группы рассказал, к каким семьям они принадлежали, все. Он поставил пятерку, был потрясен знаниями. Но я, честно говоря, даже обиделся, потому что до этого ходил на [этнографический] кружок постоянно, и у меня такое было ощущение, неправильное, я понимаю, что мне будет поблажка все равно, т. е. если человек свой, то зачем его спрашивать по полной программе. А он спросил как нормального студента, от и до, выслушал всё.

У него еще маленькая книжечка по кандидатской [диссертации] есть. Он давал её для музея. Так это первая во всем университете книга, которая вышла в издательстве «Наука!

Теперь про [Рудольфа Фердинандовича] Итса: Удивительная вещь произошла. Н. И. же через Итса сюда привез и книги все, и вот этот курс разрабатывал с его помощью, не знаю насколько сам, насколько пользовался его материалами, но именно через Итса, это он недавно рассказывал. Его преподаватель в Ростовском университете, Кнышенко, знал Итса лично. Итс, оказывается, был детдомовский и воспитывался где-то на юге, или в Воронеже или в Ростовской области, и он контакты сохранял. Кнышенко, когда узнал, что Н. И. к нам сюда послали, и он будет читать этнографию, то посоветовал обратиться к Итсу, наверное, написал там что-то, не знаю. Н. И. приехал в Кунсткамеру,

в Институт, Ленинградский филиал раньше назывался он, и, видимо, на Итса произвел впечатление неплохое, потому что тот ему целую библиотеку вручил, и Н. И. на поезде все это вез. Эти книги до сих пор в библиотеке остались, он ими пользуется. Это такая интересная история с Итсом. И Бондаря, я, например, этого не знал, Н. И. взял с подачи Итса.

Он еще книжник, конечно, был, как все то поколение, эти его словари, энциклопедии. Он что-то выписывал – школа того времени. Я таких и за рубежом много встречал.

Меня он отдал Трехбратову на год. Я окончил, ставки не было никакой, а какие-то моральные обязательства он чувствовал, позвал меня, все объяснил. Трехбратов даже домой ко мне приходил...

Оксана Алексеевна Перенижко: О Н. И. можно говорить очень много – он прекрасный человек, настоящий ученый и замечательный педагог.

Н. И. был моим научным руководителем на протяжении всего обучения на историческом факультете Кубанского университета – от первой курсовой работы и до диссертации. Н. И. обладает уникальным талантом – он уверен в своих учениках всегда больше, чем они сами. Все мои неуверенные попытки сказать ему, что не получается курсовая, статья, либо глава в диссертации таяли сами по себе, когда он удивленно спрашивал: «Как это не получается? Обязательно нужно подумать, написать и все получится». И действительно буквально в тот же день проблема решалась, нужные мысли находились, и все сдавалось в срок.

Часто ученикам кажется, что их учителя слишком строги к ним и не понимают истинных проблем. Но проходят годы, время все расставляет на свои места, и ты удивляешься, как же был прав твой учитель. В моей жизни Н. И. сыграл решающую роль, поэтому для меня он, прежде всего Учитель и именно с большой буквы!

СПИСОК ОСНОВНЫХ ТРУДОВ ДОКТОРА ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОРА НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА КИРЕЯ (к 75-летию со дня рождения)

1. Политика алжирского правительства в отношении иностранных нефтяных компаний (1962 – нач. 1968) // Материалы IX научной конференции аспирантов. Сер. гуманитарных наук. Ростов-на-Дону, 1969. С. 81–83.
2. Алжирская эмиграция во Франции и Эвианские соглашения // Материалы IX научной конференции аспирантов. Сер. гуманитарных наук. Ростов-на-Дону, 1969. С. 83–84.
3. Франко-алжирские валютные отношения (1962–1968) // Материалы X научно-теоретической конференции аспирантов. Сер. гуманитарных наук. Ростов-на-Дону, 1969. С. 62–67.
4. Эвианские (франко-алжирские) соглашения и практика их выполнения: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 1969.
5. Эвианские соглашения и французская финансовая «помощь» Алжиру (1962–1967) // Актуальные проблемы стран Ближнего и Среднего Востока. М., 1971. С. 112–123.
6. Советско-африканские отношения на современном этапе. Краснодар, 1971.
7. Вклад болгарских ученых в изучение истории Алжирской национально-освободительной революции 1954–1962 гг. // Вопросы новейшей истории Болгарии: Науч. тр. Вып. 157. Краснодар, 1972. С. 99–112.
8. Алжир и Зона франка (1962–1971) // Империализм и развивающиеся страны. Л., 1972. С. 64–66.
9. Народы Африки: Учеб, пособие по этнографии. Краснодар, 1973.
10. Алжир и Франция. 1962–1971: Проблемы экономических и политических отношений. М., 1973.

11. Востоковедение в Ростовском и Кубанском университетах // Народы Азии и Африки. 1973. С. 236–239. № 5. (в соавт. с В.Н. Королевым).
12. Алжир: национальная стратегия в преодолении экономической отсталости // Марксистско-ленинская наука о путях преодоления отсталости африканских стран. М., 1974. С. 27–29.
13. Discourse du President Boumediene. 19 juin 1965 – 1 mai 1972. Vol. I. Constantine, 1970, 566 p.; 646 p.; Vol. II. Constantine, 1970, 646 p.; Vol. III. Alger, 1972, 414 p. (Речи президента Бумедьена. 19 июня 1965 – 1 мая 1972. Т. I–III // Народы Азии и Африки. 1974. № 3 С. 183–186 [рец.].
14. Торговые связи Алжира с капиталистическими и социалистическими странами // Из истории балканских стран. Вып. 192. Краснодар, 1975. С. 37–70.
15. Книга болгарского историка об Африке (рец. на: Петръ Цо-лов. Африка – военни режими и проблеми. София, 1972. 110 с. // Из истории балканских стран: Науч. тр. / КубГУ. Вып. 192. Краснодар, 1975. С. 178–183.
16. Алжир: экономическая политика (1962–1974) // Из истории социалистических и развивающихся стран. Вып. 211. Краснодар, 1976. С. 3–19.
17. Лингвистическая классификация народов мира. Краснодар, 1977.
18. Социально-экономическая политика Алжирской Народной Демократической Республики (1962–1976): Автореф. дис. ... д-ра. ист. наук. АН СССР. Институт востоковедения. М., 1978.
19. Новые тенденции в развитии экономических отношений Алжира с империалистическими государствами // Африка в современном мире: III Всесоюзная конференция африканистов. Вып. 2. М., 1979. С. 17–19.
20. Национально-освободительное движение и мировые отношения. Краснодар, 1979.
21. Политика индустриализации, организация управления и контроля в общественном секторе промышленности АНДР // Арабские страны: история, экономика. М., 1981. С. 126–151.

22. Использование в этнографии и истории этнографических понятий и терминов. Краснодар, 1981.
23. Антропологическая классификация народов мира и образование рас. Краснодар, 1982.
24. Рец. на: Машкин М.Н. Французские социалисты и демократы и колониальный вопрос (1830–1871). М., 1981. 313 с. // Народы Азии и Африки. 1982. № 5. С. 207–209.
25. Происхождение исторических названий частей света, стран и народов мира. Краснодар, 1983.
26. Этнография народов Африки: Учеб. пособие. Краснодар, 1983.
27. Цыгане: на путях истории // Кубань. 1983. № 4. С. 87–92.
28. Ислам в афро-азиатских странах: догматика, течения, современная эволюция. Краснодар, 1983 (в соавт. с Ю.Г. Смертиным, Ю.В. Филипповым, А.С. Иващенко).
29. Ислам в афро-азиатских странах: воздействие на экономику, политику, идеологию. Краснодар, 1983 (в соавт. с Ю.Г. Смертиным, Ю.В. Филипповым, А.С. Иващенко).
30. Проблемы выбора моделей языковой политики странами Тропической Африки // ГУ Всесоюзная конференция африканистов: Тез. докл. / Ин-т Африки АН СССР. Вып. 4. 4.1. М., 1984. С. 95–97.
31. Изучение цыган европейской части России и Кавказа в до-революционной отечественной этнографии // Археолого-этнографические исследования Северного Кавказа. Краснодар, 1984. С. 107–131 (в соавт. с О.А. Сердюк).
32. Рец. на: Адыгейский топонимический словарь / Сост. М.А. Меретуков. Майкоп, 1981 // Археолого-этнографические исследования Северного Кавказа. Краснодар, 1984. С. 180–185 (в соавт. с Н.И. Бондарем).
33. Праздник Нового года // Кубань. 1985. № 1. С. 85–91 (в соавт. с Н.И. Бондарем).
34. Рец. на: Львова Э.С. Этнография Африки / МГУ. М., 1984 // Советская этнография. 1986. № 2. С. 168–169.
35. Социально-экономическая политика независимого Алжира (методология, источники, историография) // Историографи-

- ческие исследования по африканистике и востоковедению: Сб. науч. тр. Краснодар, 1966. С. 120–148.
36. Психолого-педагогические основы адаптационного периода перво-курсников // Современная высшая школа (Варшава). 1986. № 3. С. 109–123 (в соавт. с О.Г. Кукосяном).
 37. Востоковедение и африканистика в Северо-Кавказском регионе // Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Общественные науки. 1987. № 4. С. 117–121.
 38. Синхронистические таблицы по истории древнего мира и средних веков (введение). Краснодар, 1987. С. 3–6.
 39. Программа общекультурного минимума студента. Краснодар, 1987.
 40. Краеведческая деятельность Общества любителей изучения Кубанской области (ОЛИКО) в 1897–1932 гг. // Проблемы аграрного развития Северного Кавказа: Сб. науч. тр. Краснодар, 1987. С. 139–158 (в соавт. с Н.И. Бондарем).
 41. Материалы к изучению курсов «История первобытного общества» и «Основы этнографии». Понятия. Термины. Краснодар, 1988. (совм. с А.М. Ждановским и В.В. Кабаковой).
 42. Структура традиционной похоронной обрядности славянского населения Кубани в конце XIX – в 30-е гг. XX в. Реконструкция по материалам этнографических экспедиций // Проблемы археологии и этнографии Северного Кавказа: Сб. науч. тр. Краснодар, 1988. С. 114–135 (в соавт. с Е.В. Моряхиной).
 43. Использование ЭВМ для обработки результатов анкетирования при выполнении студентами курсовых и дипломных работ // Проблемы компьютеризации процесса обучения: Тез. докл. Краснодар, 1988. С. 36–37 (в соавт. с Л.С. Поддубной).
 44. Проблемы повышения политической культуры учащейся молодежи // Общественное сознание и перестройка: Материалы научно-практической конференции. М., 1988. С. 93–94 (совм. с Л.С. Поддубной).
 45. Африканистика и востоковедение в Кубанском государственном университете // Народы Азии и Африки. 1988. № 4. С. 137–139 (в соавт. с А.В. Ачагу и В.Г. Кукуяном).

46. Евреи на путях истории // Кубань. 1988. № 10. С. 81–89.
47. Общество любителей изучения Кубанской области (ОЛИКО) и его историческое значение // Новые исследования по социально-экономической и культурной истории дореволюционной Кубани: Сб. науч. тр. Краснодар, 1969. С. 132–150 (в соавт. с Г.Г. Мошкович, Г.И. Лушняк, В.Р. Тихомировым).
48. Материалы к изучению курса «Основы этнографии». Краснодар, 1989.
49. Научная, военная и дипломатическая деятельность есаула Кубанского казачьего войска Н.С. Леонтьева в Эфиопии в конце XIX в. // Тез. докл. V Всесоюзной конф. африканистов. Вып. 4. 4.1. М., 1989. С. 72–74.
50. Иммигранты из стран Магриба во Франции (1912–1990) // Колониализм и антиколониализм в Африке: Сб. науч. тр. Краснодар, 1992. С. 6–25.
51. Амшено-армянская топонимия Северо-Западного Кавказа (к изучению топонимических систем малых этнических групп) // Историческая география Дона и Северного Кавказа: Сб. ст. Ростов-на-Дону, 1992. С. 124–144 (в соавт. с И.В. Кузнецовым).
52. Поездки есаула Кубанского казачьего войска Н.С. Леонтьева в Эфиопию в конце XIX в. // Из дореволюционного прошлого кубанского казачества: Сб. науч. тр. Краснодар, 1993. С. 70–80.
53. Изучение Африки в Северо-Кавказском регионе // Африка на пороге XXI века. Итоги и перспективы социально-экономического и политического развития: Сб. науч. тр. М., 1983. С. 239–249.
54. Основы научной работы и этики ученого: Учеб, пособие. Краснодар, 1994.
55. Типы традиционного сельского жилища кубанских казаков и народные способы его строительства (конец XIX – 20-е гг. XX в.) // Археологические и этнографические исследования Северного Кавказа: Сб. науч. тр. Краснодар, 1994. С.113–130.

56. Любительское историческое краеведение на Кубани в 1697–1932 гг. // Исторический опыт русского народа и современность: Сб. научн. тр. СПб., 1994. С.192–196.
57. Некоторые аспекты исследования межэтнических конфликтов в Африке // Тез. докл. и сообщений VI конф. африканистов «Африка: проблемы перехода к гражданскому обществу». Вып. 2. М., 1994. С. 94–96.
58. Войсковые регалии кубанского казачества // Дикаревские чтения: Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Кубани за 1994 г. Белореченск, 1995. С. 24–32.
59. Этногенез и этническая история ливийско-берберского населения на территории Алжира в период до ее римского завоевания // История и культура народов афро-азиатского мира: Сб. науч. тр. Краснодар, 1995. С. 3–34.
60. Войсковые регалии кубанского казачества // Дом Романовых в истории России: Сб. ст. СПб., 1995. С. 140–148.
61. Создание и реформирование власти административного управления на Кубани в дореволюционный период (1792–1917) // Средневековая и новая Россия: Сб. науч. ст. СПб., 1996. С. 510–528.
62. Этнография арабов Передней Азии и Северной Африки. Краснодар, 1996.
63. Н.С. Леонтьев (1862–1910) // Энциклопедический словарь по истории Кубани. Краснодар, 1997.
64. Общество любителей изучения Кубанской области (ОЛИКО) // Энциклопедический словарь по истории Кубани. Краснодар, 1997.
65. Хата кубанская // Энциклопедический словарь по истории Кубани. Краснодар, 1997.
66. Урбанизационные тенденции в интерьере современного сельского жилища славянского населения Кубани // Археология и этнография Северного Кавказа: Сб. науч. тр. Краснодар, 1998. С. 271–286.
67. Н.И. Бондарь – исследователь традиционной культуры кубанского казачества // Бондарь Н.И. Традиционная культура кубанского казачества: Избр. раб. Краснодар, 1999. С. 6–10.

68. Основные классификации народов мира: Учеб, пособие. Краснодар, 1999 (в соавт. с Н.И. Бондарем).
69. Традиционная одежда арабов // Старый свет: археология, история, этнография. Краснодар, 2000.
70. Евреи Краснодарского края // Бюллетень: антропология, меньшинства, мультикультурализм. 2000. № 2
71. Востоковедение в Краснодаре (1970–2000) в зеркале истории и традиций отечественной ориенталистики // Мир Востока. Ежегодник. 2001. Краснодар, 2001.
72. Роль есаула Кубанского казачьего войска Н.С. Леонтьева в установлении российско-эфиопских дипломатических отношений // Вопросы казачьей истории и культуры. Вып. 1. Майкоп, 2002.
73. Еврейские общины в Палестине в древности и в средние века и их связи с диаспорой в Европе // Мир Востока. Ежегодник. 2002. Краснодар, 2003.
74. Очерки традиционной культуры казачеств России. Т. 1. М., Краснодар, 2002 (в соавт. с Н.И. Бондарем, О.В. Матвеевым, С.К. Сагнаевой).
75. Традиционная пища арабов в XX веке // Мир Востока. Ежегодник. 2003. Краснодар, 2003.
76. Программа курса «Основы этнологии». Краснодар, 2003.
77. Методические рекомендации к написанию курсовых и дипломных работ. Краснодар, 2003.
78. Антисемитизм, юдофобия и антисиионизм как интернациональная традиция социального мифотворчества // Бюллетень: антропология, меньшинства, мультикультурализм. Краснодар, 2003. № 4.
79. Выдающийся филолог и этнограф Е.Ф. Карский // Синергетика образования. Межвуз. сб. Вып. 1. Ростов-на-Дону, 2004.
80. Научная деятельность Е.Ф. Карского в Литве, Польше и России // Мир славян Сев. Кавказа. Сб. ст. Краснодар, 2004.
81. Рец. на книгу Н.И. Бондаря «Календарные праздники и обряды кубанского казачества» // Мир славян Сев. Кавказа. Сб. статей. Краснодар, 2004.

82. Рец. на книгу В.Н. Панина «Политический процесс на Ближнем Востоке» // Голос минувшего: Кубанский исторический журнал. 2004. № 1–2.
83. Рец. на книгу (колл.) «Родная Кубань: страницы истории» // Голос минувшего: Кубанский исторический журнал. 2004. № 1–2.
84. Еврейские общины в странах Передней Азии: история и демография (VII–XX вв.) // Мир Востока. Краснодар, 2004.
85. Арабы и берберы из стран Магриба во Франции (1912–2004) // Голос минувшего: Кубанский исторический журнал. 2005. № 3–4.
86. Советская высшая школа и наука в годы Великой Отечественной войны // Голос минувшего: Кубанский исторический журнал. 2005. № 1–2.
87. Советская высшая школа в годы войны // Синергетика образования Вып. 3. М., 2005.
88. Трудный путь канонической Библии в России // Голос минувшего: Кубанский исторический журнал. 2005. № 3–4.
89. К истории переводов книг Библии и составу библейской фразеологии // Вестник Московского государственного открытого университета. 2005. № 2.
90. Из истории этнографического изучения арабов в отечественной науке (XII в. – 2005 г.) // Вестник Московского государственного открытого университета. 2005. № 4. С. 80–96.
91. Арабские имена как социокультурный знак // Образование. Наука. Творчество. 2005. № 5. С. 102–110.
92. Научно-организационная деятельность академика Е.Ф. Карского в Ростове-на-Дону и в Петрограде-Ленинграде (1915–1931) // Грани. Краснодар, 2005. С. 74–85.
93. Этнография арабов. М.-Ростов-на-Дону, 2005. 363 с.
94. Арабский рассказываемый фольклор // Образование. Наука. Творчество. Журнал Адыгской (Черкесской) Международной Академии наук. Армавир, 2006. С. 52–57.
95. Выдающийся русский востоковед К.П. Патканов (1883–1889): жизнь и научная деятельность // Образование. Наука. Творчество. Журнал Адыгской (Черкесской) Международной Академии наук. Армавир, 2006. № 3. С. 28–37.

96. К истории переводов книг Библии и составу библейской фразеологии // Синергетика образования. Межвузовский сборник. Вып. 6. М., Ростов-на-Дону, 2006. С. 187–202.
97. Межэтнические отношения: объем понятия и спектр проблематики // Власть, общество: национальная политика и межэтнические отношения: Материалы конференции. Краснодар, 2006. С. 112–118.
98. Основные классификации народов мира. Краснодар, М., Ростов-на-Дону, 2006. 240 с. (в соавт. с Н.И. Бондарем).
99. Этнография цыган в научном творчестве профессора Санкт-Петербургского университета востоковеда К.П. Патканова (1833–1889) // Образование. Наука. Творчество. Журнал Адыгской (Черкесской) Международной Академии наук. Армавир, 2006. № 1. С. 75–77.
100. Программа образовательно-профессиональной многоуровневой подготовки кадров (бакалавров, специалистов) по истории и культуре ислама // Синергетика образования. 2007. № 10. С. 70–101.
101. Коран и коранистика. Уч. пособие. Краснодар, 2007. 222 с.
102. Ислам в странах Азии и Африки. Политика. Экономика. Культура. Уч. пособие. Краснодар, 2007. 245 с. (в соавт. с Ю.Г. Смертиным).
103. Основные классификации мусульманских и немусульманских народов мира. Уч. пособие. Краснодар, 2007. 319 с.
104. Песчаный Д.Г.: штрихи к портрету // Славянский мир, Запад, Восток: Памяти профессора Д.Г. Песчаного: Материалы Международной научно-практической конференция. Краснодар, КубГУ. 2007. С. 10–16.
105. Переводы Корана (XVIII – нач. XXI в.) // Вестник Московского государственного открытого университета. 2008. № 2.
106. Научная деятельность Е.Ф. Карского // Поляки в России: история и современность. Краснодар, КубГУ, 2008. С. 68–76.
107. Выдающийся востоковед К.П. Патканов // Армения и армяне в контексте мировой культуры: Материалы региональной научной конференции. Краснодар, 2008. С. 55–64.

108. Н.И. Бондарь – исследователь традиционной культуры славян Кубани // Мир славян Северного Кавказа: сборник статей к 60-летию профессора Н.И. Бондаря. Вып. 5. Краснодар, 2009. С. 8–17 (в соавт. с А.И. Селицким).
109. Краснодарское университетское востоковедение: люди, годы, достижения (1970–2009) // Образование. Наука. Творчество: научно-публицистический журнал. Нальчик-Армавир, 2009. № 4. С. 68–74.
110. Традиционная культура арабов. Краснодар, 2007. 633 с. Рецензии на эту книгу см.: Голос минувшего: Кубанский исторический журнал. 2009. № 1–2. С. 156–161.
111. Цыгане: история и современность // Цыгане: история и современность: научное издание. М.- Кропоткин, 2010. 64 с.
112. Цыгане Краснодарского края // Цыгане Краснодарского края: сборник информационных методических материалов. Краснодар, 2010. 40 с.
113. Трансконтинентальная цыганская диаспора (современное расселение, численность, этнические группы в России и за рубежом) // Вестник Московского государственного открытого университета. Социально-гуманитарные науки. Приложение к журналу. М., 2010. Вып. 25. С. 19–27.
114. Переводы Корана на русский язык с неарабских источников и с арабского языка в России (XVII–XXI вв.) // Вестник Московского государственного открытого университета. 2011. № 3. С. 57–64.
115. Важнейшие достижения западноевропейской и российской коранистики к началу XXI в. // Вестник Московского государственного открытого университета. 2011. № 2. С. 122–127.
116. Территориальное распространение ислама в Азии и Африке // Историческая и социально-образовательная мысль. Краснодар, 2012. № 2 (12).
117. Цыгане на Кубани: 170 лет бытия // Наша история. Автографы истории. Кн. 6. / сост. Н.В. Харин. Кропоткин, 2012. С. 85–103.

118. Образ цыган в СМИ Краснодарского края // Теория и практики общественного развития. Краснодар, 2012. № 3. С. 162–165.
119. Важнейшие достижения западноевропейской и российской коранистики к началу XXI в. // Голос минувшего: Кубанский исторический журнал. 2012. № 1–2. С. 25–36.
120. Метаэтническая общность арабов. Структура традиционной культуры. Саарбрюккен, Германия: Lap Lambert, 2012. 449 с. (в соавт. с Ю.П. Нечаем).
121. Рецитация и заучивание корана как феномен культуры ислама // Вестник Московского государственного открытого университета. 2013. № 3–4 (53). С. 33–45.
122. Цыгане в зеркале мировой демографической статистики и этнической регионалистики // Научные исследования: Международный сборник статей. М.-Астана-Кропоткин, 2013. С. 155–176.
123. Живший не по лжи: А.П. Пронштейн (1919–1998). (К 95-летию со дня рождения. Воспоминания) // Культура: история, современность, перспективы: Международный сборник статей. Ч. 2. М.: Центральный совет РОИВ, 2014. С. 115–117.
124. Праздник Нового года у народов мира (этнографический очерк) // Голос минувшего: Кубанский исторический журнал. 2014. № 3–4. С. 4–11 (в соавт. с Н.И. Бондарем).
125. Профессор истории Э.Г. Вартаньян: линии жизни и творчества юбиляра // Культура: история, современность, перспективы: Международный сборник статей. Ч. 2. М.: Центральный совет РОИВ, 2014. С. 117–122.
126. Участие казачьих экспедиций Н.И. Ашинова и В.Ф. Машкова в геополитических действиях Российской империи в Африке (конец XIX в.) // Личность. Общество. Государство. Проблемы развития и взаимодействия. Материалы Всероссийской научно-просветительской конференции XXVI Адлерские чтения. Краснодар, 2014. С. 126–129.

РЕЧИТАЦИЯ И ЗАУЧИВАНИЕ КОРАНА КАК ФЕНОМЕН КУЛЬТУРЫ ИСЛАМА

Н.И. Кирей

Донесение верующим божественного слова Корана без искажений – важная сторона культуры ислама. Коран – главная священная книга мусульман. По исламскому догмату никем не сотворенный, неподражаемый Коран как божественное слово существует вечно. Он ниспослан через Откровения и передан Аллахом Пророку Мухаммаду частями в течение 22 лет через ангела Джебраила (Коран, 2:97; 16:102). Коран – не авторизованное Откровение, это прямая речь Бога, обращенная к людям. В Коране говорит только Бог, а Мухаммад – лишь непосредственный передатчик и посредник при доведении божественного слова. В современном востоковедении общепризнанно, что Мухаммад – реальное историческое лицо и не лжепророк.

Главная тема Корана – утверждение исламских принципов, предписаний, касающихся обязанностей мусульман по отношению к Аллаху. В «неподражаемом» Коране, в котором, по А. С. Пушкину, «с небесной книги список дан» (Пушкин, 1957, с. 208) можно выделить несколько основных содержательных линий. В их числе: 1) прославление могущества Аллаха, Творца Вселенной и человека; 2) Коран о пророках, праведниках и мудрецах; 3) Коран о добре и зле, правилах поведения мусульманина. Свод нравственных истин в «сладостном» Коране (в девяти стихотворениях) анализировал А. С. Пушкин, называя его «сияющим» (Пушкин, 1957, с. 207–213).

Коран – основной источник исламского вероучения, его основные принципы касаются религиозной морали, нравственных проблем, истории человечества, науки, философии, взаимоотношений Аллаха с человеком. В Коране изложена модель социальной справедливости, экономика, политика, законодательство, международные отношения. Какие же сюжеты Корана встречаются при его скрупулезном прочтении?

Разнообразные по содержанию тексты Корана (114 сур (глав), 6232 аята (стиха), 77934 слова Аллаха, 323621 буква), содержат предостережения, наставления, увещания и предписания верным (Кирей, 2007, с. 57). По объему Коран сопоставим с Библией (Новый Завет).

Тематически коранические тексты можно разделить на 10 групп: 1) образ Аллаха, пророков и посланников Бога; 2) Бог и человек; 3) заклинания и проклятия; 4) эсхатологические (о конечных судьбах мира и человека) суры и аяты; 5) материалы из иудео-христианской догматики и мифологии; 6) сюжеты из древнеарабского фольклора и бедуинской устной поэзии; 7) предписания и постановления, регулирующие общественные, семейные и имущественные отношения мусульман; 8) правила выполнения религиозных обрядов и отправления культа; 9) этика и этикет; 10) догматика в целом, основами которой являются: вера в Единого Бога, в ангелов, в джиннов, в книги Откровений, пророков и посланников, в Судный день, в наказание и награду, в ад и рай, в предопределение (судьбу). Люди же выбирают плохое или хорошее по желанию, за что и будут спрошены. Из Корана исходит мусульманское предание о Мухаммаде – Сунна, а также законодательство – шарият.

Сунна (после Корана) – второй источник сведений о том, какое поведение, поступки или мнение угодны Аллаху. Сунна объясняет Коран и дополняет его примерами из жизни Мухаммада как образцами для руководства всей мусульманской общины и каждого мусульманина. Сунна (араб. обычай, пример) – источник материалов для решения всех проблем жизни человека и общества. Сунна передавалась устно сподвижниками Мухаммада и

была зафиксирована в виде *хадисов* – мусульманских преданий о жизни Пророка. Хадисы считаются также вторым после Корана источником права, на них-то и основана Сунна. Сунна объясняет и толкует Коран, но его не дополняет (Кирей, 2007, с. 80–90).

Через Коран, хадисы и сочинения религиозных авторов доводится до верующих «божественный закон» – шариат, т.е. «правильный путь к цели». Соблюдение норм шариата, принципов и правил поведения означает ведение праведной, угодной Аллаху жизни, приводящей мусульманина в рай. В канонах шариата закреплены все правила поведения людей от колыбели до могилы (Алиев, 2006, с. 8–45).

На базе интерпретации Корана сложились собственно кораническая наука (*тафсир*), а также *таджвид* – наука о чтении Корана, концепция его неподражаемости и совершенства, идеального содержания, формы, арабская риторическая теория и установление богослужебности Корана лишь на рабском языке (хотя уже в VII в. появился первый персидский перевод). Арабский язык для мусульман стал языком культовым, богослужебным, посланническим (апостольским). Поскольку перевод Корана с арабского долгое время не допускался, то *тафсиры*, сопровождающие текст (и подробные комментарии на разных языках), сыграли заметную роль в ознакомлении с Кораном мусульман, незнакомых с арабским языком.

Наука о чтении вышеперечисленных текстов Корана к настоящему времени имеет в своем арсенале много специально разработанных правил ритуального чтения, обучения культовому чтению проповеди в мечети во время праздничной молитвы и праздников духовными лицами (*имамами, хатыбами*). Постепенно вырабатывались высокие стандарты речитации (звуковой и музыкальной) и вообще особая традиция чтения и заучивания Корана, ставшая феноменом культуры ислама.

Большое значение в исламе придается формальной точности ритуалов, включая нормативное воспроизведение звучащего слова при чтении Корана. Существуют специально разработанные правила ритуального чтения Корана, руководства по обучению священнослужителей культовому чтению, исполнению молитв, песнопений.

Наука о чтении Корана (*кира'ат, таджвид*) у арабов сформировалась в VIII в. Главное в ней до сих пор то, что ислам никогда не допускал в богослужении перевода Корана. И не только у арабов, но и у тюркоязычных мусульман Средней Азии и Казахстана, Турции. Это касается и Ирана, ираноязычного Таджикистана, стран Африки, Индии, Пакистана, Бангладеш, Юго-Восточной Азии, США, Канады, Албании, Великобритании, Франции. Словом, в мечетях всего мира Коран до сих пор читается только в арабском оригинале. При этом каноничность произношения связывается с успешностью богослужения, его угодностью Богу. Веками дети в мусульманских школах заучивали Коран наизусть.

После канонизации Корана в VII в. его язык (классический арабский) становился все более далеким от живых народных языков. Поэтому ритуальному произнесению надо было специально учить, а также тщательно описывать звучащую речь. Уже в XIII в. арабские фонетисты в деталях описали работу языка, губ, полости рта и носа в произнесении каждого звука. Они создали исчерпывающие классификации фонетических изменений, систематизировали варианты звукотипов («ответвления»). Историки языкознания в этом видят зачатки фонологии – функционального описания звукового строя, с выделением присущего языку набора фонем – звукотипов, участвующих в различении слов и форм. Коран имеет центральное значение для всех измерений исламской жизни и веры. Его усвоение верующими является одновременно действием интеллектуальным (нацеленным на понимание смысла послания) и практическим (обращенным к духовной силе посредством ритуальной речитации).

Термин «речитация» (рецитация) происходит от латинского *recitare* (читать вслух, декламировать). В литературе встречаются два варианта транскрибирования этого слова – речитация или рецитация. На наш взгляд, более уместно использовать термин «речитация». Это соответствует установившейся музыкально-ведческой традиции, относящейся к чтению нараспев духовных текстов (Кирей, 2007, с. 160). Такой подход применяли, в частности, авторы «Музыкального энциклопедического словаря»

(Музыкальный энциклопедический словарь, 1989), крупнейший специалист по музыкальной культуре арабов И. Р. Еолян (Еолян, 1990), а также одна из лучших знатоков коранистики и татаро-мусульманской культуры Г. Р. Сайфуллина (Сайфуллина, 1999).

Но в любом случае вопрос о речитации Корана касается путей передачи и применения Корана в мусульманском обществе, в том числе его применения и как источника эстетического наслаждения.

Касается это и каллиграфии. Переписчики Корана верили, что почерк мог раскрыть внутренний характер и истинную природу пишущего, они полагали, что только духовно очистившись следовало приступать к письму. Но первые коранические рукописи были безыскусны, в них не было считавшихся вредными изображений людей, небесных существ – дабы не рассеивать внимание человека, читающего Коран, на внешние украшения. Тем самым на первый план выходило внутреннее содержание священных речений. И лишь значительно позже богатые султаны стали заказывать себе иные Кораны – роскошные, цветные, отделанные золотом.

Наиболее известным шрифтом арабской каллиграфии, популярным у чтецов Корана, является *куфический* (по названию исламского центра в Куфе). *Куфи* – это общее название группы ранних арабских почерков, которые отличаются прямолинейными и угловатыми начертаниями букв и их соединений. Отсюда нередкое определение куфи как прямоугольного или геометрического письма. Варианты декоративного куфи с XII-XIII в. использовались в оформлении архитектурных фриз, заглавий сур Корана, а также в *китабе* – виде эпиграфического орнамента на панели с надписями арабской графикой. Древние буквы куфического шрифта состоят из строгих прямых линий, идеально подходящих для воспроизведения на пергаменте и на камне. Однако они столь угловаты и причудливы, что прочесть их может лишь весьма опытный чтец. Более беглый шрифт *наسخ* намного легче для понимания и весьма удобен для письма на бумаге. По своей форме он близок современному печатному шрифту.

Благоговение перед Кораном. Мусульмане проявляют искреннее благоговение перед Кораном. Верующие стремятся хранить

Коран в отдельной комнате, где обычно молятся. Там и читают Коран. Если такое исключено, то Священное Писание можно хранить на специальной настенной полочке. Ее располагают выше всего находящегося рядом. После чтения Коран заворачивается в ткань. Его используют и в качестве благопристойного настенного украшения, но помещают на той стене дома, к которой обращены лица всех присутствующих (поворачиваться спиной к Корану у мусульман считается «неприличным»). В «коранической» комнате нельзя спорить, скандалить, проявлять высокомерие и иные отступления от морали ислама, нельзя включать телевизор для просмотра, например, фильма со сценами насилия.

Мусульмане дотрагиваются до экземпляра Корана только в состоянии ритуальной чистоты, большинство умеют читать его вслух, знают, как следует выказывать уважение этой священной книге и правильно внимать ее речитации. Они всегда помещают Коран на возвышенное и чистое место, ничего не кладут на него сверху, ничего не пишут на страницах Корана, хотя делать пометки в комментариях к нему разрешается. Ритуальная речитация Корана может исполняться и оцениваться большинством мусульман, но его учение толкования (тафсир) доверяется относительно меньшинству. Таким образом, Коран способствует созданию атмосферы молитвы и является символом покорности воле Аллаха. При чтении Корана вслух запрещено создавать другие отвлекающие звуки, нельзя говорить, есть, пить, курить. Перед прикосновением к Корану верующий должен, как минимум, вымыть руки и находиться в состоянии *вуду* – малого ритуального омовения перед молитвой: женщина – мусульманка как и при молитве покрывает голову, касаясь Корана. Запрещено прикасаться к Священному Писанию роженицам и женщинам во время менструального цикла.

До начала чтения Корана мусульманину необходимо не только *вуду*, но и очищение – очищение своего сердца осознанными мыслями об Аллахе, испрашивая при этом у Него защиты от сатаны (Коран, 16:100). Затем мусульмане усаживаются на пол, принимая специальную позу, после чего на особой подставке (*рехл*, *курси*) перед собой размещают Коран. На пол Коран не кладут.

Существует ряд арабских технических терминов, связанных с речитацией Корана. Один из них, охватывающий все собственно исполнительские аспекты речитации, - *тилава*. Этот термин также означает «чтение», а один из дополнительных смыслов корня «следовать». Термин *тилава* исполнен глубочайшего религиозного контекста для чтеца, так как одним из существеннейших элементов его значения является «следование», «повиновение» (посланию Аллаха). Без этой веры и покорности даже самая совершенная и звучная речитация не принесет духовных благ: без веры и покорности речитация станет чем-то вроде музыкального дивертисмента.

Практика правильного произношения слов Корана обычно изучается в медресе – в средних (реже – высших) религиозных мусульманских школах. Искусство правильного произношения называется *таджвид*.

По завершении чтения Коран заботливо кладут на отведенное для него место, его никогда не оставляют на столе, он не может ни при каких обстоятельствах быть подставкой или карманной книгой.

Чтение Корана вслух. Чтение Корана вслух, отвечающее определенному минимуму требований к чтецам, происходит повсюду, где живут мусульмане и, конечно, во всех 38 чисто мусульманских государствах, включая неарабские. На начальной стадии очевидное преимущество получают мусульмане, чьим родным языком является арабский. Арабский язык, язык Корана архаичен и в высшей степени идиоматичен (его своеобразные обороты речи – подобно русским «бить баклуши», «мозолить глаза», «спустя рукава» - дословно непереводимы на другой язык). Он архаичен, конечно, в сравнении с разговорными диалектами арабского языка (египетским, иракским, магрибинским и т. п.). Но это по существу тот же самый язык, имеющий много точек сближения и тождества с современным разговорным и литературным арабским.

В государствах арабского Запада (*Магриб*) и арабского Востока (*Маширик*) существует немало радио- и телепередач, посвященных речитации классической арабской литературы и Корана,

пятничным проповедям, богословским лекциям и религиозным дискуссиям. Однако мусульмане, живущие в странах, где арабский не является государственным языком (Иран, Турция, Афганистан, Индонезия и др.), также прилагают немалые усилия к овладению арабским языком на уровне, достаточном для отправления культа и медитаций, включая чтение Корана вслух и «про себя». Переводы Корана на другие языки в неарабских странах не пользуются в полной мере тем уважением, которым окружен собственно Коран.

В Индонезии, самой крупной стране мира по численности верующих мусульман, государственным языком является индонезийский язык – *бахаса Индонесиа*. Он принадлежит к группе малайских языков и генетически никак не связан с семитскими языками (куда в частности, относится арабский и иврит). Письменность – на основе латинского алфавита. Однако словарный фонд названного индонезийского языка включает в себя около двух тысяч слов, преимущественно в религиозной сфере, заимствованных из арабского. Практически вся терминология, относящаяся к ритуалу и религиозным представлениям, основана на арабских корнях, главным образом из Корана и хадисов. Со времени начала проникновения из Индии и Малакки на острова Индонезийского архипелага (XII–XIII в), усилившегося в XV–XVI вв., новообращенные в ислам затрачивали немало усилий ради овладения арабским языком. Поначалу речитация Корана на о. Ява велась на яванском языке с использованием традиционных тем и символов с целью облегчить понимание ислама коренным яванцам, воспитанным в духе местных яванских и пришлых (индустской, буддийской) религиозных традиций, укоренившихся на острове до появления на нем ислама.

Несколько веков тому назад мусульманские учителя – *киаи* – начали открывать на Яве и Суматре небольшие школы. Стержнем преподавательской деятельности *киаи* стало изучение текстов Корана, чтение его и заучивание наизусть. В программу обучения вводились хадисы и другие религиозные тексты. Исламские школы в Индонезии получили название *песантрэн* – место, где

занимаются сантри (ученики – мусульмане). Песантрены стали местными образовательными учреждениями, где мальчики и девочки занимались и занимаются раздельно. Есть ныне песантрены и интернатского типа: ученики в возрасте от 8 до 18 лет составляют здесь сплоченную общину. Такие интернаты называются *пондок песантрэн* (от искажения арабского слова «фундук» со значением «общежитие» или «гостиница»). В центре учебной программы – арабский язык, Коран, история и ремесла, естественные науки. Изучение Корана начинается с самого раннего возраста по учебникам, в которых излагаются основы чтения и заучивания наизусть, вопросы исламской догматики и этикета.

Индонезийское министерство по делам религии, а также региональные и национальные общества коранического образования к настоящему времени разработали разные вспомогательные учебники по изучению Корана. Коран является стовальным хребтом традиционного образования в Индонезии. Способность читать Коран несет с собой параллельную возможность читать широкий круг текстов, составляющих классику исламской богословской, правоведческой, исторической и религиозной литературы. Минимальное понимание коранического арабского, которым владеют рядовые индонезийцы, позволяют им соотносить себя с определенной моделью мусульманского сознания и близости к Аллаху, к единовольцам.

Ключевой фигурой в пондок песантрэн является религиозный учитель (*киаи*). Именно с его помощью ученики усваивают искусство чтения Корана и арабской словесности, а также методику заучивания его наизусть, на что обычно уходит около трех лет. Способствуют заучиванию и объединенные общей целью общины чтецов, так как после заучивания необходимо постоянное перечитывание и практика, чтобы знание Корана наизусть не «ускользнуло». В типичном пондок песантрэне (интернате) индивидуальная и коллективная речитация Корана проводится ежедневно. При этом младших обучают старшие ученики (обычно написанию отдельных букв арабского алфавита и их произношению). Учитель же читает отрывок из Корана вслух, а ученики повторяют фразу

вслед за ним, по многу раз. Темп задается постукиванием рукой или палкой по столу. Таким образом, обучение речитации Корана в Индонезии базируется на подражании: интонация и модуляция учителя отражаются в декламации повторяющих его слова учеников (Религиозные традиции мира, 1996, с. 67–75).

При переходе к чтению больших отрывков коранического текста в занятия индонезийских слушателей вводятся квазимузыкальные элементы скандирования, напевного чтения. Обучение ревностных и благодарных горожан является примером исламского воздействия песантронов на простой народ. Унисонное напевное чтение пусть даже стандартных фраз является волнующим выражением сердечной хвалы Аллаху.

Другие способы поддержания высоких стандартов речитации Корана. В Индонезии и ряде других стран стали проводиться состязания чтецов, которые проводятся уже свыше 30 лет как турниры местного, районного, провинциального и национального уровня. Соревновательный цикл продолжается обычно 2 года. Лучших чтецов Корана награждают по разным номинациям – среди мужчин, среди женщин, среди молодежи, среди инвалидов. Победители показывают выдающиеся достижения в артистичности исполнения Корана, заучивании его наизусть, обширные знания о Коране и его применении в мусульманской науке и практике. Такие события поддерживают высокий уровень коранической образованности среди сменяющихся поколений молодых индонезийских и иных мусульман, их сплоченность внутри общины верующих. Во время национальных турниров, проводящихся на стадионах, присутствуют руководители страны. Каждая команда (провинции, района и т. д.) представлена на движущейся платформе, украшенной образцами коранической каллиграфии. А стадион становится ареной речитации: в центре поля находится специальная кафедра, с которой выступают чтецы. Церемония открытия включает в себя чтение Корана победителями прошлых конкурсов в мужском и женском разрядах (они и председательствуют на конкурсе). Эти соревнования считаются национальной отраслью знаний и проявлением исламского

благочестия. Индонезийские турниры чтецов Корана широко освещаются в средствах информации.

Соревнования по речитации Корана проводятся и в других странах ислама – в Египте, Саудовской Аравии, Брунее, Малайзии. Малайзия является постоянным спонсором международного турнира чтецов Корана. Причем нередко главные призы завоевывают чтецы, для которых арабский язык не является родным. Они получили специальные навыки речитации, пройдя интенсивный курс изучения Корана.

Уроки речитации желающим можно получать в мечетях, в институтах, в ходе занятий с репетиторами, при помощи магнитофонных записей и прилагающихся к ним сборникам упражнений. На радио и телевидении в мусульманских странах есть программы, посвященные чтению Корана, а отрывки из него читаются в конце радио- и телетрансляций. Подчас чтение Корана соединяется с популярной, но не слишком противоречивой развлекательной музыкой в рамках одной программы.

В Каире в занятиях по чтению Корана участвуют люди самого разного культурного уровня и профессий. Учителя речитации проводят также индивидуальные и групповые уроки в мечетях, в домах, некоторые из этих учителей открывают частные школы по чтению Корана для самых маленьких детей. Уроки речитации, все чаще берут, например, компьютерные программисты, банкиры, религиоведы, дворники, профессура, горнорабочие. Правильное чтение Корана в подлиннике – это опыт, с которым для мусульманина не сравнится никакой другой. Да и в самом Коране содержится множество формулировок и примеров религиозного опыта.

Исполнительский аспект коранистической речитации укоренен в самом тексте. Коран – не просто источник информации, он имеет специфическую предметность. Его воздействие на чтецов и слушателей посредством устного исполнения и есть главная часть послания: «Аллах ниспослал лучший рассказ – книгу с сходными повторяемыми частями, от которой съезживаете кожа тех, которые боятся своего Господа, затем смягчается их кожа и сердца к упоминанию Аллаха» (Коран, 39:23).

Коран остается центральным источником смысла, ценностей и духовной силы для мусульман всего мира. Благоговейная речитация Корана является объединяющей и укрепляющей силой даже в ситуациях, когда мусульмане расходятся во мнениях относительно интерпретации Корана и его применения в реальных условиях.

Коран в отличие от Библии нигде не говорит о святости отдельных людей, то есть, строго говоря, не признает «святых». Согласно Корану свят один Бог, и даже в нем арабское *вали*, обозначающее святость, употребляется не часто. Этот коранический термин, который переводят словом «святой», в действительности следовало бы перевести как «друг». Однако вопреки аргументам, опирающимся на текст Корана, мусульмане на самом деле считают, что известные личности обладают исключительной духовной силой (*барака*) и благословением. Такой потенциальный вали может быть признан святым еще при жизни. Но наиболее распространенной является практика создания их культа после смерти. Однако не пример «святых», а пример и учение Мухаммада имеет первостепенное значение в обучении интерпретации и чтению Корана, в следовании Корану, в исполнении его в жизненных ситуациях.

Мусульмане хранят, изучают и применяют свое Писание, потому что в нем содержится руководство – знание о Боге и его индивидуальных и коллективных заповедях верующим. Этот уровень использования Корана может быть назван информативным, так как здесь главный акцент делается на знании. Но мусульмане также хранят и получают в Коране духовное руководство посредством тщательно регулируемой ритуальной речитации. Речитация (в идеале) всегда должна исполняться настолько прекрасно, насколько прекрасно может быть песнопение. Большинство мусульман стараются изучить общий смысл того, что читается перед ними вслух, будь то при помощи переводов или сжатых изложений. Однако ритуальное исполнение высочайшего класса не обязательно предполагает буквального понимания арабского текста даже со стороны достаточно искусных чтецов, знающих его наизусть.

Мусульмане верят, что Бог ниспослал свое Слово в мир как живое чтение и фиксированную письменную книгу. Это – два взаимодополняющих аспекта стержневого феномена Божественного присутствия в священной речи. Если христиане причащаются телу и крови Христа символически – посредством Таинства Причастия, то мусульмане, можно сказать, «причащаются» своему Господу посредством речитации Корана.

Таджвид как наука о чтении Корана. Исполнительские аспекты коранической речитации. Любой мусульманин при речитации Корана обязан придерживаться норм и правил, установленных еще в первые годы мусульманского летоисчисления. Эти правила – *таджвид* – и есть наука о чтении мусульманского Священного Писания. Данный термин применяют обычно для общего обозначения коранической речитации, то есть как науку правильного чтения. Однако в Энциклопедическом словаре «Ислам» (Ислам, 1991, с.220) термин объясняется более расширительно и детально: «ат – Таджвид» – орфоэпическое чтение Корана нараспев. Правила такого чтения и определяет соответствующая дисциплина (илм ат -таджвид). Различают три вида таджвида: чтение в темпе медленном (тартил), быстром (хадр) и среднем (тадвир). Но в принципе существуют две манеры правильного чтения Корана: 1) названный уже тартиль, когда четко выговаривается каждая буква; 2) собственно таджвид – искусство чтения нараспев. Первый применяют строго в контексте молитвы, в религиозных наставлениях. А ко второму прибегают профессиональные чтецы Корана, от которых требуются музыкальные способности. Не каждый певец возьмется петь коранический текст, даже если он в виде нотной записи (что уже давно в порядке вещей), но считается грехом. во время чтения нараспев верующие иногда плачут. Чтецы Корана обладают великолепным музыкальным слухом. Некоторые из них, особенно египетские, по мнению очевидцев, вполне могли бы стать оперными певцами или рок-звездами.

Ат–таджвиду посвящены многочисленные трактаты, содержащие подробное описание фонетики классического арабского языка (с учетом особенностей языка Корана), ассимиляции и

диссимиляции согласных, влияния последних на произношение соседних гласных, фразовых и смысловых ударений, пауз и стяжений, постановки дыхания и особых приемов, с помощью которых достигается красота и выразительность чтения.

Есть и иные понимания термина *таджвид*: 1) как отличающееся особой музыкальностью, мелодичностью стиля речитации (характерного, например, для Египта); 2) как тип речитации умеренного темпа. Видный исследователь традиционной татаро-мусульманской культуры Г. Р. Сайфуллина считает *таджвид* закодированным воплощением «самого звучания Корана, так как оно открылось Мухаммаду» и «было повторено Пророком с ангелом Джебраилом» (Сайфуллина, 1999, с. 98)

Законы таджвида изложены в труде Ибн Кутайба «Тартиль ал-Кур'ан и биографии его чтецов» (IX в.), в работе Ибн ал-Джазари «Таджвид ал-Кур'ан» (XV в.), в сочинении ас-Суйути «Совершенство в коранических науках» (XVI в.), в трактате Ибн Каййала «Тартиль Таджвид ал-Кур'ан» (XVI в.). Существует немало и современных изданий, учебных пособий, в которых популярно раскрыты законы таджвида на русском, английском, татарском и других языках. В них, как правило, помещены и оригинальные арабские тексты с соответствующей транскрипцией.

Понятно, что осознание подхода к чтению Корана как к синтезу мусульманского, сакрального, внешнего и внутреннего произошло не сразу. В частности, и потому, что было необходимо учитывать особый характер исламской культуры, предпочтение в ней слуха над зрением, звучащего слова над написанным. Эта позиция, в частности, была изложена в 1970 г. в диссертации американского исследователя музыкально – речевой выразительности в ритуале чтения Корана Дж. Пахольчика. И только к началу 80-х годов XX в. ритуальный аспект бытования Корана как составная часть комплексных коранических исследований в современном исламоведении проявился, по мнению Е. А. Резвана, «в достаточной степени». И действительно, именно в 80-е годы XX в. вышли в свет многочисленные работы на английском языке, в которых речитация Корана рассматривается как особая

форма мусульманского благочестия в контексте музыкального ритуала (Ф. – М. Денни, У. – А. Грэхэм, М. Китагава, Хасан Хабиб Тума, Кристина Нельсон и другие). Особо следует выделить в этом ряду труды по речитации Корана и звуковому искусству ислама крупнейших культурологов – востоковедов С. Х. Насра, И. Фаруки, а также музыковеда Л. Фаруки. Они способствовали интеграции богословской мысли и музыковедческих исследований в вопросе феномена чтения Корана (Кирей, 2007, с. 172).

В числе первых в Российской империи описание ритуала чтения Корана (у татар) можно выделить издание миссионера Е. А. Малова, а также комментарии знатока и переводчика Корана Г. С. Саблукова в его «Сведениях о Коране законоположительной книги мухаммеданского вероучения» (Казань, 1884). Он сделал попытку комментария собственно музыкальных сторон речитации. Представляют определенный интерес для коранистики и ряд публикаций в первой четверти XX в. о мусульманском образовании в медресе и начальных мусульманских школах – мектебах. В советское время и в период после распада СССР проблему мусульманских песнопений, культовой музыки, речитации Корана, азана (призыва к молитве), зикра (ритуального упоминания имени Аллаха по особой формуле, вслух или про себя) глубоко исследует И. Р. Болян. В числе лучших работ этого автора две монографии: «Очерки арабской музыки» (М., 1977) и «Традиционная музыка Арабского Востока» (М., 1990). Несомненную ценность в изучении чтения Корана представляет исследование Н. Г. Шахназаровой «Музыка Востока и музыка Запада. Типы музыкального профессионализма» (М., 1983). Формы коранной речитации у мусульман Поволжья и Урала исследуют И. Хисамутдинов и В. Н. Юнусова, а традиции чтения Корана как феномена всей мировой культуры (наряду с татаро-исламской) успешно анализирует Г. Р. Сайфуллина, автор лучшей, пожалуй, монографии о речитации Корана в Татарстане. Имеется ввиду опубликованная в 1999 г. в Казани ее книга «Музыка священного слова», базирующаяся в числе других источников и на собственных полевых материалах, показывающих бытование коранической традиции

в татарском «народном» исламе или, как еще называют, региональном исламе. В культуре народного ислама наблюдается синтез основных мусульманских и немусульманских элементов. Так, у татар встречаются «бэти» (языческие обереги), где используются слова Корана. Бэти представляют собой листочки с мелко написанными изречениями на арабском языке. Защищающая сила арабского письма могла, считалось в народе, служить средством от болезней. Бэти давали и солдатам из Татарской АССР, уходившим на фронт в годы Великой Отечественной Войны.

В настоящее время коранистика имеет много аспектов – историографический, трактовки смыслов, язык и стиль, образность, звуковое визуальное «явление» Корана. Одним из акцентов коранистики в настоящее время является искусствоведческий подход. Достаточно полный обзор литературы по Корану до 1991 г. дал Е. А. Резван в очерке «Коран и коранистика», опубликованном в сборнике «Ислам. Историографические очерки». М., 1991 (с. 7–85). Из него видно, что Коран в современном религиоведении не рассматривается преимущественно лишь как «религиозно-философский» и «законодательный памятник мусульманского права», не только как «литературно-языковое произведение» или как «памятник устной словесности».

В современном научном изучении Корана постепенно преодолевается дистанция между религиозной и искусствоведческой мыслью в оценке роли речитации Корана в культуре ислама. Но на оценке самого Корана как историко-культурного памятника все еще сказывается, по мнению Е. А. Резвана, «религиозная принадлежность автора того или иного исследования» (Кирей, 2007, с. 170–175). Конечно, это сказывается на подходах и к общей теме специфики звукового искусства ислама, и к ее компонентам – сакральной и этической ценности слова как такового, устной природы Откровения, «индустрии» записей речитации Корана. Откровение, впервые данное в устном слове и затем зафиксированное письменно, определило, как подчеркивает Г. Р. Сайфуллина, сакрализацию целого комплекса взаимосвязанных категорий: слово – речь – язык (арабский) – письмо – перо – книга – знание, а так же ценность таких категорий как образование ученость и т.д.

Слуховое восприятие Корана. Слово изреченное и Слово начертанное явились духовным и материальным многообразием, разделявшим исламское и неисламское, языческое и религиозное, эстетически оформленные формы и несовершенные формы художественного выражения. Божественное Слово, данное в Коране, было явлено через книгу, а не через человеческое бытие, как в христианстве. Манифестация духовного искусства в буквах и звуках Корана считается более значительной, чем, скажем, в иконографии. Ислам предложил, таким образом, свою шкалу ценностей, основополагающей для которой явилось Слово в его вербальной и графической форме. Поэтому пиетет перед божественным Словом распространяется на все, что исторически способствовало явлению Слова: на перо (*калам*, чернила, бумагу, буквы арабского алфавита).

Коран как главное воплощение божественного Слова мусульмане именуют и как «ал-Калам». Ориентация на слуховое восприятие становится одной из характерных особенностей стиля Корана. И это не случайно: именно устный характер музыкально – поэтического творчества арабов в доисламский период был традицией, сложившейся до Мухаммада. Поэзия домусульманского периода основывалась на обращении к слушателю, а не к читателю. Люди того времени, жившие на Аравийском полуострове, имели склонность к речитации поэзии. Она развила их мастерство запоминания до исключительного уровня. Слово «читать» в контексте арабской культуры многими арабистами сопоставляется с многозначным пониманием слов «петь» и «говорить», так как само чтение подразумевало напевную мелодизированную речь (подобную речитации стихов). «Речь» и «пение» были у арабов терминами неразделимыми.

Важность слухового восприятия слова мы находим в Коране: «наложил Аллах печать на сердца их и на слух, а на взорах их завеса. Для них – великое наказание» (Коран, 2:6). «А если бы Аллах пожелал, то унес бы их слух и зрение: ведь Аллах над всякой вещью мощен» (Коран, 2:19). При этом способность слышать иерархически оказывается в Коране всегда на первом месте, а по смыслу связана со словами «знать», «понимать». Да и один из

наиболее часто повторяющихся эпитетов Аллаха в Коране – «слышащий». Акт выслушивания и последующая речитация истин ислама получили развитие в суфийской зикре, предполагающем и внутреннее рецитирование (*зикр – и калаби*). Слуховая культура – это такая же важная сторона искусства и культуры ислама, как и книжное знание. Слуховая культура, имея в виду ее художественную и ритуальную практику, – одна из сторон этого «книжного сознания» (термин Ш. Шукурова) (Кирей, 2007, с. 175).

Концепция, согласно которой речитация Корана – чисто религиозный ритуал, не допускающий, кроме чтения текста, никакого проникновения музыкального творчества, теряет своих сторонников. Комментаторы Корана были вынуждены искать в Священном Писании и хадисах следы запрещенности (или дозволенности) музыки, изучая таджвид – законы науки о чтении Корана. Таджвид тормозил разрушающие внешние влияния на искусство речитации Корана и обеспечивал жизнеспособность традиции, не позволял речитации стать свободной творческой импровизацией чтеца.

Этикет чтения речитации Корана сформировал Ахмад Денффер в своем «Введении в изучение Корана» (опубликованном в 1983 г. в Лондоне на английском языке). В числе двенадцати обязательных этикетных установлений при чтении и речитации он называет:

- Держи Коран только в чистом месте.
- Ищи только удовлетворения Аллаха, но не собственной выгоды.
- Полностью сконцентрируйся и оставь все другие занятия.
- Будь чист соответственно ритуалу и сиди на чистом месте.
- Старайся сесть по направлению Киблы.
- Храни скромность, спокойствие и уважение.
- Читай хорошим голосом.
- Важнейшие суры повторяя многократно.
- Не читай в манере, раздражающей других.
- Читай и в одиночестве, и с группой людей (также со своей семьей!).
- Ответь, если кто-то приветствует тебя во время чтения.
- Прервись, когда слышишь азан (Кирей, 2007, с. 176).

«Семь чтений» Корана. Чтение нараспев (*кыраат*) подразумевает музыкальный подтекст, конкретный вариант прочтения коранического текста, начиная от отдельных слов, фраз, и кончая целыми разделами. В мусульманской традиции выделяют семь классических чтений (*акруф*), но существуют разные трактовки этого термина. В их числе можно назвать акруф в неверном значении диалектов арабских племен, что не выдерживает никакой критики, а также семь аспектов, по которым различается речитация Корана. «Семь чтений» Корана в Усмановской редакции имели целью сделать его понятным и доступным как можно более широкому кругу мусульман в разных частях мира. Появление «семи чтений» имеет свою историю и причины, на которые и обратим внимание.

Знание Корана среди мусульман, как уже не раз подчеркивалось нами, основывалось на памяти, а не на чтении записанного текста. Первоначально в рукописях Корана практиковалась «неполное написание», а в более поздних изданиях и списках — «полное написание». В ранних рукописях использовалось арабское письмо (в нем обозначались только согласные, трудно различимые друг от друга, так как для различения использовался один и тот же знак). Для прочтения такого текста требовались мнемонические (запоминательные) усилия. В арабском Халифате существовали декламаторы, чтецы-специалисты (*курра*). Они заучивали текст Корана, но постепенно стали заниматься фразеологией, структурой арабских слов. Недостатки использовавшейся системы письма стали очевидны уже к концу VII века, и его стали улучшать, исправляя ошибки при копировании рукописей, делая пробные изменения. В результате деятельности писцов Насра бен Асима и Яхья бен Йамура, появились в VII – XIII вв. знаки для различения сходных по написанию согласных и обозначения гласных. На некоторое время для этого пользовались и точками различных цветов.

Реформаторы арабской письменности, обеспечив различение сходных по написанию согласных, решили и другую задачу. Они ввели обозначения долгих гласных (при помощи согласных *алиф, вав и йа*'), ввели способ обозначения кратких гласных, а также

звуковых явлений (удвоение согласных, отсутствие гласной после согласного). К концу IX в. реформирование арабского письма завершилось. Появление более точной системы письма позволило Абу Бакру Ахмаду бен Муса (859 - 935), иначе – Ибн Муджахиду – ввести более точные установки относительно чтения молитв.

Ибн Муджахид – автор книги «Семь чтений» (*ал – Кира 'ат ас – саб 'а*), в которой ссылался на хадис, где Мухаммад допускал декламацию Корана, используя семь *акруф*, что истолковывалось как «семь чтений». Ибн Муджахид считал, что каждое из «чтений» семи ученых живших в VIII в., достоверно, что лишь эти семь «чтений» законны. Концепция «семи чтений» была признана официально, особенно после того, как власти заставили ученых Ибн Муксима и Ибн Шаннабуза отречься от их идеи любого возможного прочтения и комментирования коранического текста, соответствующего правилам грамматики и разумному смыслу, включая известные до того времени «чтения» Ибн Масуда и Убайа бен Каба.

Что представляют собой семь способов «чтения», одобренных Ибн Муджахидом? Это – употреблявшиеся в разных регионах Халифата системы речитации – в Мекке, Медине, Дамаске, Басре, Куфе. Из этих семи чтений три были распространены в Куфе, а по одному – в других вышеперечисленных городах. Каждое чтение (*кира 'а*) при этом имело две версии (ед.ч. *ривайа*). Следовательно, всего версий насчитывалось четырнадцать. Данная система «семи чтений» стала со временем общепризнанной. Но только одна из четырнадцати версий (версия Хафса, умершего в 805 г.) от чтеца Асима (ум. в 774 г.) сохранила практическое значение до настоящего времени. Именно эту версию – как образец – воспроизводит стандартный Коран, изданный в 1928 г. в Египте.

«Семь чтений» в табличном варианте приводятся в книге Р. Белла и У.-М. Уотта (Белл, Уотт, 2005, с.63).

Однако ограничение «чтений» семью не было одобрено всеми мусульманскими учеными, которые допускали и десять чтений (по две «версии», и четырнадцать (в этом случае четыре последних имели лишь одну «версию»)). «Тремя после семи», то есть после

«семи чтений» Ибн Муджахиде способами «чтения» Корана были: в Медине Абу Джафар (ум. в 747 г.), в Басре – Йакуб ал-Хадрами (ум. 820 г.), в Куфе – Халаф (ум. в 843 г.). А «четырьмя после десяти» стали: в Мекке – Ибн Мухайсин (ум. в 740 г.), в Басре – ал-Йазиди (ум. в 817 г.), ал-Хасан ал-Басре (ум. в 728 г.), в Куфе – ал-Амаш (ум. в 765 г.). Перечисленные выше имена ученых мужей. Были и такие, что знали Коран согласно всем «семи чтениям». Но существование различных способов чтения Корана доставляет много неудобств верующим. Часть из них могут и не знать о существовании «семи чтений» Корана в Усмановской редакции.

Правила таджвида. Правила таджвида и их канонизация связаны с особенностями арабского языка и текста Корана. Законы таджвида обосновались как непреложные не только в разных трактатах, но и в ритуале чтения молитвы – посвящения. В молитве, помимо просьбы к Аллаху, содержалось обращение к снисходительности Аллаха к ошибкам, которые могли быть в произношении и чтении. Ниже в качестве примера мы приведем молитву из бомбейского издания Корана 1850 г., в которой подчеркнута значимость правильного чтения и по существу все требования таджвида, начиная с буквы. Эта молитва была опубликована Г.С. Саблуковым. Вот ее текст: «Господи, прими от меня это исповедание, потому что ты всеслышащ и всеведущ. Боже, даруй мне усладу за каждую букву Корана – участие в блаженстве за каждую часть его. Боже, даруй мне за *алиф* благоустройство в жизни, за *бе* – благословение, за *те* – покаяние, за *се* – награду, за *джим* – благонравие, за *ха* – мудрость, за *хха* – добро, за *даль* – наставление на прямой путь, за *заль* – пронизательность, за *ре* – милость, за *зе* – чистоту душевную, за *син* – счастье, за *шин* – здоровье, за *сад* – правдивость, за *зсад* – светлость, за *та* – свежесть здоровья, за *зца* – победу над врагами, за *гайн* – ведение, за *ггайн* – богатство, за *фе* – благополучие, за *ккаф* – близость к Тебе, за *кяф* – честь, за *лям* – благоволение Твое, за *мим* – предостережение, за *нун* – свет, за *вав* – средства к достижению желаемого, за *ге* – руководство по прямому пути, за *я* – верное знание. Боже, научи нас пользоваться великим Кораном, возвысь нас над словами

и мудрым учением его. С благоволением прими наше чтение его и прости нам случившуюся при чтении его какую-либо ошибку, или забвение, или перестановку слова со своего места, ускорение или замедление, прибавку или отпуск, истолкования смысла его не так, как Ты открыл его, недоумение или сомнение, небрежность или неприятность в напеве, торопливость при чтении Корана, или леность, поспешность или неповоротливость языка, остановку не на месте должной остановки, или слияния букв тогда, когда нет причины слияния, ясный выговор буквы там, где не нужна ясность, произношение меда, тешдида, гамзы, джезма или другого грамматического изменения слова там, где они не записаны, недостаток любви при словах о милости, недостаток страха при словах о мучении... Боже, просвети сердца наши светом Корана, укрась нравы красотой Корана...» (Саблуков, 1884, с. 74).

Правила таджида предусматривают регулирование следующих параметров звучащего текста:

1. произнесение начинающей (басмала) и завершающей (саадака) формул: (бисмиллахи – ррахманир – рахим – Во имя Аллаха Милостивого, Милосердного), (садакаллаху ль газым – Аллах сказал правду); традиция предусматривает по окончании речитации чтение 180-182 афтов 37 суры «Саффат» («Чинно стоящие»: «Хвала Господу твоему, Господу славы, не имеющему того, что приписывают они Ему. Мир посланникам Его! Слава Богу, Господу миров!»);
2. артикуляцию (произнесение отдельных слов, букв и знаков, изменение звучания в том или ином случае);
3. длительность слогов, слов и букв;
4. уместность и точность пауз;
5. повторы
6. динамику.

К этому комплексу правил можно отнести и традиционное деление читаемого коранического текста на части (джузы, хизбы и т. д.). *Джузы* – 30 частей, на которые делится Коран для удобства чтения во время Рамадана. В свою очередь, один джуз состоит из двух *хизбов*, каждый из которых составляют четыре *руб'а*.

Следующий уровень деления – *ашир* – раздел из 10 строчек Корана. Наконец, *манзиль* делит Коран на семь частей – для чтения в течение недели.

Таджвидом регулируются и ряд правил, относящихся к арабскому языку: гунна – назализация (носовое звучание ряда букв в предусмотренных случаях, удвоение звуков «м», «н» и др.); *калкала* (добавление в конце слова гласной к некоторым из согласных, появление в речитации двух слогов вместо одного); *тафксим* (усиление гортанного звучания в конкретных случаях); паузы (*вакф*), считающиеся чуть ли не главнейшим элементом таджвида. «Идеальная речитация – это украшение звуков и знание пауз», – слова, приписываемые Мухаммаду.

Использование пауз определяется не физической потребностью чтеца сменить дыхание (как правило, одна фраза читается на одно дыхание), но логикой самого текста.

Разработанность эстетики пауз в таджвиде отражается в разработанности системы обозначений в тексте остановки, паузы, непременно остановки, остановки в конце предложения или мысли, дозволяемой, рекомендуемой остановки, отсутствия остановки или необязательной остановки, короткой паузы без смены дыхания, чтение безостановочно, дозволенная остановка, если требуется взять дыхание (в том случае необходим повтор, начиная от предыдущей остановки). Означались также необязательная остановка, «нет остановки», «остановка здесь похвальна», «остановка рекомендована ангелом Джебраилом», «остановка рекомендована Пророком».

Художественное значение пауз при чтении Корана, безусловно. Это одно из средств, способствующих усилению выразительности речитации, красоты мелодики, помогающих слушателям сосредоточиться на смысле произносимого.

Из других встречающихся в тексте Корана знаков отметим: соблюдать предшествующий знак; отмеченные выше знаки деления текста на хизбы и джузы; коленопреклонение. Последнее указание продиктовано самим текстом, где говорится о необходимости коленопреклонения переел Аллахом. В современных изданиях Корана оно (всего таких мест пятнадцать) обозначается длинной чертой.

Выполнение всех требований таджвида – важнейший критерий речитации Корана. Все они подчинены главной задаче – точному, без искажений воспроизведению самого звучания божественного Слова, что, в свою очередь, означает правильное и осознанное донесение его смысла. Таджвид – это главный канон искусства речитации, по отношению к которому все остальное – участие фантазии чтеца, его опыта, влияние традиции – выступают как своеобразная импровизация.

Разработанность правил таджвида на всех уровнях – от произнесения звуков до смыслового наполнения тех или иных элементов – позволяет представить его в виде самостоятельной системы, где наличествуют, как нами было показано выше, собственно эстетические категории. Таджвил как наука и звуковое искусство и явились теми важнейшими компонентами, от соприкосновения которых рождается настоящее искусство речитации Корана.

Необходимость максимального сосредоточения на содержании текста и донесения всех оттенков смысла до слушателей, создание соответствующего эмоционально настроя сближают и задачи чтеца и сам процесс чтения с актом художественного музыкально-поэтического творчества. Хотя категория артистизма в работах по речитации Корана отсутствует, ряд моментов указывает на внимание мусульманских авторитетов и к этому вопросу. Так, одним из элементов идеальной речитации должен быть плач при чтении Корана. Указан даже способ соответствующей настройки: создание в себе ощущения горя, скорби, печали. Кроме того, показательны в этом отношении критерии отбора чтецов Корана, принятые на каирском радио: *hifd* – запоминание; *ada* – выполнение правил таджвида; *sawt* – качество голоса, общая музыкальность, мелодическая техника, контроль дыхания, благородство, чувство меры.

Каковы универсальные музыкальные «нормы» коранической речитации?

Особенности, продиктованные природой самого жанра речитации – *повествовательность*, проявляющаяся в постепенности мелодического движения, отсутствие скачков; *регистровая однородность*; *нисходящая направленность* (к основному тону)

к концу построения; *единство темпа* в рамках одной речитации. Это критерий, который различает *разные типы* речитации: *хадр* – в быстром темпе, *тадвир* – в среднем, *тахкик* – медленная речитация (предназначенная для обучения и заучивания); *тартиль* – спокойный, медленный темп.

Особенности самого текста Корана, предопределяющие его звуковую специфику: рифмы, ассонансы, повторы, паузы.

Особенности музыкального (и прежде всего, ладо-интонационного) мышления чтеца, отражающие специфику конкретной национальной, региональной традиции, школы, того или иного стиля.

Безусловно, в возникшем русле арабской культуры искусстве речитации Корана многое определяется прежде всего особенностями арабской музыки. О принципиальном сходстве речитации Корана с рядом светских жанров арабской музыки упоминают многие исследователи.

Особого внимания заслуживает и макама – одна из важнейших универсальных категорий музыкальной культуры ислама.

Использование макама в речитации. Макама – традиционная интонационно – ладовая основа арабской светской музыки. В речитации Корана использование макамов есть один из важных ее элементов. Соотнесение мелодической модели (макама) и вокальной техники со смыслом обозначается термином *taswir al ma'na* (изображение смыслов) и считается сущностным элементом идеальной речитации, а базовой для концепции *taswir al ma'na* является ассоциация макамов с настроением и эмоциями.

Высказывания самих чтецов подтверждает их сознательное отношение к выбору макамов (при сохранении основного принципа импровизации при чтении): «Я начинаю медленно и спокойно, потом поднимаюсь к среднему уровню, потом – к высшему регистру... Я не планирую. Это происходит в соответствии с состоянием моего голоса», - говорил шейх Фатхи Кандил. Необходимо оговориться, что закрепление связи между макамом и определенным настроением не является тотальным правилом и, скорее, отражает практику крупных мастеров египетской школы, славящейся особой музыкальностью. Важно отметить другое:

макам как ладо - интонационная модель, сформированная арабской традицией становится главной ладо – мелодической основой при чтении Корана в целом на обширной территории исламского мира. Индивидуальная же его трактовка зависит от множества субъективных факторов и от конкретной этнорегиональной традиции, которую представляет тот или иной чтец.

Многообразие компонентов, влияющих на музыкальность в речитации Корана, обусловила существование разных школ, традиции, стиля речитации, связанных с особенностями музыкального воплощения (ладовая основа, темп, большая или меньшая усложненность мелодического рисунка, техника пауз и т.д.).

Ранее уже говорилось о трех типах речитации, различающихся по темпу: хадр – быстрая (подобно разговорной речи), тадвир – в среднем темпе, тахкик – медленная речитация. Идеальным считается тип речитации «тартиль», рассматриваемый всеми авторами как образец чтения Корана. Исключительное значение тартиля связывается мусульманской традицией с тем, что, как отмечается в самом Коране, священная книга была продиктована Мухаммаду тартилем (Коран, 25:32, 74:4), и ему было указано произносить текст в этой же манере (Коран, 74:3, 74:4). Многочисленные источники, начиная с самого Корана и хадисов, подтверждают, что «реализация» таджвида в коранической речитации есть тартиль. Главными показателями тартиля являются спокойный медленный темп и ясность дикции, четкость в последовательном изложении всех частей Корана, в конечном итоге способствующие донесению смысла текста вплоть до его мельчайших деталей. Тартиль использовался в основном как показатель чтения, удобного для медитации и концентрации на содержании Корана. Как правило, тартиль отличает записи полного Корана, распространяемые по всему исламскому миру в качестве образцов речитации. Например, комплект из тридцати кассет, записанный в Саудовской Аравии шейхом Заки аль-Дагастани. Степень же музыкальности тартиля зависит от самого чтеца. При этом тартиль может отличать разные стили чтения. Исследование музыкально – стилистических особенностей речитации Корана в целом остается задачей будущего.

На сегодняшний день с этой точки зрения наиболее подробно проанализирована египетская школа речитации американской исследовательницей Кристиной Нельсон. Однако выводы, сделанные Нельсон в книге «Искусство речитации Корана» относительно двух основных стилей речитации в Египте, выходят за рамки характеристики региональной традиции и отражают принципы формирования разных стилей коранического распева в целом.

Классическая речитация в Египте. Обязательные требования для любой речитации – знание текста и правил таджвида. Два основных стиля чтения Корана в Египте – мураттал и муджаввад, различаются они прежде всего задачами, условиями чтения и оцениваются в соответствии с разными критериями. Каждодневное произнесение коранического текста, «личный» характер богослужения, практика обучения обусловили формирование стиля речитации, который можно назвать камерным. Этот стиль «чтения для себя» носит в Египте название «мураттал».

Обозначенные выше условия бытования мураттала, определяют и основные его стилистические особенности. Для мураттала характерно: последовательное чтение всех разделов Корана, без выделения какого-либо из них, деление речитации на фразы (одна строка или аят) паузами, необходимыми только для смены дыхания. Высотный уровень чтения в стиле мураттал соответствует уровню обычной разговорной речи, что подтверждает и достаточно быстрый темп. Каждому короткому слогу соответствует одна высота, «максимальный» распев более долгих слогов охватывает, как правило, не более двух соседних тонов. Это своего рода стандарт, характерный для любого повествовательного музыкально – поэтического жанра. Для мураттала не характерны индивидуализация мелодики распева, и категории художественности здесь, как правило, не употребимы. стиль мураттал имеет практическое распространение только среди непрофессионалов, а также используется в процессе обучения. Широчайшая же практика публичного чтения Корана (на праздниках, состязаниях, собраниях) обусловила появление иного стиля речитации – муджаввада.

Задача привлечения как можно большего числа слушателей, необходимость максимального эмоционально-религиозного воздействия на них вызывали необходимость использования особых эффектов, их выразительного потенциала. В этих условиях значительно возросла роль музыкального начала. Так рождался тип коранической импровизационной речитации, которую можно уподобить концертному жанру. В Египте этот стиль называется «муджаввад». Важнейшим признаком муджаввада является импровизационность, спонтанность речитации, неповторимость коранического распева. От чтецов это требует большого практического опыта. Закономерно, что, как правило, они – профессиональные исполнители, среди которых можно встретить и профессиональных певцов. Кораническая речитация в стиле муджаввад обладает своими особенностями и требует предварительной подготовки, репетиции. Однако для этих предварительных «распевов» обычно используется не сам коранический текст. Работа над текстом Корана происходит в рамках стиля мураттал. Рождение же стиля муджаввад было возможно только в условиях «публичности». Именно здесь наиболее полно реализуется главный принцип постоянной новизны, уникальности, неповторимости звучания Корана. Речитация в стиле муджаввад, как правило, бывает достаточно длительной (по нескольку часов), подразумевая настройку, вхождение чтеца в необходимое состояние, взаимодействие с аудиторией. Отличительной особенностью муджаввада является также внимание чтецов и слушателей к красоте звучания Корана. Из двух составляющих идеал речитации Корана – правильности и красоты чтения – именно в практике муджаввад может преобладать второе.

В части структурных особенностей стиля муджаввад можно отметить следующее: 1) преимущественное использование длительностей и развернутых фраз, позволяющих чтецу показать все богатство мелодического распева и владение дыханием; 2) разнообразие в использовании пауз – не только для отделения одной фразы от другой, как в мураттале, но и для подчеркивания и повторения слова или группы слов; 3) «показ» текста в виде нескольких

кратких, неорнаментированных мелодических построений и затем – его повтор в одной мелодически развитой, богато украшенной фразе (с возможной сменой регистра); 4) полнота, интенсивность звучания голоса, использование регистровых контрастов; 5) разнообразие используемых макамов; 6) смысловые и композиционные пики речитации; 7) богатая орнаментация (трели, скольжение, вибрато и другие приемы привнесенные певческой традицией).

Но в использовании украшений слишком приближающих речитацию в стиле муджаввад к пению, существуют свои «ограничители». Излишнее увлечение украшениями осуждается. Насколько речитация должна быть музыкальной, настолько она должна быть и отличной от музыки.

Анализ стилей мураттал и муджаввад, сделанный в книге К. Нельсон «Искусство речитации Корана» (Nelson, 1995), представляет собой одну из первых в коранистике попыток изучения традиций чтения Корана в контексте музыкально – стилистических особенностей. Эта книга – не только об одной региональной египетской традиции. Автором сделан вывод об универсализме самой традиции, сохраняющей принципиальное единство во временных и пространственных рамках, о тесных контактах носителей этой традиции в пределах всего исламского мира, об объективных универсальных закономерностях формирования музыкально – поэтического высказывания в зависимости от разных условий.

Таким образом, главный итог размышлений всех авторов, рассматривающих звуковую сторону бытования Корана в соответствии с его идеями, таков, что традиция чтения Корана как феномен мировой культуры не может быть отнесена к музыкальному искусству. Как явление самостоятельное, обладающее своей, не всегда совпадающей с музыкальной эстетикой, оно требует рассмотрения в особых категориях, находящихся на стыке религиозного и художественного. Задача коранической речитации – донесение божественного Слова без искажений, без внесения приходящих человеческих эмоций, настроений. Музыкальное (звук, «помноженный» на красоту) является средством достижения этой цели.

Источники и литература

Алиев, 2006: Алиев М. С. Мусульмане. Круг жизни: от рождения до смерти. СПб., 2006.

Белл, Уотт, 2005: Белл Р., Уотт У.-М. Коранистика. Введение. пер. с англ. СПб., 2005.

Еолян, 1990: Еолян И. Р. Традиционная музыка арабского Востока. М., 1990.

Ислам, 1991: Ислам. Энциклопедический словарь. М., 1991.

Кирей, 2007: Кирей Н. И. Коран и коранистика. Краснодар, 2007.

Коран, 1963: Коран (пер. с араб. академика И. Ю. Крачковского. М., 1963).

Пушкин, 1957: Пушкин А. С. Подражания Корану // А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. в 10 томах. Т. 2 Изд. второе. М., 1957.

Религиозные традиции, 1996: Религиозные традиции мира. в 2-х Т. Т.2. Пер. с англ. М., 1996.

Саблуков, 1884: Саблуков Г. С. Сведения о Коране, законоположительной книге мухаммеданского вероучения. Казань, 1884.

Сайфуллина, 1999: Сайфуллина Р. Г. Музыка священного слова. Чтение Корана в традиционной татаро-мусульманской культуре. Казань, 1999.

Nelson, 1985: Nelson K. The art of reciting the Quran. Austin, 1988.

АРХЕОЛОГИЯ НА КАФЕДРЕ АРХЕОЛОГИИ, ЭТНОЛОГИИ, ДРЕВНЕЙ И СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСТОРИИ

Н.Ю. Лимберис, И.И. Марченко

*«Мы так давно, мы так давно не отдыхали.
Нам было просто не до отдыха с тобой.
Мы пол-Кубани до нутра перекопали,
а остальное, к счастью, залито водой»*

(Из фольклора археологической экспедиции)

История развития археологических исследований в Кубанском госуниверситете началась с момента его основания и связана с такими исследователями как Н.А. Захаров, М.В. Покровский, Н.В. Анфимов. В данной работе мы рассмотрим период с момента основания на историческом факультете кафедры истории древнего мира и древних веков, т.е. с 1981 г. Традиционно сложилось так, что собственной археологической экспедиции в университете не было, и практику студентов проводили на базе экспедиций Краснодарского (тогда еще краеведческого) музея. Поэтому часто преподаватели, руководившие археологической практикой, по совместительству работали в музее. В 1980 г., в связи со строительством новой взлетно-посадочной полосы аэропорта, в музее была создана Краснодарская археологическая экспедиция. Её начальником стал В.А. Тарабанов, а с 1981 г. руководство экспедицией перешло к И.И. Марченко. Эта музейная экспедиция

стала базовой для практики студентов-историков, которой руководили А.М. Ждановский и И.И. Марченко.

В 1985 году появилась возможность организовать в университете хоздоговорную группу и перевести сотрудников Краснодарской экспедиции на работу в КубГУ, правда не без проблем. По существовавшим правилам возглавить хоздоговорную группу мог только человек с ученой степенью, а среди археологов тогда таких не было. Но выход был найден. А.М. Ждановскому и И.И. Марченко удалось уговорить Ю.Г. Смертина стать научным руководителем этой группы. Другой проблемой стало принятие на работу опытного специалиста Н.Ю. Лимберис. Ректор В.А. Бабешко отказался подписывать её заявление на том основании, что она является женой И.И. Марченко, а родственники не могут работать вместе. И тогда Н.И. Кирей написал обстоятельную служебную записку, в которой как этнограф объяснил ректору, что муж и жена не являются родственниками и что в стране приветствуются трудовые династии. Ректор согласился и подписал заявление. Весной этого года сотрудники Краснодарской археологической экспедиции перешли на работу в КубГУ, и с тех пор университет имеет свою постоянно действующую археологическую экспедицию. В университете была создана археологическая лаборатория, которой был выделен кабинет в общежитии № 2. Через несколько лет лаборатория уже располагалась в трех кабинетах.

Летом 1985 г. Краснодарская археологическая экспедиция КубГУ под руководством Н.Ю. Лимберис и И.И. Марченко провела раскопки курганов в зоне строительства Понуро-Калининской оросительной системы, в результате которых был получен богатый материал по сарматской культуре и эпохе бронзы. В 1985 г. защитил в МГУ кандидатскую диссертацию А.М. Ждановский и по возвращению из Москвы стал научным руководителем хоздоговорной лаборатории.

В 1986 г. при раскопках курганного могильника у хут. Малаи (по официальному приказу экспедиция называла Малайской, но суточные в валюте нам не платили) был открыт уникальный

комплекс эпохи Великого переселения народов. Из этого комплекса происходит пока единственный на Северном Кавказе железный пластинчатый доспех корейского типа, а также двуручный меч с перекрестием, украшенным перегородчатой инкрустацией из сердолика (Лимберис, Марченко, 2011). В раскопках кургана «Магистральный» активное участие принимала выпускница исторического факультета КубГУ А.В. Дроздова, получившая тогда свой первый Открытый лист. Раскопки степных курганов позволили значительно увеличить базу сарматских погребений степного Прикубанья. Этот материал лег в основу диссертационного исследования И.И. Марченко и вышедшей позднее монографии «Сираки Кубани» (Марченко, 1996).

В 1987 г. экспедиция под руководством А.М. Ждановского и В.А. Лейбовского начала раскопки могильника Старокорсунского городища № 2. В этот сезон было спасено более 100 погребений, находившихся под угрозой разрушения Краснодарским водохранилищем. Но на следующий год раскопки этого памятника не проводились, так как работы экспедиции были сосредоточены на территории позднесредневековой крепости на мысе Малый Утриш, находившейся под угрозой застройки.

В конце 1988 г. И.И. Марченко закончил аспирантуру и защитил кандидатскую диссертацию в ЛГУ. По возвращению в КубГУ он становится научным руководителем археологических работ. В 1989 г. экспедиция проводила исследования двумя отрядами. А.М. Ждановский продолжил работы на Малом Утрише. Здесь, кроме раскопок крепости, И.И. Марченко и А.В. Дроздовой был исследован позднесредневековый курган, который входил в состав огромного могильника, расположенного в Лобановой Щели. Большинство курганов было разграблено современными грабителями. Материалы раскопок дали возможность составить представление об этом памятнике (Марченко, Пьянков, 2003).

Н.Ю. Лимберис и И.И. Марченко возобновили охранно-спасательные работы на грунтовом могильнике Старокорсунского городища № 2. С 1989 г. раскопки на этом памятнике проводятся регулярно (за исключением 1993 г.) вплоть до сегодняшнего дня.

За долгие годы здесь было исследовано около 1000 погребальных комплексов. Памятник стал базовым для проведения археологической практики и эталонным для изучения меотской культуры, особенно для разработки типологии и хронологии отдельных категорий археологических находок (например: Лимберис, Марченко, 2005; 2007; Лимберис, Марченко, Монахов, 2011).

Так случилось, что в 1990 г. отрядам экспедиции пришлось работать одновременно на Старокорсунском могильнике и копать курганы в Тимашевском районе. Н.Ю. Лимберис, руководя археологической практикой, раскопала курган высотой более 6 м в ст-це Новокорсунской, содержащий 16 погребений новотитаровской и катакомбной культур. Глубина шахты одной из катакомб составляла более 10 метров (Лимберис, Марченко, 2002). А.М. Ждановский и И.И. Марченко поочередно, «вахтовым методом», вели раскопки на Старокорсунском городище и помогали Н.Ю. Лимберис в раскопках курганов. Врезались в память бесконечные зачистки бровок, которые регулярно обваливались по ночам, и А.М. Ждановский с кипой газет, к тому времени уже всерьез увлекшийся политикой. Знать бы, чем кончится это увлечение!

А кончилось оно попыткой государственного переворота в Москве, в августе 1991 г., когда А.М. Ждановский ушел из экспедиционного палаточного лагеря в лесополосе и больше никогда не вернулся в археологию, став последним председателем Краснодарского краевого Совета народных депутатов. Экспедиция потеряла грамотного специалиста и надежного соратника, археология – перспективного ученого, зато КубГУ обрел факультет управления, деканом которого А.М. Ждановский является до сих пор. Несмотря на политические потрясения и потерю боевого товарища, в результате масштабных раскопок 1991 г. на Старокорсунском некрополе было исследовано более 100 погребений VI–I вв. до н.э.

Другим запоминающимся моментом этого сезона, стало событие, которое получило на истфаке КубГУ название «Старокорсунской инициативы». В системе высшего образования тогда повеяло дыханием новизны, и передовые преподаватели

истфака решили заранее подготовиться к грядущим изменениям. Е.В. Щетнёв, В.Н. Ратушняк, А.Г. Иванов, С.В. Павловский, Р.М. Ачагу, Ю.Г. Смертин, А.М. Ждановский и начальник экспедиции И.И. Марченко собрались в лагере экспедиции, и в течение трех дней в результате «мозгового штурма» разработали программу обучения историков по системе бакалавриата. По этой программе исторический факультет первый и единственный в КубГУ осуществил выпуск бакалавров, но вскоре эту подготовку закрыли, и надолго. Тогда никто не мог предположить, что Б.Н. Ельцин подпишет Болонское соглашение... Правда, сейчас, когда система бакалавриата, которая значительно отличается от программы, разработанной в Старокорсунской, стала обязательной, приходится только сожалеть об этом. Так археологи Краснодарской экспедиции сыграли свою роль в государственной политике и реформе системы высшего образования в России. А.М. Ждановский, после короткого визита во власть, вернулся в университет и даже поучаствовал (ностальгия?) в 1997 г. в руководстве археологической практикой. Но возврата его в науку «археология» не произошло.

В 1992 г. кроме раскопок на могильнике Старокорсунского городища № 2 экспедиция занималась инвентаризацией археологических памятников в Динском районе. И.И. Марченко со студентами М.Ю. Лунёвым и А.Н. Ткачёвым скрупулезно фиксировали в течение месяца все объекты на территории этого обширного по площади района. Кроме уже известных курганов, было выявлено более 20 новых памятников, и эта работа через несколько лет стала востребованной при строительстве нефтепровода Каспийского трубного консорциума (КТК) и газопровода «Голубой поток». В этом же году И.И. Марченко и постоянный сотрудник экспедиции В.В. Бочковой провели разведочные работы на Тамани под строящуюся железную дорогу, где были выявлены новые поселения и десятки курганов. Эти работы заложили перспективы исследований археологических памятников Таманского полуострова на многие годы вперед. Летом 1993 г. Краснодарская экспедиция впервые за несколько сезонов не смогла продолжить

раскопки на Старокорсунском могильнике, и студенты истфака проходили практику на Тамани. Вряд ли они пожалели об этом, так как проживали, не как раньше (в палатках), а на берегу Таманского залива, в благоустроенных номерах пансионата, питались в курортной столовой, где их обслуживали официанты. В результате нескольких сезонов раскопок на Таманском полуострове были получены интереснейшие материалы из античного и средневекового некрополей поселения «Виноградный 7» и курганов (Лимберис, Марченко, 1997; Марченко, Бочковой, Кононов, 2007; Лимберис, Марченко, 2010). В процессе раскопок двух поселений эпохи раннего средневековья приобретали навыки ведения полевых исследований студенты-старшекурсники А.С. Будённый, М.Ю. Лунёв, А.Н. Ткачёв.

Очень интересным стал археологический сезон 1999 г., когда экспедиция исследовала курганы в ст-це Нововеличковской на трассе проектирующегося нефтепровода КТК. Высота самого большого кургана составляла около 10 м. Такие высокие курганы не раскапывались на Кубани очень давно, чуть ли не с дореволюционного времени, когда насыпь вскрывали вручную, способом «глухой траншеи». Для исследования кургана-великана была разработана специальная методика раскопок: метод отступающих бровок. Зачищали бровки высотой 11 м с помощью лесов, изготовленных из обычных кроватей. Нас часто поливали дожди, и приходилось ведрами отчерпывать воду из траншей длиной 80 м. Но одно погребение новотитаровской культуры, которое на сегодняшний день является самым «богатым», нам далось очень трудно. Мы открыли его в начале раскопок, но как только начинали расчистку, надвигались ливни. Расчистили его только в конце сезона. Комплекс оказался уникальным. Погребальная яма, в которой на циновке раскрашенной загадочными знаками, покоились мужчина и женщина, была перекрыта деревянным настилом. Сверху был сооружен для ритуальных целей камышовый шалаш. Рядом стояла повозка, борта которой были раскрашены красной краской. Реконструкцию этого уникального сооружения удалось в поле во время раскопок сделать Н.Ю. Лимберис и

выпускнице худграфа КубГУ С.О. Пальченковой, которая работает с нами по сей день. Этот комплекс вызвал большой интерес у специалистов, и первая краткая информация была помещена в журнале «Archaeology», США (Limberis, Marchenko, 2000), полная публикация вышла в России (Бочковой, Лимберис, Марченко, 2001) и Германии (Limberis, Marčenko, 2002).

На трассе КТК Краснодарская экспедиция начала работать ещё в 1998 г. Необходимо было раскопать три маленьких кургана у хут. Прикубанский в Красноармейском районе, и мы выехали вчетвером (Н.Ю. Лимберис, В.В. Бочковой, И.И. Марченко и водитель А.И. Пахомов). Разведку проводили сотрудники «Наследия Кубани» и как всегда многое пропустили. Как только мы выехали на место, В.В. Бочковой, уроженец этого хутора, с детства интересовавшийся археологией, сразу заявил, что здесь – меотский грунтовый могильник. Так оно и вышло. Вместо двух недель нам пришлось работать более месяца, правда мы не жалели об этом, так как материал был прекрасным. Однако Наталье Юрьевне пришлось нелегко. Кроме расчистки погребений, она еще и чертила их. Самым трудным оказалось погребение с тремя лошадьми и массой находок. Но мы выдержали. Стал вопрос о дальнейших раскопках. Мы уехали в Старокорсунскую проводить практику, а переговоры со строителями затянулись до осени. Главным инвестором проекта были американцы, в октябре состоялось последнее заседание по финансированию раскопок этого памятника. Представители КТК настаивали на том, чтобы мы начали копать немедленно, мы говорили, что плохая погода и нужно отложить раскопки до весны. Переговоры шли очень трудно. Через три часа сделали перерыв, и во время перекура куратор стройки сказал И.И. Марченко, что если археологи не начнут копать осенью, КТК легче будет заплатить многомиллионный штраф и уничтожить памятник, чем сорвать сроки стройки. Это кулуарное заявление и решило исход совещания. Несмотря на приближающуюся зиму, мы решили взяться за исследование Прикубанского могильника. Эпопея растянулась на три года.



Рис. 1. Н.Ю. Лимберис чертит погребение из Воронцовского кургана



*Рис. 2. Графическая фиксация меотского погребения
на могильнике Старокорсунского городища № 2*



Рис. 3. Н.Ю. Лимберис ведет дневниковые записи



Рис. 4. Графическая реконструкция погребения новотиторовской культуры из кургана у ст-цы Вововеличковской



Рис. 5. Меотское погребение IV в. до н.э. Некрополь
Старокорсунского городища № 2



Рис. 6. С.О. Пальченкова чертит меотское погребение



Рис. 7. Сотрудники экспедиции представляют часть реставрированных амфор из Прикубанского могильника



Рис. 8. Чернотаковая керамика из Прикубанского могильника



Рис. 9. На ступеньках базы "Археолог" в ст-це Старокорсунской

Самым трудным был начальный сезон: мы начали раскопки в октябре 1999 г. а закончили 4 марта 2000 г., правда на Новый год до 8 января уезжали домой. Жили мы в очень уютном доме бабушки В.В. Бочкового – простой кубанской станичницы, приветливой и интеллигентной женщины, которую все сотрудники вспоминают с теплотой и всегда передают ей через внука приветы и поздравления на праздники. Работали в очень сложных условиях – зимой, а она выдалась снежной и морозной, поэтому над погребениями ставили большие палатки, которые отапливали японской керосиновой печкой. Сколько канистр авиационного керосина мы сожгли, сейчас трудно подсчитать. Особенно тяжело было работать нашей художнице Юлии Чигоренко, которая чертила погребения на морозе. Чтобы успевать фиксировать расчищенные погребения, к черчению подключился М.Ю. Лунёв. Потом он два лета, как преподаватель нашей кафедры, руководил практикой студентов на этом могильнике. В результате к концу лета 2001 г., в основном благодаря усилиям В.В. Бочкового, было исследовано 429 погребений, которые дали первоклассный материал по меотской культуре IV в. до н.э.

Очень сложной была камеральная обработка материалов из Прикубанского могильника. Многие находки долгое время находились в грунтовых водах. Каждый археолог знает, как трудно склеивать фрагменты таких сосудов. А если только амфор более 300 и более 2000 сосудов?. Но команда из наших выпускников (В.Ю. Кононов, А.В. Иванов, А.С. Романченко) подобралась на редкость ответственная, и два года шла обработка материалов. На базе в специальном помещении клеили амфоры, горшки, кувшины и др., которые тут же фотографировали и описывали. Особо отметим прекрасную работу художников С.О. Пальченковой, Ю.А. Чигоренко, Г.С. Ковалевской, А.Ю. Короля (все – выпускники худграфа КубГУ), которые сделали тысячи рисунков сосудов, оружия, украшений и других предметов из погребений. В результате была получена полноценная коллекция находок из Прикубанского могильника, материалы которого постоянно используются в специальных работах (Лимберис, Марченко, 2010; Монахов, 2003).

Все эти годы с нами активно сотрудничал ведущий специалист в области амфорной тары профессор Саратовского госуниверситета С.Ю. Монахов, который помогал атрибутировать амфоры, сам делал их рисунки и обучал В.В. Улитина профессиональным навыкам работы с этой категорией находок. Амфорный материал из Прикубанского могильника стал основой кандидатской диссертации В.В. Улитина.

В 2003 г. экспедиция проводили раскопки на могильнике городища Спорное в Усть-Лабинском районе. И опять нам пришлось работать в зиму. Несмотря на непогоду, удалось исследовать более 230 разновременных погребений, которые датировались от IV в. до н.э. по III в. н.э. Этот памятник особенно интересен потому, что входит в Усть-Лабинскую локальную группу меотов, для которой долгое время эталонным считался Усть-Лабинский могильник № 2, раскопанный М.В. Покровским и Н.В. Анфимовым (Анфимов, 1951). Однако материалы из него были опубликованы суммарно, многие вещи сейчас депаспортизированы, а некоторые утеряны, и составить объективную картину погребального обряда и материальной культуры этой группы меотов было очень трудно. Наши раскопки заполнили этот пробел. Среди многочисленных комплексов могильника Спорное хотелось бы отметить погребение с умбоном от древнегерманского щита. Эта находка является пока единственной на Северном Кавказе, поэтому мы затруднились связать появление подобного щита в меотском могильнике с какими-то военно-политическими событиями (Лимберис, Марченко, 2013). Особый интерес для специалистов представляют выявленные в ходе раскопок катакомбные захоронения (Марченко, Раев, 2005; Лимберис, Марченко, 2011) и погребения с амфорами (Бочковой, Лимберис, Марченко, 2005).

В 2011 г. отряд экспедиции под руководством В.В. Бочкового раскопал участок (более 1000 кв. м) поселения Чекон, принадлежащего майкопской культуре (Бочковой и др., 2012). Этот уникальный памятник сразу привлек внимание специалистов по данной проблеме. Ознакомиться с материалами раскопок на базу экспедиции специально приезжали А.Д. Резепкин,

Г.Н. Поплевко, С.Н. Кореневский, А.Н. Гей. Очень большую работу по трасологическому анализу каменных и костяных предметов проделала сотрудник ИИМК РАН Г.Н. Поплевко.

Кроме стационарных раскопок сотрудники экспедиции (В.В. Бочковой, Е.Н. Булах, А.И. Данилин, А.И. Пахомов, А.С. Пасилецкая и др.) в разные годы принимали участие в составлении реестра археологических памятников Красноармейского района и мониторинге археологических объектов г. Краснодара. В результате этих исследований были выявлены новые памятники и открыты интересные комплексы. Примером могут служить две сарматские катакомбы на Пашковском 1 могильнике.

Заканчивая этот краткий обзор экспедиционной деятельности, отметим, что и сейчас мы проводим раскопки на наших базовых памятниках (Старокорсунском городище № 2 и могильнике городища № 3 хут. Ленина). Кроме этого, практически ежегодно отряд экспедиции работает на Тамани.

Сезонные откочевки к отдаленным объектам раскопок приучили сотрудников Краснодарской экспедиции базироваться в разных местах, более-менее привязанных к источникам воды и человеческому жилью: в палатках у водонапорных башен, в лесополосах, в вагончиках на ПМК и колхозных полевых станках, старых клубах и школах на заброшенных в степи хуторах. Последние годы, когда позволяют средства, выделяемые заказчиком работ, чаще обитаем в комфортных условиях: в гостиницах, пансионатах, на базах отдыха. Своего постоянного «дома» у экспедиции долгое время не было. Для хранения оборудования было выделено помещение на университетском чердаке. В 1992 г. экспедиция обосновалась в старой школе (постройки 1912 г.) в ст-це Старокорсунской (поближе к месту постоянных раскопок), часть которой была взята в аренду. На следующий год, благодаря поддержке А.М. Ждановского, который был в то время председателем Краснодарского Совета народных депутатов Краснодарского края, университет приобрел в собственность половину здания для базы археологической практики. Сотрудники экспедиции вложили немало личных средств на

её обустройство и сейчас она комфортна для научной работы и проживания студентов в период практики. Осенью 2010 г. мы были приглашены на юбилей университета прикладных технических и экономических наук Берлина и во время экскурсии встретились с ректором М.Б. Астаповым на куполе Рейхстага и обсудили ряд проблем развития археологии в КубГУ. Была затронута и тема содержания базы практики и Михаил Борисович пообещал в ближайшее время произвести необходимые ремонтные работы. Весной следующего года на базе были заменены окна, которые стояли с 1912 г.

До 1993 г. в экспедиции не было своего автотранспорта и его приходилось арендовать. Тот, кто помнит советские времена, понимает, с какими трудностями мы сталкивались. В 1992 г. в университетском гараже стоял совсем разбитый микроавтобус РАФ. Водитель А.И. Пахомов с большими усилиями его восстановил и уже на следующий год появился «зеленый» (как мы его называли) РАФик, который возил нас по дорогам и бездорожью несколько лет. Нередко в непогоду приходилось вытаскивать машину из грязи, и мы всегда выходили победителями. Александр Иванович или, как называют его многие студенты, дядя Саша, под руководством В.В. Бочкового и И.И. Марченко очень быстро научился первоклассно расчищать погребения, и самые сложные объекты мы доверяли ему, как и обучение студентов этому делу.

Позже выяснилось, что в гараже КубГУ стоит без дела подаренный на юбилей университета новый «голубой» РАФик. По дарственной он был передан первому проректору В.И. Чёрному, но ни ему, ни ректорату совершенно не был нужен. Владимир Иванович без бюрократической проволочки отдал микроавтобус нашей экспедиции. Таким образом, сотрудники в 1997 г. получили необходимый для работы новый автомобиль. Он верно служил нам, пока экспедиция не купила в 2000 г. на заработанные деньги автобус ПАЗ, и автомобиль «Нива», а позднее – микроавтобус «Баргузин». Этот автотранспорт до сих пор обслуживает раскопки и разведки экспедиции в разных районах Краснодарского края, равно как и проведение археологической практики.

Отношение ректората к археологам всегда отличалось особым вниманием. Кроме эпизода с «зеленым» РАФиком, вспоминается другой показательный случай. Проректор В.И. Чёрный из разговора узнал, что у нас в экспедиции сломался холодильник, а срочно купить не получается (счета, перечисления и т.д.). Он, не раздумывая, принял решение: «Заберите холодильник из моего кабинета». С тех пор холодильник исправно работает у нас на базе, и все студенты знают, что это – «холодильник Чёрного».

Хотелось бы отметить и структурные изменения археологической службы в КубГУ. С 1985 г. экспедиции работала в рамках археологической лаборатории. В 1998 г. лаборатория получила новый статус и была преобразована в Кубанский Центр археологических исследований, а в 2003 г. на базе этого Центра был образован НИИ археологии КубГУ. Очень жаль, что эти структурные образования, деятельность которых с самого начала была направлена на развитие археологической науки в КубГУ, никогда не имели бюджетных средств и ставок для сотрудников. За все годы существования они ни разу не получили никакой финансовой поддержки от университета. Их бюджет формировался за счет договорных средств от различных строительных организаций, в советское время – от госзаказов Министерства образования, Администрации Краснодарского края, а сейчас от тех жестроек и грантов РФФИ и РГНФ. В последние годы сотрудники НИИ археологии выполняют проект РГНФ по изучению торговых связей меоты с античным миром по материалам чернолаковой керамики и амфорной таре. Кроме этого, одновременно работаем над проектом по изучению фибул из меотских погребений правобережья Кубани.

Многие ошибочно считают, что археология – это только раскопки. На самом деле, у исследователей полевая археология занимает намного меньше времени, чем интерпретация находок. Одной из приоритетных задач НИИ археологии является ввод в научный оборот новых материалов. С этой целью был задуман сборник Материалов и исследований по археологии Кубани (главный редактор И.И. Марченко), который выпускался на

деньги, заработанные НИИ археологии КубГУ и ОАО «Наследие Кубани». Два последних выпуска были изданы за счет средств редакторов. В сборниках публиковались статьи ведущих специалистов из России, Украины, Германии и начинающих исследователей. Всего было выпущено 7 сборников, однако из-за финансовых проблем пришлось остановить работу. Мы надеемся, что в ближайшее время это серийное издание восстановится. Последний сборник (МИАК № 7) был посвящен только исследованиям нашей экспедиции (Лимберис, Марченко, 2007; Марченко, Бочковой, Кононов, 2007). Кроме выпусков МИАК сотрудники НИИ публикуют статьи в ведущих изданиях страны и за рубежом. В 2000–2005 гг. по приглашению Германского археологического Института И.И. Марченко и Н.Ю. Лимберис стали исполнителями проекта по изучению римских импортов в Прикубанье. Результатом этой работы стала монография, выпущенная в Германии (на нем. яз.) в 2008 г. (Marčenko, Limberis, 2008). В 2012 г. вышла в свет монография Н.Ю. Лимберис и И.И. Марченко «Мезотские древности VI–V вв. до н.э.», в которой был подведен итог 30-летнему периоду изучения раннемеотских памятников экспедицией КубГУ (Лимберис, Марченко, 2012). За эти книги авторы дважды получили звание лауреатов премии Администрации Краснодарского края.

Более чем за три десятилетия исследований на разных памятниках Краснодарского края экспедиция накопила не только многотысячные коллекции предметов материальной культуры разных эпох и культур, которые в значительной мере пополнили фонды Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника им. Е.Д. Фелицына, но сохраняла также антропологический и остеологический материал из раскопок. Возможно, это самое большое собрание на Юге России. Дело в том, что в Краснодарском крае нет специалистов по антропологии и палеозоологии, поэтому многие экспедиции не хранят кости людей и животных, но мы копили, надеясь на обработку их в будущем. С 2001 г. были налажены научные связи с опытным специалистом-антропологом (ныне уже профессором Волгоградского

университета) М.А. Балабановой, которая практически ежегодно приезжает и определяет антропологический материал. Научная обработка наших коллекций, которая сочетает как традиционные, так и новейшие методы (в том числе генетический анализ), дает возможность приблизиться к разрешению проблемы этногенеза меотов, сармат и средневековых племен Тамани.

В 2002 г. по нашему приглашению над остеологической коллекцией работал крупнейший палеозоолог Европы, сотрудник Германского археологического института, доктор Норберт Бенеке. В результате были получены уникальные данные о составе стада домашних животных и дикой фауне Прикубанья в эпоху раннего железа. И, что очень важно для нашей практической работы, Н.Ю. Лимберис прошла у немецкого специалиста стажировку по определению костей животных.

Для археологов, как и для всех ученых, необходим регулярный живой обмен научными данными, поэтому по инициативе КубГУ в 1989 г. была организована Кубанская международная археологическая конференция. С небольшим перерывом она проводится каждые четыре года. Её статус иногда меняется на съезд или конгресс, но суть остается той же. На конференции собирается не менее 140–150 ученых от патриархов, до молодежи, которая только общается к науке. Научное руководство конференции осуществляется археологами КубГУ (постоянным председателем Оргкомитета является И.И. Марченко, а в редсовете постоянным членом является Н.Ю. Лимберис, которые и осуществляют научное редактирование статей). В 2013 г. была проведена уже шестая конференция (конгресс), на которую съехалось более 140 ученых из России и стран ближнего и дальнего зарубежья. Объем сборника конференции составил более 50 п.л. Приятно отметить, что на все конференции, выделяла (и мы надеемся, что и в будущем будет выделять) средства Администрация Краснодарского края (бюджет последней конференции составил около 3 млн. руб.). Кроме Кубанской конференции, сотрудники Краснодарской экспедиции ежегодно участвуют в археологических симпозиумах, как в России, так и за рубежом, постоянно информируя коллег о новых открытиях и исследованиях.

НИИ археологии КубГУ поддерживает тесные научные связи со многими археологическими учреждениями, такими как Институт археологии РАН, ИИМК РАН, Государственный Эрмитаж, и многими университетами России и ближнего зарубежья. Специально нужно отметить многолетнее сотрудничество с Германским археологическим институтом (с 1999 г.), членом-корреспондентом которого является И.И. Марченко, и Институтом археологии Боннского университета. В 2003 г. департамент по международным связям КубГУ предложил нам участвовать в программе сотрудничества с Высшей технической школой Берлина, в настоящее время преобразованной в университет прикладных технических и экономических наук. В этот год немецкие студенты проходили практику на базе Краснодарской экспедиции и делали вместе с нашими студентами топографическую и магнитную съёмки Старокорсунского городища № 2 и его могильника. В дальнейшем еще два сезона мы продолжали эти совместные работы. Нам удалось совместить данные раскопок и магнитной разведки. Результаты получились отличными, что нашло отражение в специальном методическом сборнике Института археологии РАН (Марченко, Лимберис, 2011).

Хотелось бы отметить и роль фонда Олега Дерипаски «Вольное Дело» в развитии археологии в КубГУ. В 2007 г. по приглашению академика РАН Григория Максимовича Бонгарда-Левина наш НИИ был привлечен к подготовке фундаментального издания «Античное наследие Кубани» в трёх томах (И.И. Марченко вошел в редакционный совет этого издания, как координатор по Кубани). Три наших сотрудника стали авторами отдельных глав в этом знаковом издании, которое финансировал фонд. В 2011 г. фонд организовал подготовку 12 студентов-бакалавров по программе археология. Студенты ежегодно проходили полевую практику в Фанагорийской экспедиции ИА РАН, принимали участие в выездных заседаниях Отдела классической археологии и прошли стажировку в МГУ. В 2015 г. десять студентов поступили в магистратуру, и будут обучаться за счёт фонда «Вольное Дело».

Самая долгая, искренняя и прочная дружба связывает нас

с Северо-Кавказкой экспедицией ИА РАН, организованной и многие годы возглавлявшейся И.С. Каменецким, который впоследствии передал руководство своему надежному помощнику А.Н. Гею. Не раз нашим экспедициям приходилось рядом вести раскопки курганов в степном Прикубанье. Да и базы экспедиций расположены на соседних улицах в ст-це Старокорсунской. Последние годы Игорь Сергеевич приезжал на базу чаще всего один, так как другие археологи были заняты на раскопках. По-соседски он часто обращался к нам за помощью, и наши сотрудники и студенты охотно разбирали с ним материал, мыли и клеили керамику, рисовали и т.д. Игорь Сергеевич был для нас не просто патриархом меотской археологии, но и старшим другом, с которым мы в нескончаемых беседах обсуждали научные (и не только археологические) и личные проблемы. Сейчас в Северо-Кавказской экспедиции работает наш выпускник П.С. Успенский, недавно успешно защитивший в ИА РАН кандидатскую диссертацию.

В заключении этого краткого обзора развития археологии в КубГУ хотелось бы отметить, что на протяжении многих лет мы всегда ощущали большую поддержку сотрудников кафедры, факультета и университета, которые понимают все сложности нашей работы.

Источники и литература

Анфимов, 1951: Анфимов Н.В. Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской // МИА. № 23. М., 1951.

Бочковой, Лимберис, Марченко, 2001: Бочковой В.В., Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Раскопки курганов у ст. Нововеличковской в 1999 г. // Археологические исследования на новостройках Краснодарского края. Вып. 1. Краснодар, 2001. С. 80–137.

Бочковой, Лимберис, Марченко, 2002: Бочковой В.В., Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Раннесредневековые погребения из раскопок Прикубанского могильника в 1999 году // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 2. Краснодар, 2002. С. 116–130.

Бочковой, Лимберис, Марченко, 2005: Бочковой В.В., Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Погребения с амфорами из могильника городища Спорное // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 5. Краснодар, 2005. С. 172–218.

Бочковой и др., 2012: Бочковой В.В., Лимберис Н.Ю., Марченко И.И., Резепкин А.Д. Поселение майкопской культуры «Чекон» // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Кн. 2. СПб., 2012. С. 95–100.

Лимберис, Марченко, 1997: Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Античные погребения из курганов в окрестностях Фанагории // Понтийские греки. Краснодар, 1997. С. 46–57.

Лимберис, Марченко, 2002: Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Новокорсунские курганы // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 2. Краснодар, 2002. С. 3–71.

Лимберис, Марченко, 2005: Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Хронология керамических комплексов с античными импортами из раскопок меотских могильников правобережья Кубани // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 5. Краснодар, 2005. С. 219–324.

Лимберис, Марченко, 2007: Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Раскопки курганной группы «Пластуновская-52» // Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар. Вып. 7. 2007. С. 3–69.

Лимберис, Марченко, 2007: Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Раскопки могильника Старокорсунского городища № 2 в 2006 г. // Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар, 2007. Вып. 7. С. 70–150.

Лимберис, Марченко, 2010: Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Новые материалы из раскопок курганного некрополя у поселения Виноградное–7 на Тамани // ΣΥΜΒΟΛΑ. Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие находки и открытия. Вып. 1. М.-Киев, 2010. С. 152–163.

Лимберис, Марченко, 2010: Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Расписные и чернолаковые сосуды из Прикубанского могильника (атрибуция и хронология) // Древности Боспора. Вып. 14. М., 2010. С. 322–356.

Лимберис, Марченко, Монахов, 2011: Лимберис Н.Ю., Марченко И.И., Монахов С.Ю. Новая «прикубанская» серия эллинистических амфор // Античный мир и археология. Вып. 15. Саратов, 2011. С. 265–283.

Лимберис, Марченко, 2011: Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Подбойно-катакомбные погребения из меотских могильников правобережья Кубани // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии. Материалы VII Международной конференции. Ростов-на-Дону, 2011. С. 98–112.

Лимберис, Марченко, 2011: Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Погребения эпохи великого переселения народов и раннего средневековья из курганов степного Прикубанья // Stratum. Петербургский апокриф. Послание от Марка. Кишинев, 2011. С. 411–435.

Лимберис, Марченко, 2012: Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Меотские древности VI–V вв. до н.э. (по материалам грунтовых могильников правобережья Кубани). Краснодар, 2012. 316 с.

Лимберис, Марченко, 2013: Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Всадническое погребение с умбоном из Среднего Прикубанья // Stratum plus. Археология и культурная антропология. В поисках Ойума. «Пути народов». Кишинев, 2013, № 4. С. 105–115.

Марченко, 1996: Марченко И.И. Сираки Кубани. Краснодар, 1996.

Марченко, Бочковой, Кононов, 2007: Марченко И.И., Бочковой В.В., Кононов В.Ю. Раскопки могильника «Виноградный-7» на Тамани в 2005–2006 гг. // Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар, 2007, Вып. 7. С. 151–392.

Марченко, Лимберис, 2011: Марченко И.И., Лимберис Н.Ю. Оборонительные сооружения меотских городищ хут. Ленина № 2 и Старокорсунского городища № 2 // Методика полевых исследований. Вып. 4. Греческие и варварские памятники Северного Причерноморья. Опыт методики российских и украинских исследований. М., 2011. С. 131–184.

Марченко, Пьянков, 2003: Марченко И.И., Пьянков А.В. Курган 37 могильника Лобанова щель (материалы раскопок 1989 г.) // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 3. Краснодар, 2003. С. 168–213.

Марченко, Раев, 2005: Марченко И.И., Раев Б.А. Катакомбы и подбои меотского грунтового могильника городища Спорное // Четвертая Кубанская археологическая конференция. Краснодар, 2005. С. 230–231.

Монахов, 2003: Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. М.; Саратов, 2003.

Limberis, Marchenko, 2000: Limberis N., Marchenko I. Caucasus Kurgan Cache // Archaeology. The Archaeological Institute of America. September/October 2000. P. 12–13.

Limberis, Marčenko, 2002: Limberis N., Marčenko I. Ein Kurgan der Novotitarovskaja-Kultur bei Novoveličkovskaja, Kuban-Gebiet, Nordwestkaukasien // Eurasia Antiqua. Zeitschrift für Archäologie Eurasiens. Bd. 8. Mainz am Rhein. 2002. S. 1–37.

Marčenko, Limberis, 2008: Marčenko I.I., Limberis N.Ju. Römische Import in sarmatischen und maiotischen Denkmäler des Kubangebites // Archäologie in Eurasien. Mainz, 2008. S. 264–622.

ПАЛЕОДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МОГИЛЬНИКА ВИНОГРАДНЫЙ-7

А.Н. Абрамова

Спасательные раскопки могильника «Виноградный-7» проводились в два полевых сезона (в 2005, 2006 гг.) Краснодарской археологической экспедицией Кубанского государственного университета. Могильник располагался на 12–13 км железной дороги станции Вышестеблиевская - поселок Волна.

Материалом для данного исследования послужили погребения, датированные ранним средневековьем (VIII–X вв.) (Марченко и др., 2007, с. 151–271). К этому времени относятся 64 погребения из 103 раскопанных. Палеоантропологический материал был плохой сохранности, что зачастую затрудняло определение пола и возраста индивидов. В данной работе мы пользуемся половозрастными определениями, предоставленными М.А. Балабановой, за что мы ей очень признательны.

Основные аналитические приемы, используемые в приведенном исследовании, соответствуют широко применяемым методикам, ставшим классическими (Алексеева и др., 2003 и др.) (табл. 1, 2). Прежде всего, они предполагают группировку индивидов в возрастные когорты, на основании которых строятся таблицы смертности:

- отдельно для всей совокупности индивидов, так называемая, объединенная выборка;
- отдельно для мужчин, для женщин;
- для группы взрослых без деления по полу.

Затем определяется средний возраст смерти в группе:

- в целом с учетом детей (А);
- без учета детей и подростков (АА);
- отдельно по мужчинам и женщинам (ААm/ААf).

И, наконец, рассматривается процентное соотношение:

- по полу (PSR) (половая структура);
- детская смертность или доля детей в могильниках (PCD);
- доля индивидов старше 50 лет (C50+);
- доля индивидов, умерших в молодом возрасте (C15–35).

Кроме этого, выявленные демографические закономерности по исследуемой группе иллюстрируют кривые смертности, которые строились на основании табличных значений. Форма кривых является по своей сути новым генерализованным популяционным признаком, удобным для проведения внутригрупповых и межгрупповых сравнений. На основе их дается демографическая оценка исследуемого населения.

Как известно, показателем половой структуры является соотношение полов. В исследуемой серии мужская часть населения преобладает над женской и составляет 1,25. В процентном выражении соотношение по полу составляет: 55,6:44,4. Следует отметить, что преобладание мужчин над женщинами довольно распространенное явление, особенно для подвижных групп населения. В нашем случае такое соотношение по полу можно связать и с посмертным отбором, связанным с плохой сохранностью женских костяков.

При реконструкции возрастной структуры, в первую очередь следует учитывать долю детей в группе, которая составляет 30 % от общего числа погребенных. Как известно, доля детей в древних и средневековых сериях находится в пределах 30–70 % (Перерва, Балабанова, 2010, с. 85), а, значит, материал исследуемой популяции соответствует нормальному распределению и характеризует традиционный тип воспроизводства с высокой детской смертностью. Распределение же детей по возрастным когортам демонстрирует отклонения от традиций, так как более половины детского населения приходится на возраст 5–9 лет (63,2 %).

Видимо, причина более низкой доли детей первой возрастной когорты от новорожденности до 5 лет (31,6 % от общего количества детей) также связана с тем, что хрупкие кости детей этой группы хуже сохраняются, чем кости детей из старших возрастных групп. Доля подростков (10–14 лет) составляет – около 5,2 % (табл. 1; рис. 1).

Таким образом, пик детской смертности приходится на вторую детскую когорту, что демонстрирует нарушения классического распределения смертности в традиционных культурах. Поэтому доля детской скелетов должна быть намного больше.

Далее стоит рассмотреть распределение смертности по возрастным когортам взрослого населения, которое демонстрирует три пика смертности: в 20–25 лет; 30–35 лет и 45–50 лет. Если последний пик смертности можно связать с естественной убылью населения, то относительно высокая смертность в молодом возрасте связана с другими причинами. Для того, чтобы разобраться в этом следует рассмотреть отдельно разнополюсные группы (табл. 2, рис. 2).

Как показывают кривые смертности, для мужской группы характерна прямая зависимость смертности от возраста и около половины (48 %) их умирает в возрасте старше 45 лет. Пик мужской смертности приходится на 45–49 лет, видимо, в этом интервале умирала большая часть доживших до этого возраста индивидов, 50-летний рубеж пережили только 8 % мужчин. Полученная картина свидетельствует об относительном благополучии мужского населения и их высокой приспособленности к условиям своего обитания.

Совсем другая картина характерна для женщин. Здесь около 70 % их умирало в репродуктивном возрасте до 35 лет, что, как неоднократно отмечалось различными авторами, связано с неудачным течением беременности и родов, а так же антисанитарными условиями древних поселков (Алексеева и др. 2003; Балабанова, 2013; Романова, 1986). Таким образом, период благополучия для женщин напрямую связан с удачным завершением активного репродуктивного периода.

Очень важным показателем благополучия группы является средний возраст умерших. В исследуемой группе с учетом детей этот параметр находится в пределах – 27,7 лет, а без учета детей 36,8 лет. Как отмечает В.П. Алексеев изучивший демографические показатели древнего и средневекового населения территории СССР: «... почти во всех рассмотренных нами случаях продолжительность жизни взрослого населения в эпоху средних веков была меньше 40 лет...» (Алексеев, 1972, с. 19). Из чего можно сделать вывод, что и рассматриваемое нами население оставившего могильник Виноградный-7 не является исключением по показателю средний возраст смерти.

Мужчины жили дольше женщин на 8,4 года. Средний возраст умерших мужчин и женщин соответственно составляет 40,5 и 31,9 лет. Большая продолжительность жизни у мужчин по сравнению с женщинами при традиционном типе воспроизводства является нормой (Алексеев, 1972, Балабанова, 2013), а высокая смертность женщин напрямую была связана со стрессами, сопровождаемыми беременностью и родами. Организм беременной женщины был более чувствителен экзогенным воздействиям окружающей среды.

Таким образом, анализируя суммарные характеристики возрастного распределения по суммарной группе, можно выделить три пика смертности (рис. 1). Первый приходится на детский возраст 4–9 лет. Несмотря на то, что высокая детская смертность характерна для древних и традиционных обществ, что не раз отмечалось в литературе, но она должна приходиться на первую детскую когорту (Алексеев, 1972). Второй пик приходится на возраст 20–24 года, видимо, это связано со специфическим стрессом, сопровождающим жизнь молодых мужчин и с репродуктивной функцией женщин. И третий пик приходится на возрастную когорту 45–49 лет, что можно связать с биологическим износом организма и естественной убылью населения.

Подводя итог можно сделать следующие выводы:

1. Для исследуемой группы характерна высокая детская смертность в возрасте *infantilis* I и II и преобладание мужской

части популяции над женской, что видимо, можно связать с плохой сохранностью материала и «посмертным отбором».

2. Высокая женская смертность приходится на фертильный возраст и связана с тяжелым течением беременности и родов, а так же неблагоприятной санитарной обстановкой, в то время как для мужчин характерна прямая зависимость смертности от возраста, что может свидетельствовать об относительном благополучии мужского населения.

Источники и литература

Алексеев, 1972: Алексеев В.П. Палеодемография СССР // Советская археология. 1972. № 1. С. 3–21.

Алексеева и др., 2003: Алексеева Т.И., Богатенков Д.В., Лебединская Г.В. Влахи. Антропо-экологическое исследование (по материалам средневекового некрополя Мистихали). М.: Научный мир, 2003.

Балабанова, 2013: Балабанова М.А. Позднесарматское население Нижнего Поволжья и сопредельных территорий в антропологическом контексте раннего Железного века и раннего Средневековья [Текст]: дисс. докт. ист.наук: 03.03.02: защищена 21.05.2013 / Балабанова Мария Афанасьевна. Волгоград, 2013.

Марченко и др., 2007: Марченко И.И., Бочковой В.В., Кононов В.Ю. Раскопки могильника «Виноградный-7» на Тамани в 2005–2006 гг. // Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар, 2007. Вып. 7. С. 151–271.

Перерва, Балабанова, 2010: Перерва Е.В., Балабанова М.А. Палеодемография населения, погребенного в могильнике Вакуровский бугор // Научный вестник ВАГС. 2010. № 1/3. С. 83–88.

Романова, 1986: Романова Г.П. Демографический анализ палеоантропологических материалов могильника Лебеди III // Археологические открытия на новостройках: древности Северного Кавказа (материалы работ Северо-кавказской экспедиции) / АН СССР, Ин-т археологии АН СССР; [отв. Ред. И.С. Каменецкий]. М., 1986. Вып. 1. С. 195–203.

Таблица 1
Общая таблица смертности погребенных
в могильнике Виноградный-7

Возраст, лет	Dx	dx	lx	qx	Ex
0–4	6	9,4	100	0,1	27,7
4–9	12	18,75	90,6	0,2	25,34
10–14	1	1,6	71,9	0,02	26,3
15–19	3	4,7	70,3	0,07	21,8
20–24	8	12,5	65,6	0,2	18,2
25–29	5	7,8	53,1	0,15	16,9
30–34	7	10,9	45,3	0,24	14,4
35–39	3	4,7	34,4	0,14	13,2
40–44	3	4,7	29,7	0,16	9,9
45–49	13	20,3	25	0,8	3,9
50+	3	4,7	4,7	1	5
всего	64	100	598,4	2,76	185,04

Примечание:

Dx – число индивидуумов, умерших в определенном возрастном интервале;

dx – доля в процентах индивидуумов, умерших в определенном возрастном интервале;

lx – относительное число индивидуумов, доживших до определенного возрастного интервала;

qx – вероятность смерти индивидуума в когорте;

Ex – ожидаемая продолжительность жизни в каждом интервале, или среднее число лет, которое может прожить индивидуум, достигший определенного возраста.

Таблица 2
Таблица смертности мужчин и женщин могильника Виноградный -7

Возраст, лет	Мужчины				Женщины					
	Dx	dx	lx	qx	Ex	Dx	dx	lx	qx	Ex
15–19	0	0	100	0	25,4	3	15	100	0,2	16,9
20–24	4	16	100	0,16	20,4	5	25	85	0,3	14,4
25–29	2	8	84	0,1	18,8	3	15	60	0,25	14,4
30–34	3	12	76	0,2	15,5	3	15	45	0,3	13,3
35–39	2	8	64	0,13	12,97	1	5	30	0,2	13,8
40–44	2	8	56	0,14	9,5	1	5	25	0,2	11
45–49	10	40	48	0,8	3,75	3	15	20	0,75	4,4
50+	2	8	8	1	5	1	5	5	1	5
всего	25	100	548	2,26	113,2	20	100	380	2,6	96,9

Рисунок 1
Возрастная динамика смертности населения, основавшего
могильник Виноградный -7

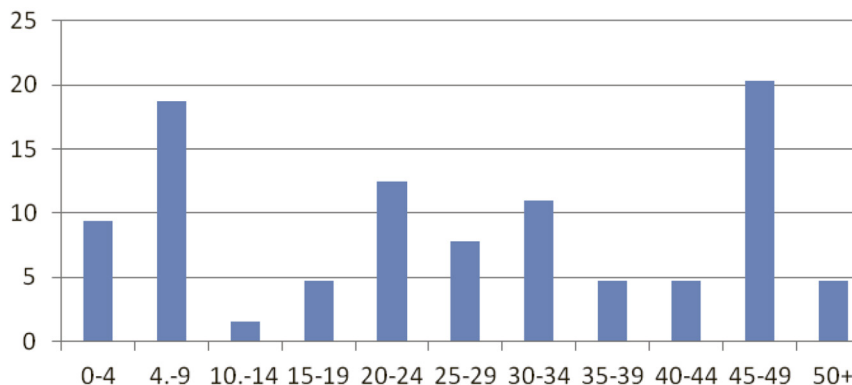
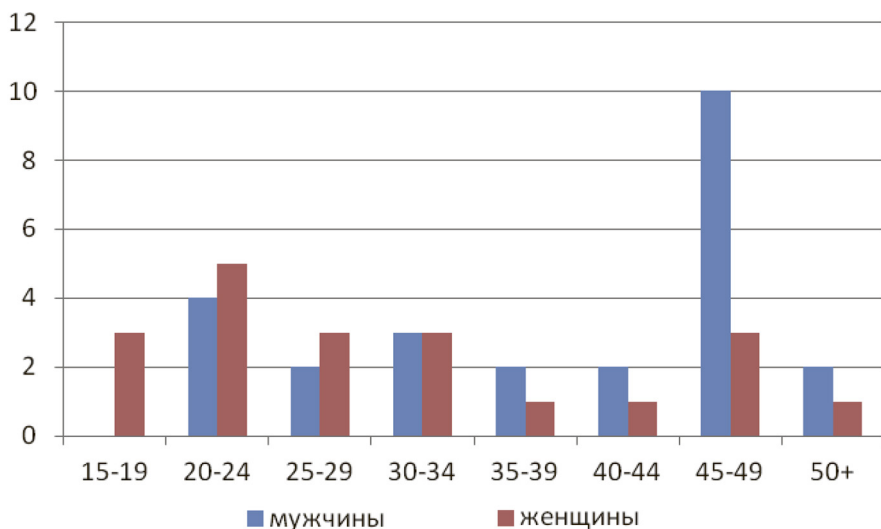


Рисунок 2
Возрастная динамика смертности мужчин и женщин,
погребенных в могильнике Виноградный-7



АМФОРЫ ЭРИФР ИЗ ЕЛИЗАВЕТИНСКОГО МОГИЛЬНИКА № 2¹

В.В. Улитин

Елизаветинский могильник № 2, меотский памятник на правой высокой террасе р. Кубани, в 2 км к востоку от станицы Елизаветинской, связанный с Елизаветинским городищем № 2, впервые был исследован в 1966–1967 гг. экспедицией под руководством Н.В. Анфимова и Р.С. Якимовой (Анфимов, 1967, с. 71–73). При раскопках 1966–1967 гг. было найдено 95 древнегреческих амфор, имеющих особое значение как для датировки памятника, так и для характеристики торговых связей Елизаветинского городища № 2. Материал хранится в фондах КГИАМЗ им. Е.Д. Фелицына. За исключением керамической тары Икоса (Улитин, 2014, с. 260–263, рис. 1–2), амфоры из могильника не были опубликованы².

Среди амфорного материала из Елизаветинского могильника № 2 присутствуют две амфоры, произведенные в Эрифрах – древнегреческом ионийском центре на побережье Малой Азии, о виноделии которого сохранились сведения у античных авторов (Theophr. De odoribus, 52; Athen. I, 32 b; Plin. NH, XXXV. 161)

¹ Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 13-01-00089 «Торговые связи меотов Прикубанья с античным миром (по материалам древнегреческой чернолаковой и тарной керамики)».

² Благодарю Р.С. Якимову за возможность изучения и публикации материала из этого памятника.

(Tchernia, 1986, p. 31–32; Монахов, 2012, с. 111). Амфоры этого центра производства совсем недавно были выделены среди древнегреческой керамической тары, сначала по находкам в Средиземноморье (Carlson, Lawall, 2005–2006, p. 32–39; Dupont, Lungu, 2010a, p. 3–36, fig. 4–10; 2010b, p. 39–53, pl. 24–26), а затем и в Северном Причерноморье (Монахов, 2012, с. 111–124).

Обе амфоры не реставрированы и фрагментированы, тем не менее, могут быть отнесены к типу IV по классификации С.Ю. Монахова. Тулово у обоих сосудов было пифоидным. Амфора из погребения 16 (раскопки 1967 г.) (рис. 1.1) имеет венчик в виде уплощенного валика, ножка низкая, валикообразная с высоким углублением, близким к конической форме, на подошве. Глина плотная, кирпичного цвета, с мелкими блестками слюды и отдельными мелкими белыми непрозрачными включениями. По форме ножки сосуд ближе всего к амфоре из погребения 60 Прикубанского могильника (Монахов, 2012, рис. 7/42), по форме венчика – к амфоре из погребения 42 могильника Старокорсунского городища № 2 (Монахов, 2012, рис. 7/46). У второй амфоры, из погребения 42 (раскопки 1967 г.) (рис. 1.2), валикообразная ножка сильно расширена в средней части и имеет высокое углубление грибовидной формы. Венчик уплощенный, валикообразный, слегка заострен в верхней части. Глина светлокорицевая, присутствуют блестки слюды и белые непрозрачные включения. Из опубликованных амфор Эрифр наиболее близкой формой ножки обладает амфора из погребения 26 Прикубанского могильника (Монахов, 2012, рис. 7/40), морфология же венчика больше напоминает таковой у амфоры из погребения 60 того же памятника (Монахов, 2012, рис. 7/42).

Сосуды с близкими по форме ножками и венчиками из меотских погребений не имеют твердой хронологической привязки (Монахов, 2012, с. 121). Исключением является амфора из погребения 42 могильника Старокорсунского городища № 2, но ее венец по форме все же отличается от менее уплощенного венца сосуда из погребения 16 Елизаветинского могильника № 2. С.Ю. Монахов, отмечает «бытование четвертого типа тары

Эрифр на протяжении конца IV – первой трети III в. до н.э.» (Монахов, 2012, с. 122). В этих пределах и могут быть датированы эрифрские амфоры из Елизаветинского могильника № 2.

Амфоры Эрифр в Прикубанье известны, помимо Елизаветинского могильника № 2, на разных меотских памятниках как более западных локальных групп (в Прикубанском могильнике: Монахов, 2012, с. 123, №№ 39, 40, 42, рис. 6/39, 7/40, 42), так и Краснодарской группы (могильник Гидрострой I на территории Краснодара (Монахов, 2012, с. 123, № 22), могильники городищ № 2 у хутора Ленина (Монахов, 2012, с. 123, №№ 27, 28, 43, 44, рис. 5/27, 28, 7/43, 44) и Старокорсунского городища № 2 (Лимберис, Марченко, 2005, с. 220, 264, рис. 37/8; 2007, с. 70, 90, 94, рис. 27/3, 4, 42/3, 4а; Монахов, 2012, с. 123, № 13, 19, 21, 41, 46, рис. 2/13, 3/19, 4/21, 6/38, 7/41, 46)). Публикуемые амфоры позволяют расширить список известных меотских поселений, в которые поступала продукция Эрифр. Наиболее ранние амфоры Эрифр в Прикубанье датируются в пределах второй четверти IV в. до н.э. (Монахов, 2012, с. 116), а наибольшее количество амфор этого центра, найденных на меотских памятниках, относится к типу IV (в каталоге к статье С.Ю. Монахова их учтено 8: Монахов, 2012, с. 123, №№ 38–44, 46). Вероятно, именно в этот период (вторая половина – конец IV – первая треть III в. до н.э.) торговые связи меотов Прикубанья с Эрифрами были наиболее интенсивными. Позднее первой трети III в. до н.э. импорт Эрифр на меотских территориях не зафиксирован.

С.Ю. Монахов предполагает, что разные типы эрифрских амфор могли предназначаться под разные продукты: под вино или под оливковое масло (Монахов, 2012, с. 122). Учитывая, что находки сделаны в варварских меотских погребениях, можно предполагать с очень высокой долей вероятности, что в данном случае в амфорах Эрифр поступало именно вино. Исследователи уже отмечали, что варвары Северного Причерноморья, использовавшие для приготовления пищи животные жиры, в оливковом масле заинтересованы не были (Брашинский, 1984, с. 21; Cook, Dupont, 1998, p. 143).

Источники и литература

Анфимов, 1967: Анфимов Н.В. Исследование памятников раннего железного века на Кубани // АО 1966 года. М., 1967.

Брашинский, 1984: Брашинский И.Б. Методы исследования античной торговли (на примере Северного Причерноморья). Л., 1984.

Лимберис, Марченко, 2005: Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Хронология керамических комплексов с античными импортами из раскопок меотских могильников правобережья Кубани // МИАК. 2005. Вып. 5.

Лимберис, Марченко, 2007: Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Раскопки могильника Старокорсунского городища № 2 в 2006 г. // МИАК. 2007. Вып. 7.

Монахов, 2012: Монахов С.Ю. Амфоры малоазийских Эрифр V–II вв. до н.э.: дополнения к классификации // Древности Северного Причерноморья III–II вв. до н.э. Международная научная конференция, Тирасполь, 16–19 окт. 2012 г. Тирасполь, 2012.

Улитин, 2014: Улитин В.В. Амфоры Икоса из раскопок Елизаветинского могильника № 2 // IV «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Западный Кавказ в контексте международных отношений в древности и средневековье: Материалы международной археологической конференции (г. Краснодар, 28–30 мая 2014 г.). Краснодар, 2014.

Carlson, Lawall, 2005–2006: Carlson D., Lawall M. Towards a Typology of Erythraian Amphoras // Skyllis. Heft. 1–2. Deguwa, 2005–2006.

Cook, Dupont, 1998: Cook R.M., Dupont P. East Greek Pottery. London, N.Y., 1998.

Dupont, Lungu, 2010a: Dupont P., Lungu V. Synergia pontica. Aegeo-anatolica. Galati, 2010.

Dupont, Lungu, 2010b: Dupont P., Lungu V. ERYTHRAEA // *Paratabs I. Production and Trade of amphorae in the Black Sea*. Paris, 2010.

Tchernia, 1986: Tchernia A. Amphores et Textes: deux exemples // BCH. 1986. Suppl. XIII.

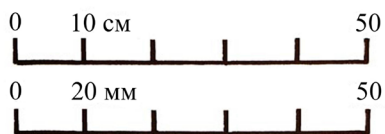
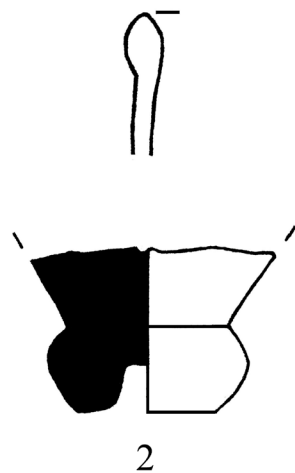
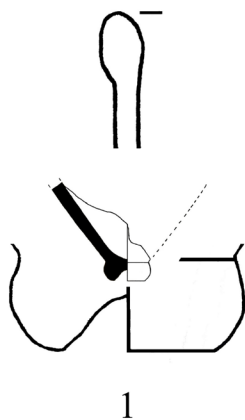


Рис. 1. Амфоры Эрифр из Елизаветинского могильника № 2. 1 – из п. 16 (раскопки 1967 г.); 2 – из п. 42 (раскопки 1967 г.)

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ ПРИКУБАНЫЯ В САРМАТСКОЕ ВРЕМЯ¹

А.М. Ждановский

При рассмотрении проблемы, вынесенной в заголовок статьи, нужно учитывать следующие обстоятельства: 1) до сих пор нет ни одной работы, где всесторонне и глубоко исследовались бы торгово-экономические связи Прикубанья в раннем железном веке; 2) имеющиеся публикации посвящены отдельным, частным вопросам (Анфимов, 1987; Анфимов, 1952; Анфимов, 1967; Анфимов, 1951; Зегебарт Кристиан, 1986; Зеест, 1951а; Зеест, 1951б; Кондратьев, 1984; Лимберис, 1986; Марченко, 1987; Марченко, 1986; Шевченко, 1987а) 3) в большинстве из них использовался, как правило, лишь материал меотских памятников, причем в него включались и вещи из иноэтничных (как сейчас установлено) комплексов. Эти же работы объединяла одна главная идея – торговые связи осуществлялись через города Азиатского Боспора. Только К.Ф. Смирнов, рассматривая одну категорию вещей – стеклянные кубки – высказал предположение, что

¹ Статья была написана и отправлена в г.Грозный по предложению В.Б. Виноградова, который готовил к изданию сборник статей на 1990 год. Сборник не был опубликован. В основу статьи положены материалы, которые были мною собраны в ходе работы над кандидатской диссертацией (Ждановский, 1985а). Последующие публикации и материалы в статье не учитывались, поэтому содержание её может представлять историографический интерес. В период написания статьи Н.И. Кирей заведовал кафедрой, я работал на кафедре доцентом.

они могли попасть в Прикубанье прямо из Малой Азии (Смирнов, 1953). Позже его поддержали И.И. Гущина и Т.Б. Попова (Гущина, Попова, 1970).

Эта ситуация отражает общий уровень развития археологии Кубани на протяжении ряда лет, когда основное внимание уделялось изучению меотских памятников. Теоретической основой такого положения в последние годы стал подход к истории раннего железного века Прикубанья как к чему-то почти застывшему, не развивавшемуся. Здесь имеется в виду одна из недавних работ Н.В. Анфимова об общественном строе меотов, где утверждается, что более тысячи лет меоты находились на стадии военной демократии (Анфимов, 1979). И недостаточно учитываются в ней внешнеполитические факторы (в частности, передвижения ираноязычных кочевников). При этом следует напомнить, что была работа, где учитывались разнообразные факторы в комплексе и намечались основные вехи построения истории Прикубанья в раннем железном веке. Это давняя работа К.Ф. Смирнова (Смирнов, 1952). Но, к сожалению, идеи его остались на долгое время не развитыми.

Торгово-экономические связи являются, с одной стороны, частью мировых и региональных (в масштабах того времени) экономических отношений. А, с другой стороны, отражают уровень социально-экономического развития конкретного общества. Если говорить о первой стороне, то связи Прикубанья должны рассматриваться в общем контексте торгово-экономических отношений центров цивилизации того времени с варварской периферией. В них именно цивилизации играют активную роль, для них варварский мир – это объект экономической, а нередко и политической эксплуатации в разнообразных формах, в т. ч. скрытых. С другой стороны, качественные показатели торгово-экономических связей (глубина, интенсивность, многосторонность) находятся в прямой связи с уровнем социально-экономического развития конкретного варварского общества. То есть, развитие должно достигнуть той степени, когда внешнеэкономические связи становятся необходимыми для дальнейшего движения экономики.

Вспомним широко известный пример крымских тавров, которые «не созрели» к моменту появления греческих городов для таких связей и всячески им препятствовали.

В то же время, нельзя названные стороны отрывать друг от друга – они неразрывно связаны, независимо от конкретно исторических обстоятельств (Артановский, 1967, с. 94–95). Тем не менее, последние оказывали влияние на различные составляющие социально-экономических отношений.

За последнее десятилетие в археологии Прикубанья накоплен новый материал, позволяющий критически посмотреть на застывшую схему социально-экономического развития прикубанских племен в раннем железном веке (Ждановский, 1981; Ждановский, 1984а) Имеются в виду раскопки сарматских погребений в степи по обе стороны Кубани (Гей, 198 ; Ждановский, 1987б; Ждановский, 1984б; Игнатов, 198 : Каминская, 1988; Каминский, 1987; Каминский, Берлизов, 1987; Марченко, 1984; Скрипкин, 1984; Чернопицкий, 1987; Шевченко, 1987б). Эти данные свидетельствуют, что передвижения, а тем более оседание ираноязычных кочевников, отражались на всех, без исключения, сторонах жизни прикубанских племен, включая меотов. Политика Боспора также не оставалась неизменной, а на нее, в свою очередь, влияли как перемены в тогдашней мировой политике, так и ситуация в варварском мире. Наконец, нельзя забывать: сейчас установлено, что и оседлое население Кубани не было однородным в культурном отношении (Каменецкий, 1984).

Отношения меотов с разными кочевниками складывались по-разному. Так, появление сармат в степях Прикубанья нарушает некоторые внутренние процессы в меотской культуре (Ждановский, 1981). Но, затем, здесь складывается равноправный многоплеменной союз, игравший на протяжении длительного времени важную роль в истории Северо-Западного Кавказа (Ждановский, 1985а). Но внутри этого союза сарматы (сираки) сохраняют определенную автономию: наличие разных с меотами мест захоронения, существенные отличия в обряде, в наборах инвентаря и других элементах культуры. То есть, можно смело говорить о

различиях в образе жизни и хозяйственно-культурном типе². А это накладывает свой отпечаток на особенности торгово-экономических связей. Появление алан на исторической арене в 1 в. н.э. (Ждановский, 1984а) также влияло на все эти процессы.

Вот почему задачей настоящей статьи является характеристика торгово-экономических связей по материалам кочевнических погребений сармато-аланского времени. Автор не претендует на решение всех вопросов – здесь приводятся только некоторые наблюдения, так как использовался не весь накопленный материал, а, главным образом, систематизированный дореволюционный, впервые собранный воедино в полном объеме (Ждановский, 1985а).

Остановимся, прежде всего, на анализе привозной посуды, поскольку эта категория наиболее четко отделима от других. В изученных погребениях она представлена металлической (серебро и бронза), стеклянной и керамической (список со всеми сведениями приводится в приложении, в него включены только определяемые формы).

В погребениях первой группы³ привозная посуда найдена в 12 комплексах, что составляет 17,9 % (от 67 погребений), а во второй – в 21 комплексе, это 20,8 % (от 101 погребения).

Количественно привозных предметов тоже несколько больше во второй группе – 32 (в первой – 26). Расхождения, казалось бы, незначительные. Но нельзя забывать, что погребения «Золотого кладбища» практически все ограблены (кроме одного – Тифлисская, 1902, курган 15). Значит, с учетом общих особенностей

² Образ жизни – «совокупность типичных условий жизни, норм и форм жизнедеятельности, взаимоотношений людей, отношения общества к окружающей среде» (Марков, 1978, с. 18). Под ХКТ в данном случае имеется в виду комплекс особенностей хозяйства разных народов, живущих в сходных природно-географических условиях и находящихся на одном уровне социально-экономического развития. Понятия близкие, но не идентичные.

³ При изучении погребальных памятники Среднего Прикубанья разделились на две группы по обряду захоронения, набором инвентаря и хронологией: 1-й группа, впускные погребения, III в. до н.э. – I в. н.э.; 2-я группа, катакомбы «Золотого кладбища», I – нач. III вв. н.э.

катакомб (богатство), импортных предметов в реальности в них было гораздо больше. То есть, можно говорить о **разной интенсивности** поступления импорта в степь Прикубанья на двух этапах ее истории (до середины I в. н.э. и после). Однако хочу подчеркнуть, что эта особенность, вызвана не столько экономическими причинами, сколько социально-политическими. Социально-имущественный статус группы, оставивший «Золотое кладбище», был заметно выше, чем у носителей погребений первой группы. Причем, в первой группе заметна дифференциация на богатых и бедных, а во второй погребены представители единой социальной группы – всаднической (военной) аристократии (Ждановский, 1985б, с. 16).

Обращают на себя внимание и следующие обстоятельства: самые ранние импортные предметы в первой группе относятся в начале I в. до н.э., потом идет постепенное нарастание, и пик приходится на первую половину I в. н.э. Это не означает, что прежде, до I в. до н.э., в сарматский мир Прикубанья не поступали импортные вещи. Дело в том, что круг их был весьма ограничен. Главным образом, это были: керамика с Боспора (Каминский, 1987; Марченко, 1984; Шевченко, 1987а) и стеклянные бусы из Египта и Сирии (Кондратьев, 1984). Интересно, что и активное распространение некоторых форм боспорской керамики в степных районах падает на I в. до н.э. (Шевченко, 1987а, с. 52). Налицо **два пика в интенсивности** связей с античным миром, разделенных спадом в середине I в. н.э. Этот факт совпадает с изменением общей обстановки в Прикубанье после войны 49 г. н.э. между сираками и аорсами и с появлением на исторической арене алан.

Теперь о составе импорта. Налицо существенные расхождения в наборах. Так, из серебра в первой группе предпочитали разного рода чаши без ручек, а во второй – кубки и килики, чаши с ручками. Различны типы тазов из бронзы, во второй группе нет патер. Из стекла в первой группе решительно преобладают кубки (т.е. сосуды для питья), а во второй – бальзамарии (т.е. для хранения ароматических жидкостей). И если по первым двум категориям посуды (серебро и бронза) различия только в формах, но вряд ли

в функциях (сосуды для питья из серебра и хранения жидкости (?) из бронзы), то стеклянная посуда отлична и по назначению.

При сравнении привозных керамических форм бросается в глаза полное отсутствие амфор в погребениях сармат до сер. I в. н.э. Это наблюдение основано и на других материалах (Каминская, 1988; Каминская, Каминский, Пьянков, 1985; Каминский, Берлизов, 1987; Марченко, 1984; Шевченко, 1987а; Шевченко, 1987б). А вот во второй группе появляются и амфоры. Это тем более странно, что в грунтовых меотских могильниках амфоры продолжают использоваться непрерывно до II в. до н.э. включительно (Марченко, 1986). Изменения касаются только центров, откуда поступают амфоры. Добавив к этому факту отсутствие в синхронных меотских погребениях аналогичной металлической посуды, можно высказать предположение о некоторых различиях в характере и направлениях связей кочевников-сармат и земледельцев-меотов. В то же время, за последние годы увеличилось количество находок стеклянных кубков в грунтовых могильниках Прикубанья (Лимберис, 1986; Лимберис, Марченко, 1985). То есть различия здесь неглубокие.

Вернемся к составу импорта. При объяснении причин отличий на поверхности оказываются выводы о хронологических соотношениях и об изменениях вкусов, традиций. Нельзя также забывать о развитии производства там, где изготавливались те или иные изделия. Можно ли объяснить эту разницу изменениями **в направлениях** торговых связей? К сожалению, ответить однозначно на этот вопрос невозможно. Выскажу лишь некоторые соображения.

Традиционным, уходящим корнями в далекое прошлое, было боспорское направление торгово-экономических связей Прикубанья. Через него к меотам поступали амфоры с вином и оливковым маслом, чернолаковая, потом краснолаковая посуда, украшения и прочие товары. Появление сармат в конце IV в. до н.э. (Шевченко, 1987б) существенно не нарушает его. Более того, сами сарматы становятся потребителями боспорской продукции (Марченко, 1984; Шевченко, 1987а). Однако некоторая разница в составе вещей, возможно, говорит об определенной самостоятельности контактов сармат.

Новые явления в сарматском мире Прикубанья отмечаются, только начиная с I в. до н.э. Металлическая посуда в этом плане мало информативна. Можно лишь заметить намек на другое направление в серебряных полусферических чашах, наиболее распространенных в эллинистических государствах.

Уникальной является находка в Зубовском кургане № 1 серебряной фиалы из храма в Фасисе. Можно предположить, что это военный трофей, результат одного из походов в Закавказье. Но мне представляется, что это один из подарков, которые широко хлынули к варварам Прикубанья в период Митридатовых войн. Фиала, тем не менее, более определенно указывает на южное направление контактов сармат Прикубанья.

Наиболее важным доказательством реальности существования этого направления являются находки стеклянных кубков. Анализ стекла некоторых из них показал, что изготовлены они в Сирии и Финикии (см. Приложение). Однако этого факта было бы недостаточно для категорического утверждения, ведь стеклянные бусы из тех же центров (Кондратьев, 1984) шли, скорее всего, традиционным путем – через города Боспора. Там такие бусы тоже есть. Но до сих пор в городах Северного Причерноморья не зафиксированы находки кубков. Новые находки кубков в Прикубанье (Лимберис, 1986) подчеркивают, что именно этот район был главным заказчиком-потребителем этой продукции (**Сокровища курганов Адыгей, 1985**, с. 44, № 440). Не зачеркивает этот вывод самая северная, пока, находка таких кубков на р. Сал (Власкин, Ильюков, 1987). Ведь найдены они в кочевническом сарматском погребении.

Еще один факт в пользу существования южного направления: в насыпи кургана у хут. Песчаный были найдены фрагменты многоцветной чаши (см. Приложение). Она не входила ни в какой комплекс, но может быть связана только с погребением № 10, где была похоронена сарматская жрица (Ждановский, 1987б). Анализ стекла показал, что она изготовлена в Александрии. А в погребении № 10 была найдена брошь-фибула с инталией, тоже александрийского производства.

Таким образом, можно подтвердить предположения К.Ф. Смирнова и И.И. Гущиной, что в рассматриваемое время оформляется еще одно направление торгово-экономических связей – южное, скорее всего через кавказские перевалы. Видимо, неслучайно некоторые сарматские погребения дотягивают до предгорий Северо-Западного Кавказа (например, Ярославские, 1896 года). Вероятно, это отражение стремлений контролировать торговые пути через перевалы.

Можно также предположить, что южное направление сформировалось в процессе контактов Митридата VI Евпатора, искавшего союзников против Рима. Приведу цитату из Аппиана: «... Митридат же, вступив в область Меотиды (Прикубанье ? – А.Ж.), над которой много династов, когда все они, ввиду славных его деяний и его власти, а также потому, что военная сила, бывшая еще при нем, была значительна, приняли его, пропустили и **обменялись взаимно многими подарками** (выделено мной – А.Ж.), заключили с ними союз» (Митридатовы войны, 102). После смерти Митридата в 63 г. до н.э. южное направление продолжает существовать вплоть до нач. I в. н.э. Некоторые, разрозненные пока наблюдения, позволяют предположить определенное снижение интенсивности торговых связей с Боспором. Это может быть связано как с общей ориентацией боспорских правителей на Рим (значит, политика антиримская была по сути и антибоспорской), так и с серией внутренних неурядиц на Боспоре в конце I в. до н.э. – нач. I в. н.э.

Так продолжалось до сер. I в. н.э., когда, по рассказу Тацита, ориентированные на Боспор и Рим аорсы победили в войне с сираками. Ситуация в Прикубанье коренным образом меняется. На ведущее место выдвигаются аланы. Я уже высказывал предположение, что «Золотое кладбище» появляется на Средней Кубани после первого похода алан в Закавказье в 72 году (Ждановский, 1985б, с. 16).

Эти изменения не могли не повлиять на характер и направления торгово-экономических связей. В южном направлении, через Кавказ, совершаются только грабительские походы. Они

разрушают нормальные деловые связи. Отдельные вещи закавказского и передневносточного происхождения есть и в «Золотом кладбище». Например, вавилонская печать (Ждановский, 1984б, рис. 1, 28), тазы типа «Дебелт». Но это могут быть и военные трофеи. Поэтому большая часть импортной посуды поступает с запада, через Боспор, скорее всего из римских провинций. Особенно четко это фиксируется бронзовой посудой, дутым стеклом, амфорами и краснолаковой посудой. Экономические связи были закреплены политическими – на Боспоре существовала специальная коллегия аланских переводчиков (КБН, 1965, с. 614, № 1053).

Намеченные особенности торгово-экономических связей находят определенные подтверждения среди других категорий находок. Так характерными украшениями первой группы были золотые броши-фибулы с различными вставками, а также золотые фибулы в виде объемных фигурок животных, украшенные зернью и сканью. В свое время А.К. Амброз подчеркивал, что названные фибулы-специфика прикубанских памятников (Амброз, 1966, с. 24). Мне представляется, что эти предметы – тоже часть подарков Митридата Евпатора. К тому же, похожие вещи есть в синхронных закавказских древностях. Для второй группы характерны бронзовые фибулы широко распространенных в Северном Причерноморье типов (лучковые, профилированные и другие).

В погребении № 10 кургана х. Песчаный было найдено зеркало (Ждановский, 1985а, рис. 42, 3), металлографический анализ которого дает возможность связать его с ближневосточными центрами (определение И.Г. Равич). Близкие аналоги ему есть в погребениях Тилля-Тепе (Sarianidi, 1985, рис. 143, 144).

В двух погребениях первой группы (Зубовский, кург. 1; Воздвиженский) были найдены элементы комбинированного панциря (бронзовые пластины и кольчуга), римского, по предположению Е.В. Черненко (Черненко, 1968, с. 30). При этом Е.В. Черненко ссылается на аналогии с территории современного Израиля. Это мнение подтверждается находкой римского пилума в Воздвиженском комплексе (Гущина, Попова, 1970, рис. 17, 2).

Исследователи объясняют его появление **участием сармат** в войнах Митридата с Римом (Гущина, Попова, 1970, с. 81; Хазанов, 1971, с. 50). А вот стеклянные бусы отражают существование традиционных связей. Они изготавливались в Египте, Сирии и завозились, по мнению И.И. Кондратьева, через Северное Причерноморье (Кондратьев, 1984, с. 100).

Во многих катакомбах второй группы были найдены части комбинированного и пластинчато-наборного панцирей. Оба вида следует выводить с территории Среднего Востока. Но нельзя забывать, что распространение оружия, несомненно, отличалось от других категорий связей.

Необходимо подчеркнуть, что в «Золотом кладбище» есть и другие вещи восточного происхождения: некоторые типы наконечников стрел, китайское зеркало (Ждановский, 1985а, рис. 58, 6), сосуды в виде бочонка и стилизованных птичьих фигур, некоторые типы золотых нашивных бляшек. В двух погребениях были обнаружены наборы бус, анализ стекла которых показал, что они изготовлены во внутренних районах Передней Азии (Кондратьев, 1984). Однако все перечисленные в этом абзаце факты я склонен связывать не столько с торгово-экономическими связями, сколько с непосредственными передвижениями носителей этих предметов (Ждановский, 1987а). То есть, в период существования второй группы наиболее интенсивные связи осуществлялись в западном направлении.

Есть еще один предмет итальянского производства, подтверждающий высказанное суждение. Это канделябр, составленный из разнородных частей, в том числе фигуры сирены (Усть-Лабинская, 1902, кург. 29). Этот предмет подробно проанализирован Д.С. Герцигер (Герцигер, 1984, с. 88, 97–99).

Итак, рассмотренный материал позволил не столько решить, сколько поставить ряд вопросов об особенностях торгово-экономических связей степного Среднего Прикубанья сарматского времени. Необходимы комплексные исследования всех составляющих этой важной отрасли экономических отношений древности.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Список импортных предметов из сарматских комплексов Среднего Прикубанья (по погребальным группам)

Группа 1

1. Металлическая посуда

Серебряная:

- 1). Чаша неглубокая, конусовидная (Ждановский, 1985а, рис. 42, 6). Песчаный, 1979, курган, погр. 10. Дата – 2-я пол. 1 в. до н.э. (Все даты в списке даются по комплексам).
- 2). Чаша полусферическая, орнаментирована каннелюрами и розеткой в двойном круге (Ждановский, 1985а, рис. 42, 6). Там же. Обе чаши характерны для позднего эллинизма.
- 3). Чаши (2 шт.) в форме усеченного перевернутого конуса, стенки чуть вогнуты. На дне – точечный тамгообразный знак (Ждановский, 1985а, рис. 39, 2; 26). Михайловская, 1982, курган 2, погр. 14. Дата – 1-я пол. 1 в. н.э. Аналогий нет.
- 4). Фиала. Изображение змеи в центре и 13 головок оленей вокруг. Греческая надпись: «Я принадлежу Аполлону-Предводителю, что в Фасиде». Дата изготовления – конец V – нач. IV вв. до н.э. (Известия ИАК, 1901, с. 99, рис. 18 а, б). Зубовский, 1899, курган 1. Дата комплекса – конец 1 в. до н.э. – 1 в. н.э.

Бронзовая:

- 1). Таз. В центре дна орнамент из пальметт в медальонах, обрамляющих лотосовидный мотив (Ждановский, 1985а, рис. 13, 5–6; 31, с. 24). Казанская, 1901, курган 6. Дата – 1 в. н.э. Итальяское производство.
- 2). Таз (Кропоткин, 1970, рис. 58, 2, 4, 5). На дне – медальон с изображением Керы, юноши и молодой женщины. Некрасовская, 1905, курган 3. Дата – 1 в. н.э.
- 3). Атташ от ручки таза (Ждановский, 1985а, рис. 22, 12). Итальяское производство. Усть-Лабинская, 1902, курган 43. Дата – 1 в. до н.э. – сер. 1 в. н.э. Есть аналогия в Румынии.
- 4). Обломки таза (Ждановский, 1985а, рис. 8, 2). Тип не определяется. Зубовский, 1899, курган 1. Дата – кон. 1 в. до н.э. – 1 в. н.э.

- 5). Патера. На дне гравированное изображение сфинкса и протомы лани. Ручка отсутствует (Ждановский, 1985а, рис. 39, 3; 26). Михайловская, 1982, курган 2, погр. 14. Дата – 1-я пол. 1 в. н.э. Итальяское производство.
- 6). Патера. Ручка с атташем в виде кисти руки (Ждановский, 1985а, рис. 18, 3). Ярославская, 1896, курган 1, погр. 1. Дата – 1 в. н.э. Южноиталийское производство.
- 7). Кружка (Ждановский, 1985а, рис. 8, 3). Тип «Орнавассо-Кьерумград», Северная Италия. Зубовский, 1899, курган 1. Дата – кон. 1 в. до н.э. – 1 в. н.э.
- 8). Ойнохоя. Нижний атташ оформлен маской Диониса (Ждановский, 1985а, рис. 16, 10). Хатажукаевский курган, 1899. Дата – 1-я пол. 1 в. н.э. Аналогии в Болгарии, Венгрии.
- 9). Кувшин (обломки). Тип не определяется. (Ждановский, 1985а, рис. 18, 2). Ярославская, 1896, курган 1, погр. 1. Дата – 1 в. н.э.
- 10). Крышка сосуда (ведро?). Итальяское производство (?). Песчаный, 1979, курган, погр. 10 (Ждановский, 1985а, рис. 42, 2). Дата – 2-я пол. 1 в.н.э.

2. Стеклянная посуда

- 1). Чаша полусферическая, литая (Ждановский, 1985а, рис. 8, 1). Зубовский, 1899, курган 1. Дата – кон. 1в. до н.э. – 1 в. н.э. Характерна для позднего эллинизма.
- 2). Кубок (канфар) на низкой кольцевой ножке (Ждановский, 1985а, рис. 21, 8). Тип 1. Стекло изготовлено в традициях малоазийского побережья Сирии (анализ № 423–30 по книге регистрации кафедры археологии МГУ). Ярославская, 1896, курган 2. В комплексе с амфориском II в. до н.э. – сер. 1 в. н.э.
- 3). Кубок (канфар) на невысокой кольцевой ножке (Ждановский, 1985а, рис. 19, 1). Тип 2, вариант 1. Стекло такое же (анализ № 423–28). Ярославская, 1896, курган 1. Дата – 1 в. н.э.
- 4). Кубок (канфар) на кольцевой ножке (Ждановский, 1985а, рис. 11, 6). Тип 2, вариант 2. Зубовский, 1899, курган 2. Дата – 1-я пол. 1 в. н.э. Стекло то же (анализ № 469–11).

5. Кубок (канфар) такой же. Воздвиженский курган, 1899 (Гущина, Попова, 1970, рис. 16, 5). Дата – 2-я пол. 1 в. до н.э.
6. Кубок (канфар) на высокой фигурной ножке (Ждановский, 1985а, рис. 1, 5). Стекло по финикийской рецептуре (анализ № 423–29). Армавир, 1902, курган 1, впускное погребение. Дата – 1-я пол. 1 в. н.э.
7. Чаша (фрагменты), полусферическая, на низкой конической ножке. Стекло цветное. Техника изготовления сложная (Ждановский, 1985а, рис. 43, 9). Изготовлена в Александрии (анализ № 356–49–53, определение И.И. Кондратьева). Песчаный, 1979, курган, в насыпи.
8. Амфориск. Цветное стекло (Ждановский, 1985а, рис. 21, 4). Ярославская, 1896, курган 2. В комплексе с кубком типа 1. Аналогии в Северном Причерноморье. Дата распространения: II в. до н.э. – сер. I в. н.э.

3. Керамика

1. Тарелка краснолаковая (Ждановский, 1985а, рис. 1, 2). Армавир, 1902, курган 1, впускное погребение. Дата – 1-я пол. 1 в. н.э.
2. Флакон краснолаковый (Ждановский, 1985а, рис. 1, 8). Там же.
3. Кувшин красноглиняный (Ждановский, 1985а, рис. 39, 4; 26). Михайловская, 1982, курган 2, погр. 14. Дата – 1-я пол. 1 в. н.э.
4. Фляжка миниатюрная. Поверхность покрыта глазурью зеленого цвета (Ждановский, 1985а, рис. 18, 4). Ярославская, 1896, курган 1. Дата – 1 в. н.э. Аналогии в Парфии.

Всего 26 предметов.

Группа 2

1. Металлическая посуда

Серебряная:

1. Чаша полусферическая с одной ручкой (Ждановский, 1985а, рис. 84, 2; 31, рис. 45, 2). Усть-Лабинская, 1902, курган 29. Дата – конец 1 – нач. II в. н.э.

2. Чаша на невысоком кольцевом поддоне с ручкой (Ждановский, 1985а, рис. 88, 6; 31, с. 85). Усть-Лабинская, 1902, курган 32. Дата – 2-я пол. 1 в. н.э. Аналогий нет.
3. Килик (чаша?) с двумя фигурными ручками (Ждановский, 1985а, рис. 71, 11–13; 31, с. 21). Тифлисская, 1902, курган 15. Дата – 2-я пол. 2 в. н.э.
4. Канфар на поддоне, с двумя ручками (Ждановский, 1985а, рис. 83, 4). Усть-Лабинская, 1902, курган 29. Дата – конец 1-нач. 2 вв. н.э.

Бронзовая:

1. Таз кованый, типа «Ровное» (Ждановский, 1985а, рис. 64, 3). Тифлисская, 1901, курган 52. Дата – 2-я пол. II в н.э.
 2. Таз типа «Дебелт» (Ждановский, 1985а, рис. 68, 4). Тифлисская, 1902, курган 9. Дата – II в. н.э. Возможно, кавказского происхождения (50, с. 217).
 3. Такой же (Ждановский, 1985а, рис. 71, 2). Тифлисская, 1902, курган 15. Дата – 2-я пол. II в. н.э.
 4. Таз типа «Эггерс 100» (Ждановский, 1985а, рис. 53, 10). Казанская, 1901, курган 17. Дата – II в. н.э.
 5. Такой же (Ждановский, 1985а, рис. 71, 3а). Тифлисская, 1902, курган 15. Дата – 2-я пол. II в. н.э.
 6. Такой же (Ждановский, 1985а, рис. 58, 8). Казанская-Тифлисская, 1901, курган 44. Дата – II в. н.э.
 7. Такой же (Ждановский, 1985а, рис. 76, 4). Тифлисская, 1902, курган 17. Дата – 2-я пол. I–II в. н.э.
- Тазы отличаются друг от друга только деталями оформления. Производились в Южной Италии (ОАК, 1902).
8. Ручка такого же таза (Ждановский, 1985а, рис. 57, 10). Казанская-Тифлисская, 1901, курган 42. Дата – 2-я пол. I–II в. н.э.
 9. Ручка такого же таза (Ждановский, 1985а, рис. 95, 8). Усть-Лабинская, 1902, курган 42. Дата – 2-я пол. I в. н.э.
 10. Ручка такого же таза (Ждановский, 1985а, рис. 99, 15). Усть-Лабинская, 1902, курган 47. Дата – 2-я пол. I–II в. н.э.
 11. Ручка такого же таза (Ждановский, 1984б, рис. 1, 23). Тбилисская, 1978, курган 3. Дата – 2-я пол. I–II в. н.э.

12. Цедилка типа «Эггерс 160» (Кропоткин, 1970, рис. 67, 3). Тифлисская, 1902, курган 8. Дата – 2-я пол. I–II вв. н.э.
13. Такая же (Ждановский, 1985а, рис. 94, 3; 38, с. 82, рис. 182). Усть-Лабинская, 1902, курган 41. Дата – 2-я пол. I–II вв. н.э. Итальяское производство.
14. Ойнохоя. Атташ с изображением Амура (Ждановский, 1985а, рис. 72, 1). Тифлисская, 1902, курган 15. Дата – 2-я пол. II в. н.э.
15. Ручка кувшина (?), на атташе-сцена из дионисийских игр (?) (Ждановский, 1985а, рис. 103, 5а-в). Некрасовская, 1905, курган 4. Дата – I–II в. н.э. Аналогий нет.

2. Стеклянная:

1. Кубок (канфар) на кольцевой ножке (Ждановский, 1985а, рис. 66, 9). Тифлисская, 1902, курган 6. Дата – I в. н.э.
2. Амфора из голубоватого стекла (Ждановский, 1985а, рис. 89, 1). Усть-Лабинская, 1902, курган 32. Дата – 2-я пол. I в. н.э.
3. Бальзамарий зеленого стекла (Ждановский, 1985а, рис. 77, 3; рис. 39, 3). Тифлисская, 1902, курган 18. Дата – 2-я пол. II в. н.э.
4. Бальзамарий темно-синего стекла (Ждановский, 1985а, рис. 88, 5). Усть-Лабинская, 1902, курган 32. Дата – 2-я пол. I в. н.э.
5. Флакон крупный (фрагменты) (Ждановский, 1985а, рис. 83, 2). Стекло зеленоватое, сварено по египетской рецептуре (анализ № 356–3 лаборатория спектральных анализов ЛОИА). Усть-Лабинская, 1902, курган 29. Дата – конец I – нач. II вв. н.э.
6. Бальзамарий небольшой (фрагменты). Тбилисская, 1978, курган 8. Дата – 1-я пол. II в. н.э.

3. Керамика.

1. Амфоры (2 шт.) узкогорлые (тип С) с профилированными ручками (Ждановский, 1985а, рис. 53, 7–8). Казанская, 1901, курган 17. Дата – II в. н.э.

2. Фрагменты такой же амфоры (Ждановский, 1984б, рис. 1, 37). Тифлисская, 1977, курган 6. Дата – II в. н.э.
3. Тарелка краснолаковая, клеймо с изображением ступни (Ждановский, 1985а, рис. 91, 11). Усть-Лабинская, 1902, курган 34. Дата – 2-я пол. I в. н.э.
4. Чашка краснолаковая глубокая (Ждановский, 1985а, рис. 54, 14). Казанская, 1901, курган 20. Дата – II в. н.э.
5. Фигурный сосуд в виде барана (Ждановский, 1985а, рис. 68, 3). Тифлисская, 1902, курган 9. Дата – II в. н.э. Аналогии в Северном Причерноморье.
6. Сосуд фигурный, в виде головы девочки (?) (Ждановский, 1985а, рис. 79, 7). Тифлисская, 1902, курган 18. Дата – I в. н.э.
7. Канделябр. Состоит из четырех частей и светильника. Одна из частей – фигура сирены (Герцигер, 1984, с. 88, рис. 97–99; Ждановский, 1985а, рис. 83, 5а-д). Итальяское производство.

Всего 32 предмета.

Источники и литература

Амброз , 1966: Амброз А.К. Фibuлы юга Европейской части СССР // Свод археологических источников. Вып. Д1–30. М., 1966.

Анфимов, 1987: Анфимов Н.В. Елизаветинское городище как центр торговли Боспора с меотскими племенами Прикубанья // Античная цивилизация и варварский мир в Подонье – Приазовье. Тезисы докладов к семинару. Новочеркасск, 1987. С. 28–29.

Анфимов, 1952: Анфимов Н.В. К вопросу о внутренней торговле Прикубанья с Фанагорией // ВДИ. 1952. № 4.

Анфимов, 1967: Анфимов Н.В. Меоты и их взаимоотношения с Боспором в эпоху Спартокидов // Античное общество. Труды конференции по изучению проблем античности. М., 1967.

Анфимов, 1979: Анфимов Н.В. Общественный строй у меотов // Известия СКНЦ. 1979. № 1. С. 12–17.

Анфимов, 1951: Анфимов Н.В. Синопские остродонные амфоры эллинистической эпохи в Прикубанье // ВДИ. 1951. № 1.

Артановский, 1967: Артановский С.Н. Историческое единство человечества и взаимное влияние культур. Философско-методологический анализ современных буржуазных концепций. Л., 1967.

Власкин, Ильюков, 1987: Власкин М.В., Ильюков Л.С. Канфары из сарматских погребений левобережья р. Сал // Античная цивилизация и варварский мир в Подонье-Приазовье. Тезисы докладов к семинару. Новочеркасск, 1987. С. 48–49.

Гей, 198: Гей О.А. Погребение сарматского времени у хут. Ма-лаи // КСИА. № 186. 198. С. 73–76.

Герцигер, 1984: Герцигер Д.С. Античные канделябры в собрании Эрмитажа // Труды Гос. Эрмитажа. Т. 24. Л., 1984. С. 83–89.

Гущина, Попова, 1970: Гущина И.И., Попова Т.Б. Воздвиженский курган – памятник III тысячелетия – I в. до н.э. // Ежегодник Государственного музея 1965–1966. М., 1970. С. 71–90.

Ждановский, 1985а: Ждановский А.М. История племен Среднего Прикубанья во II в до н.э. – III в. н.э. (по материалам курганных погребений). Дис... канд. истор. наук. М., 1985.

Ждановский, 1985б: Ждановский А.М. История племен Среднего Прикубанья во II в. до н.э. – III в. н.э. (по материалам курганных погребений). Автореф. дис... канд. истор. наук. М., 1985.

Ждановский, 1987а: Ждановский А.М. К вопросу о передвижениях и контактах в сарматское время (Прикубанье-Поволжье-Средняя Азия) // Античная цивилизация и варварский мир в Подонье – Приазовье. Тезисы докладов к семинару. Новочеркасск, 1987. С. 35–37.

Ждановский, 1981: Ждановский А.М. Назревшие проблемы социально-политической истории меоты Прикубанья // Археология и краеведение вузу и школе. Грозный, 1981. С. 31–33.

Ждановский, 1984а: Ждановский А.М. Некоторые аспекты социально-политической истории племен Прикубанья в I–III вв. н.э. // Археология и вопросы социальной истории Северного Кавказа. Грозный, 1984. С. 49–56.

Ждановский, 1987б: Ждановский А.М. Погребение сарматской жрицы из степного Закубанья // Древности Кубани. Материалы семинара. Краснодар, 1987. С. 40–42.

Ждановский, 1984б: Ждановский А.М. Подкурганные катакомбы Среднего Прикубанья первых веков нашей эры // Археолого-этнографического исследования Северного Кавказа. Краснодар, 1984. С. 72–99.

Зеgebарт Кристиан, 1986: Зеgebарт Кристиан. Гераклеийский керамический импорт в Прикубанье // Древности Кубани. Материалы к семинару. Краснодар, 1986. С. 12–13.

Зеест, 1951а: Зеест И.Б. К вопросу о внутренней торговле Прикубанья с Фанагорией / МИА. Вып. 19. М., 1951.

Зеест, 1951б: Зеест И.Б. Торговые связи Прикубанья // МИА. Вып. 19. М., 1951.

Игнатов, 198 : Игнатов В.Н. Катакомбы сарматского времени из курганов у ст. Хоперская // КСИА. Вып. 186. М., 198. С. 65–68.

Известия ИАК, 1901: Известия Императорской Археологической комиссии, вып. 1. М., 1901. С.94–100.

Каменецкий, 1984: Каменецкий И.С. Разведки в Усть-Лабинском районе в 1982г. // Материалы к научно-практическому семинару археологов на тему: «Итоги полевых исследований археологических памятников Краснодарского края в 1982–1983 гг. и задачи на 1984–1985 гг.». Краснодар, 1984. С. 9–10.

Каминская, 1988: Каминская И.В. Сарматские погребения на Урупе // СА. 1988. № 1. С. 245–251.

Каминская, Каминский, Пьянков, 1985: Каминская И.В., Каминский В.Н., Пьянков А.В. Сарматские погребения у станицы Михайловской (Закубанье) // СА. 1985. № 4. С. 228–234.

Каминский, 1987: Каминский В.Н. Сарматы в Восточном Закубанье // Античная цивилизация и варварский мир в Подонье-Приазовье. Тезисы докладов к семинару. Новочеркасск, 1987. С. 40–41.

Каминский, Берлизов, 1987: Каминский В.Н., Берлизов Н.Е. Раскопки кургана-кладбища в Курганинске в Восточном Закубанье // Древности Кубани. Материалы семинара. Краснодар, 1987. С. 47–48.

Кондратьев, 1984: Кондратьев И.И. Стекланные бусы из погребений Прикубанья // Археолого-этнографические исследования Северного Кавказа. Краснодар, 1984. С. 99–101.

КБН, 1965: Корпус боспорских надписей. М.-Л., 1965.

Кропоткин, 1970: Кропоткин В.В. Римские импортные изделия в Восточной Европе / II в. до н.э. – V в. н.э. // САИ. Вып. Д1–27. М., 1970.

Лимберис, 1986: Лимберис Н.Ю. Стекланные канфары из раскопок Краснодарской археологической экспедиции // Древности Кубани. Материалы к семинару. Краснодар, 1986. С. 13–14.

Лимберис, Марченко, 1985: Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Исследование могильников городищ № 1 и № 3 в районе Краснодарского водохранилища // Археологические исследования в зонах мелиорации. Итоги и перспективы их интенсификации. Научно-практическая конференция. Декабрь 1985 г. Тезисы. Л., 1985. С. 51–53.

Марков, 1978: Марков Г.Е. Функции этнической культуры в системе образа жизни и жизненных укладов // Методологические проблемы исследования этнических культур. Материалы симпозиума. Ереван, 1978. С. 17–22.

Марченко, 1984: Марченко И.И. Впускные сарматские погребения Правобережья Кубани (Калининская курганная группа) // Археолого-этнографические исследования Северного Кавказа. Краснодар, 1984. С. 37–71.

Марченко, 1987: Марченко И.И. К вопросу о датировке Элитного и Новоджерелиевского комплексов // Древности Кубани. Материалы семинара. Краснодар, 1987. С. 49–50.

Марченко, 1986: Марченко И.И. Новые находки родосских амфор из Прикубанья // Древности Кубани. Материалы к семинару. Краснодар, 1986. С. 15–19.

ОАК, 1902: Отчет Императорской Археологической комиссии за 1902 г. СПб., 1904.

Раев, 1979: Раев Б.А. Римские импортные изделия в погребениях кочевнической знати I–III веков н.э. на Нижнем Дону. Дис... канд. истор. наук. Л., 1979.

Скрипкин, 1984: Скрипкин А.С. Два погребения раннего железного века из Прикубанья // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984. С. 218–224.

Смирнов, 1952: Смирнов К.Ф. Основные пути развития меотосарматской культуры Среднего Прикубанья // КСИИМК. Вып. 46. М., 1952. С. 3–18.

Смирнов, 1953: Смирнов К.Ф. Северский курган. М., 1953.

Сокровища курганов Адыгеи, 1985: Сокровища курганов Адыгеи. Каталог выставки. М., 1985.

Хазанов, 1971: Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. М., 1971.

Черненко, 1968: Черненко Е.В. Скифский доспех. Киев, 1968.

Чернопицкий, 1987: Чернопицкий М.П. Курганные материалы железного века из работ Кубанской экспедиции ЛОИА 1978–1986 гг. // Древности Кубани. Материалы к семинару. Краснодар, 1987. С. 62–65.

Шевченко, 1987а: Шевченко Н.Ф. Античный керамический импорт в сарматских погребениях Восточного Приазовья // Древности Кубани. Материалы к семинару. Краснодар, 1987. С. 50–52.

Шевченко, 1987б: Шевченко Н.Ф. Сарматские погребения IV–III вв. до н.э. из Восточного Приазовья // Античная цивилизация и варварский мир в Подонье-Приазовье. Тезисы докладов к семинару. Новочеркасск, 1987. С. 41–42.

Sarianidi V., 1985: Sarianidi V. Bactrian Gold from the excavations of the Tillya-Teppe necropolis in Northern Afghanistan. Leningrad. 1985. 260 pp.

Raev, 1986: Raev B.A. Les Chaudrons martelés: Les Traditions italiennes dans les Ateliers provinciaux // Toreutik und figürliche Bronzen römischer Zeit.

ПЕРВЫЕ НАУЧНЫЕ ЭКСПЕДИЦИИ РОССИИ В ЭФИОПИЮ: ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX В.

К.В. Виноградова

Российско-эфиопские отношения – один из важнейших компонентов истории Африки и отечественной истории, во многом определивший взаимодействие между двумя странами на современном этапе.

Самые ранние попытки установления официальных контактов между Россией и Абиссинией (Эфиопией) датируются еще XVII в., однако активное налаживание политических, торговых, культурных связей началось, в силу целого ряда причин, лишь во второй половине XIX в.

В 1847–1848 гг. в Абиссинии побывала первая русская научная экспедиция, возглавляемая путешественником и писателем, почетным членом Петербургской Академии наук Е.П. Ковалевским (1809–1868). Еще в 1843 г. египетский паша Мухаммед Али обратился через русское консульство в Египте в МИД России с просьбой прислать в Египет несколько горных инженеров для исследования золотоносных россыпей, открытых в Судане и южных областях Нила. В конце 1847 г. экспедиция в составе горного инженера Е.П. Ковалевского, ботаника Ценковского, штейгара Бородина и золотопромывальщика Фомина выехала в Египет. В марте 1848 г. путешественники достигли гор Кассана, конечной цели миссии, где была заложена «первая золотопромывательная фабрика» (Ковалевский, 1849).

По возвращении в Петербург Е.П. Ковалевский подал Николаю I две записки – «Проект торговли России с Египтом и берегом Черного моря» и «Нынешнее политическое состояние Судана и Абиссинии» (Ковалевский, 1849, с. 92), в которых приводит некоторые сведения и о религиозной ситуации в этих странах.

В 1891–1892 гг. с целью доставки ответа российского императора Александра III на письмо императора Эфиопии Менелика II состоялась командировка в Эфиопию поручика В.Ф. Машкова. Однако задачи нового путешествия не ограничивались лишь передачей письма. Перед участниками экспедиции стояла цель «ознакомиться со страной в экономическом и географическом отношениях, изучить политическое устройство страны и определить ее внутреннюю прочность, выяснить ее политические отношения к соседним туземным племенам и европейским государствам» (АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 1998. Л. 7), а также «ближе ознакомиться с вероучением абиссинцев и, в случае оказавшейся возможности, способствовать действительному сближению их с православной церковью» (АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 2008. Л. 914).

В состав экспедиции входили следующие лица: «для географических исследований и части политической – Поручик Машков в звании облеченного специальным географическим поручением члена Императорского Русского Географического Общества, с зачислением в то же время в запас армейской пехоты» (РГВИА. Ф. ВУА. Колл. 452. Д. 27. Л. 59); «по части духовной» – иеромонах Тихон (Оболенский), бывший военный врач. В помощь В.Ф. Машкову и иеромонаху Тихону были приданы ординарец поручика Сладко Златычанин и монах Григорий (Хробостов), послушник Валаамского монастыря.

В ходе своего пребывания в Эфиопии (до марта 1892 г.) В.Ф. Машков вел довольно подробный дневник, в который заносил полученные им сведения и собственные наблюдения. Он собрал ценнейшие материалы о происхождении, расселении, хозяйственных занятиях, особенностях быта и социальной организации таких крупных абиссинских племенных групп, как амхара, галла, данакиль и др. Очень ценны оказались его заметки,

касающиеся народа «данакиль», что ставится ему в заслугу отечественной африканистикой до сих пор (Райт, 1956, с. 237). В частности, именно В.Ф. Машков первым отметил, что «данакиль» официально исповедуют ислам, а фактически имеют о нем самое смутное представление. Из этой экспедиции Машков привез в Россию 85 этнографических предметов: образцы одежды абиссинцев, оружие, предметы домашнего обихода (Райт, 1956, с. 238).

Весной 1894 г. Совет Императорского Русского Географического общества (ИРГО) одобрил и взял под свое покровительство экспедицию в Африку. Цель экспедиции, сформулированная Советом ИРГО, заключалась в следующем: 1) проникновение в Судан (через территорию Абиссинии); 2) попутное и по возможности всестороннее исследование Абиссинии. В состав экспедиции вошли несколько участников из числа отставных офицеров, русскоговорящий абиссинец в качестве переводчика, а также духовное лицо – архимандрит отец Ефрем (в миру – доктор М.М. Цветаев). Руководителем группы был назначен гвардии поручик запаса, есаул Кубанского казачьего войска Н.С. Леонтьев.

Н.С. Леонтьев был всесторонне образован, еще до поездки в Абиссинию совершил удачное путешествие через Персию и Афганистан в Индию, в качестве действительного члена Императорского Русского Географического общества (ИРГО) проводил научные исследования. Н.С. Леонтьев с готовностью откликнулся на предложение участвовать в организации экспедиции в Абиссинию.

Официально экспедиция называлась «Экспедиция географического общества» и ставила перед собой научные цели (Райт, 1956, с. 239). Экспедиция была поддержана Академией Наук, военным министерством, а также «вполне обеспечена пожертвованиями разных светских и духовных лиц, которые снабдили ее не только деньгами, но и товарами» (Волгин, 1895, с. 119). Столь щедрое финансирование со стороны частных лиц во многом объяснялось заинтересованностью торговых и финансовых кругов в том, чтобы изучались условия для торговли России с Африкой.

После длительного и тяжелого путешествия экспедиция Н.С. Леонтьева в марте 1895 г. добралась до г. Энтото – резиденции

абиссинского императора (негуса), где ей был устроен торжественный прием с участием императорских войск, духовенства и населения (АВПРИ. Оп. 482. Д. 2011. Л. 29).

В ходе месячного пребывания в эфиопской столице Н.С. Леонтьев приобрел полное доверие императора Менелика II, стал его личным другом и советником по делам внешней политики и военным вопросам.

В период пребывания экспедиции Н.С. Леонтьева в Энтото Менелик II много внимания уделял подготовке к становившейся неизбежной войне с Италией. В начале марта 1895 г. негус созвал в своем дворце военный совет, в котором принял участие и Н.С. Леонтьев – в качестве советника Менелика II (Елец, 1898, с. 29, 30]. Н.С. Леонтьев хорошо знал военную историю Эфиопии, будучи кадровым военным, профессионально оценивал сильные и слабые стороны абиссинских вооруженных сил. Подготовленная им «Записка об абиссинской армии» содержала подробный анализ военной организации феодальной Эфиопии (РГВИА. Ф. ВУА. Колл. 452. Д. 31. Лл. 25-40).

В созданном для организации отражения итальянской агрессии при дворе Менелика II военном совете голос Н.С. Леонтьева имел определяющее значение. Проведя параллели между положением России в 1812 г. и международной и внутривосточной обстановкой, в которой оказалась Эфиопия в 1895 г., Н.С. Леонтьев убедил высших сановников абиссинской империи в необходимости проведения будущей военной кампании на основе стратегического плана М.И. Кутузова в Отечественной войне 1812 г. России с Наполеоном («заманивание» противника вглубь «своей» территории через отступление с последующим соединением армий, фланговые марш-маневры, параллельное преследование армии противника). Тактический план Н.С. Леонтьева опирался на партизанские методы ведения боевых действий, учитывающие как недостатки военной организации Эфиопии, так и ее положительные стороны (численное превосходство абиссинских войск, знание ими местности, привычка абиссинцев к знойному климату). Результатом такого способа ведения оборонительной

итало-эфиопской войны (1895–1896), по убеждению Н.С. Леонтьева, должно было стать истощение неприятеля, его постепенное окружение, а затем – нанесение абиссинскими войсками решающего удара.

Предложение Н.С. Леонтьева было одобрено всеми участниками военного совета и было решено составить план антиитальянской кампании так, как предлагал Леонтьев, то есть по типу кампании 1812 г. в России (Елец, 1898, с. 30].

Чтобы убедиться в расположенности России к Эфиопии и в основательности своих надежд на ее морально-дипломатическую поддержку, Менелик II решил отправить в Россию эфиопское посольство во главе со своим двоюродным братом принцем Дамто. Н.С. Леонтьев был официально уполномочен руководить действиями посольства. Вместе с миссией возвращались в Петербург и члены русской экспедиции, увозя с собой подарки негуса и ценные этнографические экспонаты: эфиопское оружие, образцы одежды, предметы обихода.

В 1898 г. между Эфиопией и Россией были установлены официальные дипломатические отношения. Однако завоевать политическое влияние и доверие при дворе императора Эфиопии оказалось намного проще, чем затем удерживать его. Видя дружественное расположение российских властей, император Менелик II взял за правило при каждом политическом или материальном затруднении обращаться за помощью к России.

В 1903 г. император Эфиопии обратился к русскому правительству с просьбой прислать специалистов для разработки найденного месторождения золота и определения размеров прииска (АВПРИ. Оп. 482. Д. 158. Л. 86-87).

27 апреля 1904 г. участники русской горной экспедиции в составе руководителя экспедиции горного инженера Н.Н. Курмакова, инженера Б.Н. Лишина, техника А.Г. Мягкова, студента Горного института М.Н. Лебедева и рабочих Ф.Ф. Вычужина, В.В. Звезда, Л.А. Косилова, И.Т. Макарова прибыли в столицу Эфиопии Аддис-Абебу (АВПРИ. Оп. 482. Д. 2043. Л. 61). Здесь к отряду присоединился фельдшер С.Э. Сасон, который впоследствии не

только выполнял обязанности врача, но и занимался фотографией, вел метеорологические наблюдения, исполнял функции ветеринара, секретаря и переводчика (Акишева, 1969, с. 227).

Выехав 12 мая 1904 г. из Аддис-Абебы, 9 июня участники экспедиции достигли места проведения работ, рудника Метти в горах Сайо. Сразу же после прибытия инженеры приступили к исследованию местности и приготовительным работам (АВПРИ. Оп. 482. Д. 161. Л. 79).

Согласно утвержденной 2 мая 1904 г. Менеликом II программе, перед экспедицией Н.Н. Курмакова стояли следующие задачи: 1) «определить... место нахождения золотых приисков»; 2) «постараться определить качество и количество золотоносных земель»; 3) «составить план необходимых для добывания золота работ» (АВПРИ. Оп. 482. Д. 161. Л. 61). Результаты изысканий, по требованию Менелика II, должны быть известны лишь ему и российскому правительству (АВПРИ. Оп. 482. Д. 161. Л. 61). Все расходы по содержанию экспедиции брал на себя император Эфиопии Менелик II. Также «для охранения экспедиции на месте ее пребывания, во время исследований и работ» властями Эфиопии был назначен особый конвой (АВПРИ. Оп. 482. Д. 161. Л. 61–62 об.). Данная мера предосторожности была вовсе не лишней, так как, согласно донесению российского министра-резидента в Эфиопии К.Н. Лишина главе МИДа графу В.Н. Ламздорфу, «посылка Джанхоем (Джанхой – титул императора Эфиопии – К.В.) русской горной экспедиции... возбудила беспокойство среди европейцев, рассчитывавших захватить в свои руки разработку золотоносных земель, принадлежащих Джанхою. Абиссинские начальники провинций, в которых добывается золото, также относятся неблагоприятно к экспедиции г. Курмакова, боясь повышения платимых ими податей... Вообще, допущение русских инженеров в недоступную для иностранцев местность вызвало много толков и интриг, имеющих целью поколебать доверие Джанхоя к посланным к нему инженерам» (АВПРИ. Оп. 482. Д. 161. Л. 79–79 об.).

Условия, в которых приходилось работать русским геологам,

были достаточно сложными. В письме начальнику Горного департамента министерства земледелия и государственных имуществ Н.А. Иосса руководитель экспедиции Н.Н. Курмаков сообщает: «...Период дождей в полном разгаре, пути в высшей степени затруднительны, в реках воды полно, броды редки, горные тропы скользки, травянистая заросль покрывает конного, частые, иногда продолжительные дожди, местность глухая; в одну сторону еще есть одиночные поселки, в другую – пустыня, экскурсировать и производить поиски руд в таких условиях затруднительно... Фураж и продовольствие доставляется неправильно, плохого качества, и теперь мы организовали покупку по базарам – иногда на 3 дня пути. Заставить местных начальников исполнять волю правителя – средств нет, да и не в наших планах ссориться с местными начальниками из-за пустяков... Особенно неприятен наш приезд сюда иностранцам...» (РГИА. Ф. 37. Оп. 44. Д. 841. Л. 182–185).

Тем не менее, результаты работ экспедиции оказались удачными. Спустя месяц после прибытия на место Н.Н. Курмаков докладывал в Горный департамент: «Результаты нашего пребывания здесь уже имеются: разработка устраивается, построены мастерские, где из местных материалов выученными нашими людьми местными рабочими готовятся горные инструменты для рудника. Здесь нашлось местное железо и недурное...» (РГИА. Ф. 37. Оп. 44. Д. 841. Л. 184 об.).

Ко времени завершения работ в ноябре 1904 г. намеченная программа Н.Н. Курмаковым и его подчиненными была выполнена полностью. Для дальнейшего освоения золотоносных участков Н.Н. Курмаков предлагал отправить в Россию, на Урал «несколько абиссинских рабочих, уже привыкших к приемам наших горных инженеров. Обучившись русской грамоте и пробыв два года на Урале, где они могли бы практически изучить горное дело, эти люди послужили бы рассадником горнорабочих среди абиссинцев, освежая свои знания чтением популярных учебников на русском языке по горному делу, изученному на практике» (РГИА. Ф. 37. Оп. 44. Д. 841. Л. 194 об. – 195).

Император Эфиопии Менелик II был доволен успешным завершением экспедиции и на прощальной аудиенции «благодарил Экспедицию за ее труды». Все участники экспедиции, как инженеры, так и рабочие, были награждены эфиопскими орденами и медалями (АВПРИ. Оп. 482. Д. 2043. Л. 95–95 об.). Кроме того, рассмотрев представленную Н.Н. Курмаковым смету расходов для закупки и установки на руднике Метти специальной порододробильной машины, Менелик II решил привести этот проект в исполнение. Свои услуги эфиопскому правительству предложили англичане, итальянцы и греки, но Менелик II обратился за помощью к российскому министру-резиденту в Эфиопии К.Н. Лишину, подчеркнув при этом, что «решил верить лишь людям, которые были посланы Русским Государем и которые, объяснив ему все, удалились, не требуя от него ничего» (РГИА. Ф. 37. Оп. 44. Д. 841. Л. 206).

Однако, несмотря на призывы Н.Н. Лишина «не выпускать это дело из русских рук, так как этим сейчас же воспользуются англичане» (АВПРИ. Оп. 482. Д. 2043. Л. 160–161 об.), несмотря на многочисленные попытки министра иностранных дел В.Н. Ламздорфа добиться выделения для этих целей кредита в размере 115 тысяч рублей, в средствах было отказано. Одной из главных причин этого стало тяжелое финансовое положение Российской империи в связи с русско-японской войной и последующими событиями 1905–1907 гг.

В 1907–1917 гг. в российско-эфиопских контактах наблюдается определенный спад, активность русского присутствия в этой стране заметно снижается. Достаточно сложная внутри- и внешнеполитическая ситуация, в которой оказалась Россия после событий 1917 г., а также отказ сотрудников российской миссии в Эфиопии признать Советскую власть предопределили судьбу официальных межгосударственных контактов между двумя странами. Лишь спустя двадцать пять лет, в апреле 1943 г. между СССР и Эфиопией были возобновлены дипломатические отношения и налажены дальнейшие экономические, культурные, научные контакты между двумя странами.

Источники и литература

Акишева, 1969: Акишева З.П. Первая русская геологическая экспедиция в Эфиопию (1904 г.) // Страны и народы Востока. М., 1969. Вып. VII. С. 223–236.

Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 151 (Политархив). Оп. 482. Д. 157, 158, 161, 2011, 2043.

Волгин, 1895: Волгин Ф.В стране черных христиан. СПб., 1895.

Елец, 1898: Елец Ю. Император Менелик и война его с Италией. По документам и походным дневникам Н.С. Леонтьева. СПб., 1898.

Ковалевский, 1849: Ковалевский Е.П. Путешествие во внутреннюю Африку. СПб., 1849.

Райт, 1956: Райт М.В. Русские экспедиции в Эфиопии в середине XIX – начале XX вв. и их этнографические материалы // Африканский этнографический сборник. Вып. I. М., 1956. С. 220–281.

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. ВУА. Колл. 452. Д. 30, 31.

Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 37. Оп. 44. Д. 841.

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИМПЕРАТОРСКОГО ПРАВОСЛАВНОГО ПАЛЕСТИНСКОГО ОБЩЕСТВА (1882–1917)

О.А. Перенижско

Одним из направлений деятельности созданного в 1881 году в Санкт-Петербурге Императорского Православного Палестинского общества была издательская работа. Еще в 1881 г. по инициативе и на личные средства В.Н. Хитрово был отпечатан первый выпуск «Палестинского сборника», который со времени своего выхода в свет и до сегодняшнего дня остается сугубо научным изданием. До 1917 г. всего вышло 62 выпуска.

С момента своего учреждения Отделение ученых изданий и исследований при Палестинском обществе преследовало две цели: «... поставить в России Палестиноведение, эту одну из главных частей библейской науки, в уровень с положением ее на западе и ознакомить Русских с настоящим положением Святой Земли» (Отчет..., 1888, с. 187).

Для достижения первой из этих целей Православное Палестинское общество обратило внимание на издание путевых записок паломников, посетивших Святую Землю в допетровскую эпоху. В итоге в «Палестинском сборнике» были напечатаны «Хождения» всех 13 древнерусских паломников-писателей, среди которых такие известные памятники литературы, как «Житие и хождение Даниила, Русьския земли игумена», «Хождение купца Василия Позднякова», «Проскинитарий Арсения Суханова» и т.д. Выходили в свет произведения древнерусских паломников и отдельными тиражами.

Помимо издания «Хожений» русских паломников, Православное Палестинское общество провело титаническую работу по переводу и научному комментированию записок всех православных паломников, посещавших Палестину. Уже второй выпуск «Палестинского сборника» был посвящен изданию известного «Бордосского путника» под редакцией В. Н.Хитрово (Бордосский путник, 1882). В 1883 г. профессорам В.Г. Васильевскому и И.Е. Троицкому Общество поручило перевести рукопись Епифания – паломника первой половины IX в. Уже в 1886 г. эта рукопись, снабженная научным комментарием была опубликована в «Палестинском сборнике» (Повесть Епифания, 1886).

В тот же период времени И.Е. Троицкий впервые перевел на русский язык записки греческого паломника Иоанна Фоки, совершившего путешествие в Святую Землю в XII в. Всего в «Палестинском сборнике» было опубликовано 11 греческих и 4 латинских описания паломничества в Святую Землю с прекрасным научно-исследовательским комментарием В.Н. Хитрово, архимандрита Леонида (Кавелина), Г.С. Дестуниса, И.В. Помяловского и др.

С целью ознакомления западных ученых-палестиноведов и всех интересующихся историей Святой Земли, Православное Палестинское общество совместно с Французским обществом Латинского Востока издало труд В.Н. Хитрово «Itinéraires Russes en Orient», включающий в себе в переводе на французский язык 16 «Хожений» русских паломников. А Английское Палестинское общество выпустило в свет «Житие и хождение игумена Даниила» на английском языке.

Православное Палестинское Общество оказывало также материальную поддержку изданию в Берлине колоссального труда профессора Рейнольда Рерихта «Bibliotika geographika Palaestinae».

Для выполнения своей второй цели – ознакомления россиян с современным положением Святой Земли Палестинское общество в своих периодических изданиях и отдельными оттисками публиковало воспоминания путешественников об Иерусалиме, письма учителей, работающих в православных школах в Сирии и Палестине.

Ежегодно издавались «Отчеты Православного Палестинского общества». С 1886 г. Палестинское общество ежеквартально выпускало свои «Сообщения», в которых тоже публиковались материалы научного характера. Для массового читателя Палестинское общество выпускало книжки-приложения к периодическим изданиям с описанием и историей Святой Земли.

Православное Палестинское общество сыграло большую роль в становлении и развитии научных и литературных изданий Палестины, Сирии и Ирака, таких как «Аль-Машрик», «Лугат-аль-араб» и «Ан-Нафаис-аль-Асрийат».

Кроме периодических изданий Палестинское общество выпускало и отдельные научные издания, которые распространялись в России и за границей. Особо следует выделить капитальный труд профессора Николая Александровича Медникова (1855–1918) «Палестина от завоевания ее арабами до крестовых походов по арабским источникам» (Медников, 1903). Эта монография сразу после выхода в свет получила международное признание и до сих пор остается непревзойденным фундаментальным трудом по истории Арабского халифата в раннее средневековье.

Научная деятельность Н.А. Медникова связана исключительно с двумя учреждениями: Петербургским университетом и Палестинским обществом. По окончании факультета восточных языков Н.А. Медников работал при университете в степени магистра. С того же года по инициативе Палестинского общества Н.А. Медников начал титанический труд по собиранию и разработке источников по истории Палестины от завоевания ее арабами до крестовых походов.

Несмотря на то, что эта работа потребовала пятнадцатилетнего напряженного труда, Н.А. Медников продолжал сотрудничество с Обществом и по другим линиям. Совместно с И.П. Помяловским он редактировал русскую обработку карты Палестины, участвовал в комиссии по пересмотру программ и инструкций для учебных Общества, в заседаниях педагогического съезда при разработке программ арабского языка и литературы в школах и семинариях Сирии, Палестины и Ливана, читал лекции в

научном кружке Палестинского общества «Собеседования по научным вопросам, касающимся Палестины, Сирии и сопредельных с ними стран». В 1893 г. Н.А. Медников стал действительным членом Общества.

Так же тесно связана с Палестинским обществом общественная и научная деятельность крупнейшего русского востоковеда, академика Игнатия Юлиановича Крачковского (1883–1951). Официально И.Ю. Крачковский был выбран действительным пожизненным членом Общества в 1915 г., в 1921 г. – стал членом Совета Общества, а с 1928 г. и до самой смерти – «товарищ» (заместитель) председателя, исполнявший обязанности самого председателя. Но еще до официального избрания действительным членом Общества И.Ю. Крачковский тесно сотрудничал с Палестинским обществом по линии его просветительской деятельности. В 1908–1910 гг., во время пребывания в Палестине и Ливане, И.Ю. Крачковский отдал много сил и энергии ознакомлению со школьным делом Общества.

В работе Палестинского общества принимал деятельное участие и другой корифей нашей науки – крупнейший семитолог и гебраист Павел Константинович Коковцов (1861–1942). В Палестинском обществе он являлся основным инициатором и председателем научного кружка «Собеседования по научным интересам, касающимся Палестины, Сирии и сопредельных стран». В апреле 1901 г. П.К. Коковцов подал записку, в которой указал на необходимость участия русских ученых в археологическом и вообще научном изучении Палестины и прилегающих к ней областей: «... Не найдется Русского ученого, действительно дорожающего славою России и действительно преданного интересам России, который бы не желал в душе, чтобы настоящее пассивное отношение Русской археологии к изучению знаменитейших стран древности, унижающее все Русское образованное общество в глазах Западной Европы, изменилось в самом ближайшем будущем в более активное и более отвечающее как росту нашей науки, так и нашему достоинству европейского народа» (Доклад Е.П. Ковалевского).

П.К. Коковцов высказал предположение, что все заботы по активизации русской археологической науки в Святой Земле должно взять на себя Православное Палестинское общество, так как у него большой опыт организации научных экспедиций. Обществу принадлежат также ценные с точки зрения археологии участки земли и богатая библиотека по палестиноведению.

Повторно к предложению П.К. Коковцова вернулись спустя 15 лет. В 1915 г. на совещании, посвященном русским научным интересам в Палестине, с участием В.В. Бартольда, П.К. Коковцова, Н.П. Кондакова, В.В. Латышева, Н.Я. Марра, Ф.И. Успенского, Б.А. Тураева с докладом выступил член Государственной Думы Е.П. Ковалевский. В своем выступлении он, сославшись на записку П.К. Коковцова и предложения Ф.И. Успенского создать в Палестине специальное научное археологическое учреждение, представил план и разработки создания в Иерусалиме Археологического института, а в Петрограде Палестинского Комитета. Официально оба учреждения должны были находиться в юрисдикции Академии наук или Православного Палестинского общества, но реально они обладали большой свободой деятельности.

Палестинское общество незамедлительно отреагировало на выступление Е.П. Ковалевского. Секретарь Общества А.А. Дмитриевский подал в Совет записку, в которой детально рассмотрел научную деятельность Православного Палестинского общества за истекшие 30 лет. А.А. Дмитриевский высказал опасения по поводу создания Археологического института в Иерусалиме и Палестинского Комитета в Петрограде, ссылаясь на недавнее прошлое: «... когда существующих в Иерусалиме три русских учреждения: Духовная Миссия, Генеральное Консульство и Палестинское общество – не только не шли рука об руку, взаимно помогая друг другу и работа на общую пользу своего отечества, но иногда мешали одно другому в плодотворной работе и даже становились прямо во враждебные отношения» (Протокол дневного заседания Совета ИППО).

9 марта 1915 г. в Православном Палестинском обществе состоялись два заседания, посвященных этой проблеме. Присутствующие согласились с тем, что для усиления позиций российской науки необходим

Археологический институт в Иерусалиме. Но, акцентировали внимание на том, что если таковой и появится после войны, то «...этот Институт должен находиться в тесном союзе с Палестинским обществом: необходимость этого союза вызывается сходством их основных задач» (Письмо академика В.В. Латышева, 2000, № 120).

Академик В. В. Латышев, возглавлявший Отделение ученых изданий и исследований, разработал, согласно уставу Общества, проект Комитета Палестиноведения и подчиненного ему Археологического института в Иерусалиме. Обсуждение этого проекта растянулось на два года. Была создана Академией наук специальная «Комиссия по вопросу об организации русского научного учреждения для научного исследования Палестины и прилежащих стран». В состав Комиссии вошли Ф.И. Успенский, Н.П. Кондаков, П.К. Коковцов, Н.Я. Марр, В.И. Вернадский, Н.И. Андрусов. В итоге проект был утвержден, но его реализации помешала Первая Мировая война.

После окончания войны руководство Общества планировала продолжить научное изучение арабского населения Палестины и Сирии и издательскую деятельность. Об этом свидетельствует доклад Н. Бобровникова, посвященный анализу всего комплекса интересов России на Ближнем Востоке и Палестине и планам на будущее. Но революционные события 1917 г. резко изменили жизнь Общества.

Таким образом, издательская деятельность Православного Палестинского общества в 1882–1917 гг. заложила богатейшие научные традиции, которые были сохранены и приумножены последующими поколениями отечественных востоковедов.

Источники и литература:

Бордосский путник, 1882: Бордосский путник. 333 г. / Под ред. В.Н. Хитрово. // ППС. СПб., 1882. Т. 2.

Доклад Е.П. Ковалевского: Доклад Е.П. Ковалевского «Русские научные интересы в Палестине и прилежащих областях». // Архив востоковедов Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН. Ф. 120. Оп. 3 доп. Д. 1. Лл. 127а-127ж

Медников, 1903: Медников Н.А. Палестина от завоевания ее арабами до крестовых походов по арабским источникам. // ППС. Ч. 1–4. СПб., 1903. Т. 17. Вып. 50

Отчет..., 1888: Отчет Православного Палестинского общества за 1886–1887 гг. СПб., 1888.

Письмо академика В.В. Латышева, 2000: Письмо академика В.В. Латышева вице-председателю ИППО князю А.А. Ширинскому-Шихматову // Россия в Святой Земле. Документы и материалы. М., 2000. Т. 1.

Повесть Епифания, 1886: Повесть Епифания о Иерусалиме и сущных в нем мест первой половины IX в. / Под ред. В.Г. Васильевского. // ППС. СПб., 1886. Т. 4. Вып. 11

Протокол дневного заседания Совета ИППО: Протокол дневного заседания Совета ИППО // Архив востоковедов Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН. Ф. 120. Оп. 3 доп. Д. 1.

ФОРМИРОВАНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ЭДОТ В ИУДАИЗМЕ. К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

О.П. Дмитриенко

Слово *эда* в иврите означает два смежных понятия. Одно – религиозная группа или часть населения, объединённая по религиозному принципу. С другой стороны, когда речь идёт о евреях, слово *эда* имеет значение «этническая группа». Дело в том, что еврейский народ с древних времён расселился по очень многим странам. Зачастую эти группы в разных странах не имели контакта между собой. На протяжении веков в каждой стране, где селились евреи, складывались свои местные общины, местные еврейские этнические группы. Кроме того, нередко в этих группах возникали и свои языки. Языком религии всегда оставался иврит. На втором плане, так сказать, дополнительным религиозным языком, был арамейский. Но в быту, в семье евреи пользовались другим языком: одним из целой группы еврейских языков (Подольский, интернет-ссылка).

В средние века евреи начинают активно переселяться в западные страны. Во всемирной истории «средними веками» называется тысячелетие, протекавшее от распада Западной Римской империи (476 г.) до открытия Америки (1492 г.). В истории еврейского народа это тысячелетие простирается от заключения Талмуда Вавилонского (500 г.) до изгнания евреев из Испании (1492 г.). Оно разделяется на два периода. В первый период (от VI до XI века) главная масса еврейского народа живет еще на Востоке:

в Вавилонии, Персии, Аравии, Сирии, Палестине и Египте, – а меньшая часть его разбросана в виде отдельных поселений на Западе, в европейских странах: Италии, Византии, Испании, Германии, Руси. Во второй период средних веков (XI – XV вв.) замечается обратное явление: на Востоке остается меньшая часть еврейского народа, а большая часть его сосредоточивается на Западе. Вместо Палестины и Вавилонии, центрами еврейства делаются Испания, Франция, Германия и другие европейские страны. В руках евреев находилась тогда значительная часть международной торговли, они издавна были промышленными посредниками между Азией и Европой, – и поэтому им нетрудно было переместиться с Востока на Запад, когда их главные восточные центры пришли в упадок. В Европе они нашли старые еврейские поселения, образовавшиеся во времена Римской империи. Одним из мостов, по которому евреи перешли из Азии и Африки в Европу, была Испания: когда эта страна была завоевана в VIII веке арабами, восточные евреи проникли туда вместе с завоевателями.

В судьбе самих европейских евреев есть также различие между двумя указанными периодами средних веков. В первый период, когда число евреев в Европе было еще невелико, они жили сравнительно спокойно и лишь изредка подвергались гонениям со стороны окружающих народов. Во второй же период, по мере своего размножения, евреи все чаще подвергаются со стороны христиан притеснениям и преследованиям, которые в нескольких странах кончаются полным изгнанием еврейских жителей (Дубнов, 1997, с. 364–365).

Еврейская диаспора, в том виде, в котором она сложилась к началу XX века, подразделяется на несколько ветвей, крупных и мелких. К крупным можно отнести общины евреев-ашкеназов (говоривших на идише потомков германских евреев); потомков испанских и португальских изгнанников сефардов, живших в основном в странах средиземноморья, в Голландии и ее колониях; персидских евреев, живших в Персии (к этой группе примыкают афганские и бухарские евреи, горские евреи и евреи Китая); йеменских евреев. К менее многочисленным, замкнутым группам относятся

грузинские евреи, курдистанские евреи, чернокожие фалаша из Эфиопии, кочинские евреи из Индии и Бене-Исраэль из индийского штата Махарашта, крымчаки, восточноевропейские караимы, берберские евреи, самаритяне и ряд менее заметных групп (например, русские геры и субботники). Почти все эти группы имеют собственные национальные языки. Малочисленные и удаленные группы, как правило, заметно отличаются от ашкеназских или сефардских евреев, как по внешнему облику, так и по жизненному укладу, обычаям, даже формам религиозной практики.

Среди этнологов нет единодушия в подходе к классификации еврейских групп. Одни считают их разными этническими группами, объединенными общей религией, наподобие групп христиан и мусульман; или даже в более широком смысле говорят о многообразной еврейской цивилизации. Те, кто придает большее значение самоидентификации, говорят о едином еврейском этносе, включающем различные субэтнические группы. Встречается и смешанный подход, когда основные еврейские группы (ашкеназы, сефарды, персидские евреи и некоторые другие) признаются частью еврейского народа, а периферийные группы (эфиопские, индийские и китайские евреи, иногда караимы и ряд других) считаются отдельными этносами, принявшими иудейскую религию (Носоновский, интернет-ссылка).

Итак, посмотрим на мир еврейских общин и еврейских языков. Несомненно, самая крупная еврейская община в мире – ашкеназская. Всё европейское еврейство, (вернее, почти всё за малым исключением) т.е. евреи Центральной и Восточной Европы, Польши, Украины, Прибалтики, Белоруссии, всё это – ашкеназское еврейство. До середины XX века для большинства этих евреев домашним языком был идиш – язык германского происхождения, сложившийся примерно 1000 лет назад в Германии, в верховьях Рейна. Затем евреи из Германии двинулись дальше на восток, в славянские земли. Здесь идиш впитал в себя очень большое число славянских элементов: слов из польского, чешского, а затем украинского, белорусского и русского. В конце концов, идиш сформировался как отдельный, совершенно независимый от

немецкого, язык: на немецкой основе, но с совершенно своеобразным характером, с большим количеством ивритских, а также славянских элементов.

Термину *ашкеназы* обычно противопоставляется термин *сефарды*, или на иврите *сфаради*.

Однако, слово *сфаради* в иврите имеет три различных значения: во-первых, это просто испанец или испанский. Жители Испании называются на иврите *сфарадим*. Во-вторых, это потомки испанских евреев, изгнанных в 1492 г. из Испании и расселившихся по многим странам Средиземноморья: в Северной Африке, в Марокко, в Ливии, в Египте, в Греции, в Турции, на Балканах – в Болгарии и Югославии. Их тоже называют *сфарадим* (Корогодский, интернет-ссылка).

Первые еврейские поселенцы, возможно, прибыли в Испанию еще в эпоху Первого храма. В IV в. здесь было так много евреев, что церковный собор в Эльвире счел необходимым провести специальные законы, сокращавшие до минимума возможность мирных отношений между евреями и их христианскими соседями.

В начале V века германские племена вестгот вторглись в Испанию и покорили ее. В 616 году в Испании воцарился фанатичный вестготский король Сизебут. С его восшествием на престол начался век жестоких преследований евреев этой страны. Вплоть до конца вестготского господства в Испании иудаизм был запрещен. Многие испанские евреи, вынужденные принять крещение, тайне оставались верными своей религии. Позднее их прозвали марранами. В XV веке евреи были изгнаны из Испании (Асиновский, 1997, с. 97–105).

Часть испанских евреев бежала из Испании не на юг и восток, а на север, оказавшись в Голландии, которая тогда была тесно связана с Испанией. Большой центр сефардского еврейства до сих пор сохраняется в Голландии в Амстердаме. Из Голландии небольшие группы испанских евреев расселились по другим соседним странам: сефардская община возникла в Северной Германии, в Англии тоже была сефардская община, к которой принадлежал знаменитый барон Моше Монтефьори, и Бенджамин Дизраэли, ставший

членом Парламента Великобритании и английским лордом, был сыном сефардского еврея (Копельман, интернет-ссылка).

У потомков испанских евреев сложился свой особый язык – еврейско-испанский, или *ладино*, иначе его называют *джудезмо*. Если идиш возник на базе немецких диалектов, то *ладино*, или еврейско-испанский, имеет в своей основе испанский язык XV-го века, плюс многочисленные элементы, проникшие в него уже в местах нового расселения (турецкие, греческие, арабские слова). Евреи, владеющие языком ладино, могут общаться с людьми, говорящими по-испански.

Третье значение слова *сфаради* – восточный еврей, а вернее – любой еврей, который не относится к ашкеназской общине. Поскольку в литургии, в богослужении у большинства восточных еврейских общин имеются определённые общие черты, отсутствующие в литургии ашкеназского еврейства, то и принято называть всё восточное еврейство сефардским, хотя, естественно, никакого отношения, скажем, йеменские и персидские евреи к Испании не имели.

С образованием государства Израиль в 1948 большинство ладиноязычных сефардов Турции и Греции иммигрировало в Израиль, происходит процесс их ассимиляции с другими евреями Израиля и забывания языка ладино. Сегодня в Израиле сефардами или евреями сефардского толка являются еврей-репатрианты из арабских стран Северной Африки и Ближнего Востока, курдские, персидские, афганские, среднеазиатские, грузинские, кавказские и кочинские евреи (Корогодский, интернет-ссылка).

Очень древняя община евреев, насчитывающая добрых 2500 лет, находилась в Иране. В XIX–XX вв. персидские евреи стали переселяться из Ирана – кто в Европу и США, а кто в Страну Обетованную. С созданием Государства Израиль началась массовая эмиграция персидских евреев в Израиль. Сегодня община персидских евреев представлена преимущественно в Израиле, но какая-то часть остаётся до сих пор и в Иране.

Другие группы евреев переселились в Закавказье. Одна из них – это община грузинских евреев. Эта община настолько давно живёт среди грузин, что они полностью сменили культуру и обычаи

на грузинские, однако сохранили еврейскую веру и еврейское самосознание. Говорят они по-грузински. Вторая группа в Закавказье – это так называемые горские евреи.

Ещё одна интересная еврейская община со своим особым языком жила на севере Ирака. Это так называемые курдистанские евреи. Это единственная община, которая сохраняла до недавнего времени арамейский язык в очень поздней его вариации. Этим языком до сих пор пользуются люди старшего поколения из этой общины. Все они в XX веке прибыли в Израиль, а здесь, естественно, их дети и внуки говорят на иврите (Подольский, интернет-ссылка).

На территории бывшего Советского Союза мы находим семь или восемь разных еврейских групп. Мы уже упоминали об ашкеназских, грузинских, горских и бухарских евреях – четыре группы с четырьмя отдельными языками. В Закавказье имеется также немногочисленная группа курдистанских евреев, говорящих на новоарамейском. На территории России можно было встретить и отдельные сефардские семьи, либо проникшие несколько веков назад через Северную Европу в Прибалтику, либо позднее через Румынию. Следует также упомянуть об очень своеобразной общине *геров*. По происхождению это русские крестьяне, которые приняли иудаизм. В соответствии с еврейской традицией, человек, принявший иудаизм, является евреем. Часть из них переехала в Израиль в конце XX века (Подольский, интернет-ссылка).

Интересно также отметить ситуацию в Индии. Здесь имеются три еврейских общины. Одна на юге, в штате Керала – так называемые кочинские евреи. В районе Бомбея в Западной Индии было две еврейских общины. Одна, старая – так называемая *Бней Израэль*, говорившая на языке маратхи индо-арийской группы. Вторая община – относительно нового происхождения. Это, собственно говоря, иракские евреи, которые ещё в конце XIX или в начале XX века переселились в Индию и создали там свою арабоязычную еврейскую общину.

Ещё одна очень интересная группа исчезла практически бесследно; это китайские евреи. Когда-то в раннем Средневековье группа евреев из Ирана, очевидно, прибыла с торговой миссией

в Китай. Знаменитый Шёлковый Путь шёл из Китая через Иран. Очевидно, этим путём проникли туда евреи-торговцы. Несколько семей осело в городе Кайфын, построили там свою синагогу, создали свою общинную жизнь. Женщин в этой группе практически не было, и они вынуждены были брать в жёны китайок и обращать их в иудаизм. Но влияние окружающей среды и китайских жён оказалось решающим. Спустя несколько веков китайские евреи полностью китаизировались. Сегодня, поскольку китайцы очень тщательно сохраняют информацию о своих корнях, нам известно, что такие-то семьи происходят из евреев. Но люди эти уже совершенно ничего общего не имеют с евреями, они типичные китайцы не только внешне, но и по своему мировоззрению. С другой стороны, уже в конце XIX и начале XX века в Китае возникла новая еврейская колония. Это были выходцы из России или Польши, которые пришли в Китай во время строительства Китайской Восточной Железной Дороги и осели там. После революции в Китай бежало немало российских евреев, присоединившихся к уже возникшей колонии (Фадеева, 2005, с. 10).

Ещё одна, очень своеобразная, община находится только в Израиле, на совершенно особом положении. Это – *шомроним*, как их называют на иврите, или в русской традиции – самаритяне. Это часть еврейского народа, отколовшаяся от евреев ещё 2500-2300 лет назад. Когда евреи были угнаны в Вавилонский плен, часть, очевидно, осталась в горах Самарии, во всяком случае, так заявляют сегодняшние самаритяне. По раввинской легенде, на место угнанных в плен евреев завоеватели пригнали и поселили другие, языческие племена, которые на новом месте постепенно перенимали местные, т.е. еврейские обычаи и религию. Вернувшись из плена, евреи стали восстанавливать Иерусалимский храм. Самаритяне захотели принять в этом участие, но евреи их отвергли как чужаков. Тогда самаритяне создали свой храм на горе Гризим рядом со Шхемом.

Сегодня они живут в Израиле в двух местах: в городе Шхем (Наблус) в Самарии и в Холоне. Живущие в Шхеме говорят по-арабски, в Холоне молодёжь говорит на иврите, учится в обычных

израильских школах, служит в армии. Однако, обе группы скрупулёзно соблюдают все религиозные обычаи, сохраняемые с древнейших времён, и в Холоне даже издаётся небольшой журнал, напечатанный особым самаритянским шрифтом (Копельман, интернет-ссылка).

Итак, мы видим, что еврейский народ представлен множеством этнических групп, или этнических общин, так называемых эдот, разбросанных по всему миру. Каждая из этих общин имеет свои отличительные особенности во внешнем виде, культовой практике, в быту. Но есть и то, что объединяет людей, относящихся к разным эдот. Это особое этноконфессиональное самосознание, определяющееся, прежде всего, принадлежностью к единой религии – иудаизму. Именно благодаря этому самосознанию, современные эдот, находящиеся в разнообразном культурном окружении, сохраняют свою самобытность.

Источники и литература

Асиновский, 1997: Евреи. По страницам истории / сост. С. Асиновский, Э. Иоффе. Минск, 1997.

Гринберг, 1998: Гринберг Б. Традиционный еврейский дом. М., 1998.

Джонсон, 2001: Джонсон, Пол. Популярная история евреев / пер. с англ. И.Л. Зотова. М., 2001.

Дубнов, 1997: Дубнов С.М. Краткая история евреев. Ростов-на-Дону, 1997.

Копельман: Копельман З. Еврейские этнические общины // http://www.judaicaru.org/mekorhaim/tema_33.html (дата обращения: 22.03.2015).

Корогодский: Корогодский Ю. «Ашкеназы» и «сефарды»: история вопроса // <http://berkovich-zametki.com/Nomer33/Korogodsky1.htm> (дата обращения: 24.04.2015).

Носоновский: Носоновский М. Откуда происходят восточноевропейские евреи?// <http://www.ijc.ru/istoki71.html> (дата обращения 12.03.2015).

Пилкингтон, 2002: Пилкингтон С.М. Иудаизм. М., 2002.

Подольский: Подольский Б. Еврейский народ: общины и языки // <http://www.slovar.co.il/evrnarod.php> (дата обращения: 25.03.2015).

Телушкин, 1998: Раби Йозеф Телушкин. Еврейский мир. М., 1998.

Фадеева, 2005: Фадеева И. Образ еврея в Китае // Еврейское слово. № 18 (241). 11–17 мая 2005. С. 10.

К ВОПРОСУ О ВИНОДЕЛИИ У АДЫГОВ И АБХАЗОВ

А.П. Степанченко

Утверждение о том, что в Северо-Восточном Причерноморье издревле культивировался виноград и производилось вино, сегодня ни у кого не вызывает сомнений. Но вот вопрос о производстве вина адыгами, после активной исламизации региона в XVII в. (Бушуев, 1957, с.125) до сих пор остается открытым. Данная статья, попытка раскрыть некоторые ранее малоизученные аспекты этой темы с привлечением источников, которые долгое время оставались вне сферы внимания исследователей освещающих данную проблематику.

С распространением ислама среди адыгов, новая система жизни не могла не оказать отрицательного влияния на такую отрасль хозяйства как виноделие, в виду того, что неотъемлемой частью исламской религии является запрет на употребление вина. Но, тем не менее, нельзя забывать и о сохранившихся в тот период среди черкесов–адыгов христианских традиций и о миссионерской деятельности Русской Православной церкви, активность которой приходится, по мнению С.Н. Малахова, на вторую половину XVI–первую половину XIX вв. (Малахов, 2007, с. 73). Так один из исследователей первой половины XIX века М. Селезнев в своем труде «Руководство к познанию Кавказа» приводит интересный рассказ армяно-григорианского священника Иоанна о

пережитках христианства среди черкесов: «Они¹ часто приносили богоугодные жертвы под сенью священных деревьев, привязывая к их сучьям кресты». Какой либо из стариков облачался в войлочную мантию и, взяв в руки чашу, наполненную вином, обращался лицом к востоку с чтением импровизированной молитвы о мире, благополучии и изобилии плодов земных. Во время молитвы черкесы зажигали свечи, курили ладан и клали земные поклоны (Селезнев, 1847, с.45).

М. Баллас, С.Б. Шавердов, Е. Симанович считают, что в этот период наступает полный упадок винодельческой отрасли региона (Баллас, 1895, с. 12; Шавердов, 1901, с. 51–52; Симанович, 2007, с. 35). Вековые традиции и технологии забыты, виноградарники подвергаются выкорчевке. При этом многие опираются на свидетельство Интериано, который писал об адыгах: «Кукурузы и виноградного вина у них не было». По его свидетельству они употребляли вино из меда пчел (Interiano, 1502, р. 49). В своем исследовании «Развитие виноградарства и виноделия на Северном Кавказе во второй половине XIX в. – 1914 г.» Е.А. Симанович придерживается мнения, что вплоть до момента вхождения Черноморского побережья в состав Российской империи и начала освоения этих земель, виноградарство и виноделие вообще перестали существовать как отрасли хозяйства. Симанович, 2007, с. 65). Мы считаем, что такие выводы недостаточно обоснованы. Ряд прямых и косвенных свидетельств не позволяет согласиться с вышеописанной точкой зрения.

Для начала обратимся к устным памятникам абхазского народного творчества – в фольклоре имеется немало сведений, говорящих о древнем происхождении культуры винограда у абхазов (Инал-Ипа, 1949, с. 91–92). Б. Джанашия во второй половине XX в. записал у информатора Маадана Батовича Саканиа интересную, полную поэтической фантазии легенду о том, как братья Нарты – Цвыцв, Сасриква и другие отвоевали у дивов-великанов

¹ Здесь-черкесы

(adaw) виноградную лозу, вместе с некоторыми саженцами плодовых деревьев (Джанашия, 2010, с. 15). Фрагмент другой легенды, записанный автором данной же работы у информатора Мыстафа Согумовича Ашвба, появление культуры винограда у абхазов приписывает одному из главных нартских героев – Нарт Сасрыкве, перебросившему, как повествуется в легенде, с Северного Кавказа через Кавказский хребет винный кувшин, который, упав в Абхазии, разбился, а рассыпавшиеся при этом виноградные семена проросли, положив начало виноградарству в этом крае (Джанашия, 2010, с. 15).

Побывавший в конце XIV – начале XV вв. на Кавказе и в Крыму немецкий путешественник Иоганн Шильтбергер, писал о том, что в этих регионах живет много христиан, производят они отличное вино (Schiltberger, 1427, p. 46).

Доминиканец Эмиддио Дортелли д'Асколи, префект Каффы, Татарии и прочее в составленном в 1634 г. «Описании Чёрного моря и Татарии» дает нам сведения о возделывании черкесами виноградников и производстве вина. Кроме того, он отмечает, что они хорошо знают «Отче наш» и «Богородицу» по-латыни (Дортелли Д'Асколи, 1902, с. 35.)

О том, что выращенный адыгами виноград пользовался спросом за пределами Черноморского побережья Кавказа, свидетельствует Карл Пейсонель. Он в своем «Трактате о торговле на Черном море», опубликованном во второй половине XVIII в. говорит о том, что импорт черного винограда из Черкессии составлял от 200 до 300 кинталов (Пейсонель, 1974, с. 179–201).

И.А. Гюльденштедт в отчете о своей поездке 1770 г. по югу России и Кавказу уделяет много внимания описанию священных рощ с дикой виноградной лозой, и культурных виноградников возделываемых местным населением. Кроме этого он пишет и о приготовлении вина местными племенами (Гюльденштедт, 1967, с. 105–179). Гюльденштедт оставил нам интересные сведения о значении вина в жизни абхазских племен конца XVIII в. Вино в обязательном порядке занимало центральное место на праздничном столе, в большой серебряной чаше. Каждый наливал его сам

себе, в мелкий серебряный бокал. Пили прилежно, не напиваясь. Любопытно он описывает обряд похорон, где тело умершего, после омовения водой, повторно омывали вином. Печальных посетителей, еще до обряда погребения, потчевали вином и пшеничной кашей. (Гюльденштедт, 1967, с. 105–179).

Петр Симон Паллас обследовавший южные наместничества Российской империи в 1793–1794 гг. так же отмечал, что жившие на Кавказе народы активно занимаются виноделием (Паллас, 1974, с. 214–224).

В начале XIX вв. в книге «Путешествие по Крыму, Кавказу, Грузии, Армении, Малой Азии и Константинополю в 1829–1830 годах» Жан Шарль де Бесс приводит следующие описание: «Природа в этих краях прекрасна, здесь без всякого ухода произрастают различные плодовые деревья. В южной части произрастает в изобилии дикий виноград; его засушивают в лозах на зиму, а также делают простейшее вино, сохраняя его в глиняных бочках» (Jean-Charles de Besse, 1838, p. 57).

У Генриха-Юлиуса Клапрота в его «Путешествие по Кавказу и Грузии предпринятое в 1807–1808 гг.» мы находим такие свидетельства: «Туби или убыхи, говорящие на одном из наречий абазинского языка, живут в недоступных горах в самых высоких местностях рек Шагваши и Псах, вплоть до высоких снежных гор и Черного моря. Они большие разбойники; вместе с тем они выделяют много хорошего вина, которое называют сана (Клапрот, 1967, с. 105–179).

Карл Кох в своем труде «Путешествие по России и в Кавказские земли» сделал следующие описания в области местного виноградарства и виноделия: «Виноградные лозы растут в южных местностях у Черного моря диким образом и обвивают деревья. Ягоды используют в большом количестве, и для того, чтобы их собирать, идут в лес, чтобы принести столько, сколько нужно... Убыхи с давних пор приготавливают прекрасное вино, которое известно по всему западному Кавказу под именем «зана»» (Кох, 1974, с. 85–92).

Фредерик Дюбуа де Монпере в своем «Путешествии вокруг Кавказа», так описывает виноделие на Черноморском побережье: «Виноградные лозы повсюду в диком состоянии и дают мелкий

виноград; из него не готовят вина у натухаджей, и только, приближаясь к Абхазии, в краю убыхов, сахов и других племен, можно увидеть, что жители занимаются этой отраслью хозяйства; вино, изготовляемое этими племенами, хорошего качества» (Дюбуа де Монперэ, 1937, с. 37).

Все это позволяет нам говорить о сохранении виноградарства и виноделия в нашем регионе даже в период активной исламизации местного населения.

Горная полоса Северо-Западного Кавказа, заселенная адыгским и абхазскими племенами, крайне неудобна для пашенного земледелия, в отличие от Прикубанской низменности. По нашему мнению, можно предположить среди прочих занятий населения виноградарство и, как следствие, виноделие. Поскольку оно было обусловлено не только историческими, но и физико-географическими факторами.

Интересные материалы, свидетельствующие о развитии виноградарства и виноделия у адыгов в районах Северного Причерноморья, получены в 1929–1930 гг. специальной экспедицией, обследовавшей старые адыгейские сады и виноградники (Фисенко, 1979, с. 10). Экспедиция состояла из преподавателя Туапсинского сельскохозяйственного техникума агронома Г.В. Михайловского и студента адыга А. Баусова. В задачу экспедиции входило изучение и ампелографическое описание адыгейских, а точнее шапсугских, сортов винограда, истории возникновения местных виноградных насаждений и сортов, а также «выяснение причин гибели некогда процветавшего здесь черкесского виноградарства». (Фисенко, 1979, с. 10).

Местные жители, адыги – старики, рассказывали, что виноградарство и виноделие было широко развито на всем пространстве между реками Туапсе и Мзымта. Самые лучшие вина готовили жители долины рек Аше, Псишо, Шахе. По-адыгски виноградный куст называется сэнэкуаш; вино – сан; посуда, из которой пьют вино, – бжъэ, что означает в переводе на русский язык – «рог». (Гублия, 2010, с. 188).

Действительно, в прошлом адыги пили все спиртные напитки из рогов, отделанных серебром и другими материалами.

В адыгском языке нет названий: «стакан, бокал, рюмка» и т. д., все эти названия позаимствованы из русского языка. Следует отметить, что в абхазском языке посуда для хранения и выдержки вина имела ритуальный подтекст:

«Ахашьа» – «пифос», «амфора», «глиняная посуда», где «Аха» – «наращенное» (о полом пространстве), а «Пшьа» – «освященный». Абхазы издревле зарывали в землю кувшины с вином для различных религиозных обрядов (Гублия, 2010, с. 188).

Экспедиция выехала в октябре 1929 г. и обследовала земли аулов Кичмай и Красноалександровский. Участникам экспедиции было известно, что упадок черкесского виноградарства многие исследователи объясняли переселением адыгов в 60-х годах XIX в. в Турцию.

Следствием принятия ислама местным населением являлась выкорчевка виноградных лоз. Это, прежде всего, было связано с проповедями мусульманских священников по борьбе с вином и, соответственно, с виноградной лозой как источником виноделия. Оставлялись только немногочисленные лозы столового винограда. Некоторые кулинарные традиции не позволили винограду, в том числе и винных сортов, исчезнуть совсем. В адыгской и абхазской кухнях до сегодняшнего дня широко применяется сильно уваренный виноградный сок (до состояния желе), кроме того из столовых и винных сортов винограда делали изюм, а одним из самых излюбленных лакомств является «аджинджухи» (Акаба, 1955, с. 58.) Эта сладость имеет высокую калорийность и длительный срок хранения. Она представляет собой нанизанные на нитку орехи, обмакнутые в густую массу из виноградного сока с заваренной в нем кукурузной мукой и высушенные над дымом очага, или солнце (Акаба, 1955, с. 58).

Как уже говорилось выше, не смотря на активную исламизацию региона, некоторые адыги отказались принять ислам. В результате экспедиции 1929 г. Г.В. Михайловскому и А. Баусову удалось познакомиться с одним из старейших жителей адыгского Красноалександровского аула стариком Гербо, семья которого так и не приняла ислам. На его усадьбе сохранился автохтонный сорт

«Сантах». Агроном Г.В. Михайловский не мог определить, когда местные сорта были введены в культуру. Также подтверждением того, что это были автохтонные сорта, являлось и то, что эти сорта были совершенно не описаны в литературе. Проведенный анализ позволил сделать вывод, что принадлежали они к «*vitis venifera*». (Фисенко, 1979, с. 10.)

В результате экспедиции было описано пять аборигенных сортов винограда, полученных, как и многие сорта плодовых пород, путем многовековой народной селекции и являющихся живыми реликтовыми свидетелями прошлого. Лучшими из обнаруженных экспедицией сортов были Напикичмайский и Сантах (в переводе на русский язык – «шершавый»).

В исследовании «Адыгейские (черкесские) сады» Н.А. Тхагушева говорится, что в пределах административных границ Краснодарского края и в Гагринском районе Абхазии можно встретить многочисленные одичавшие плодовые насаждения, так называемые «черкесские сады» (Тхагушев. 1950, с. 4–5). Ученый локализует их главным образом в черноморских районах Кавказа (Адлер, Лазаревское, Туапсе, Геленджик, Новороссийск, Анапа), кроме того, они встречаются на северных склонах Кавказского хребта в предгорных районах Краснодарского края (Крымском, Абинском, Северском, Тахтамукайском). Примечательно, что некоторые деревья из этих садов сохранились до наших дней и даже плодоносят. В исследовании Н.А. Тхагушева «Адыгские (черкесские) сады», отводится особая роль черкесскому виноградарству. Автор назвал восемь сортов винограда, которые давали наивысший урожай в садах Причерноморья. Среди них: красный виноград кичмайский, белый ароматный виноград кичмайский, лиса бурая, воловье око. К древнейшим черкесским сортам он относит виноград темнобурый «хватающий» и высокогорный бурый виноград «кровь медведя». Со временем многие сорта винограда в чистом виде исчезли, хотя по-прежнему в некоторых частных садах продолжают существовать три вида темно-бурых сортов винограда «хватающий», воловье око и «кровь медведя». Их современники называют теперь лесными виноградами (Тхагушев, 1950, с. 4–5).

В лесах, выросших на месте брошенных черкесских аулов, исследователи находили одичавшую виноградную лозу. Это означает только одно: адыги, даже приняв ислам, запрещающий алкоголь, продолжали выращивать виноград, причем преимущественно по древнему кавказскому способу маглари² сажали его в садах возле раскидистых деревьев, чтобы лоза могла опираться на их ствол и ветви (Шавердов, 1901, с. 51.) Этой же версии, способа выращивания винограда черкесами, придерживается и Ю.Ф. Фисенко (Фисенко, 1979, с. 9). Он считает, что наиболее вероятным центром формирования этой своеобразной культуры виноградной лозы, вначале в виде свободно растущей, опирающейся на высокоствольные деревья, лианы, а затем постепенное понижение лианы до виноградного куста – была территория современной Грузии, часть причерноморских районов Абхазии и нынешнего Краснодарского края. В ходе многовекового процесса был выработан своеобразный местный способ культуры винограда как свободно растущей лианы, опирающейся на живую древесную растительность. Такой способ культуры максимально приближен к естественно экологическим условиям. Таким образом, можно констатировать, что в XVII в. формируется отличительно иная от античной виноградарская традиция, в основе которой виноград культивировался в виде свободнорастущей лианы. Формировка маглари, без обрезки или с подрезкой. В отдельных случаях для полного омолаживания кустов удалялась наземная часть растения (обрезка на пень), после чего формировалась новая наземная часть виноградного куста. Кусты винограда жили 100–200 и более лет. Опора – высокоствольные деревья, обычно плодовые, часто груша. Посадка велась бессистемно. Сплошные виноградники отсутствовали. Урожай собирали в мешки или специально

² Маглари (груз.) — особый способ посадки виноградных лоз, на Кавказе, при котором они, достигая нередко огромной величины, выются около деревьев. Разведением винограда по этому способу занимаются в большинстве местностей Западного Закавказья (Кутаисской губ.) и кое-где в Восточном Закавказье. М. противопоставляется даблари — штамбовый способ посадки, при котором лозы обрезаются сравнительно низко.

изготовленные корзины. На виноградной лиане, если позволяла погода, созревший урожай сохранялся не менее 1–2 месяцев, что значительно удлиняло сроки использования (Фисенко, 1979, с. 9).

Один из дореволюционных исследователей истории виноделия на Кавказе П.В. Дзюбенко считал, что у бедных виноградарей зачастую не было сортировки не только по качеству кистей, но и по сортам лозы. По его мнению, все сорта соединяли вместе, оставляли бродить, затем сливали в кувшины, закопанные в землю. У более состоятельных хозяев над кувшинами строился навес, а лучше хижина. Если винодел был беден, то сосуд для вина обязательно закапывался в тени ореха. Перед переливанием вина в сосуды на выдержку их тщательно мыли, но это не спасало вино от окисления. Процессу порчи вина на выдержке способствовала пористость стенок глиняных сосудов (Дзюбенко, 1886, с. 11).

П.В. Дзюбенко отмечает, что практически по всему Кавказу использовался один тип виноделен – марани. Его мнение основано на сравнении каменных давилен из долины Аракса Эриванской губернии, которые подобны грузинским (Дзюбенко, 1886, с. 46). Н.И. Винокуров делает вывод, что эриванские давяльни очень похожи на греческие винодельни с одним резервуаром, но имеют отличительную особенность, они функционировали под навесом, а не в помещении, как греческие (Винокуров, 2007, с. 310).

Винодельни, используемые адыгами, были скорее всего упрощенного типа, наподобие абхазских и грузинских. К сожалению, мы не располагаем находками винодельческих комплексов в нашем регионе, но можем ориентироваться на аналогии всего Кавказского региона. Так исследователи А.М. Апакадзе и В.В. Николаишвили считали, что в Кавказском регионе преобладали монолитные (деревянные, или выдолбленные в каменной глыбе) давяльни. В своей работе «Археологические исследования на новостройках Великой Мцхета (1976–1979)», они отмечают, что гораздо реже встречались композитные винодельни с одним резервуаром-сосудом или цистерной. Эти винодельни действовали в помещениях со специальным инвентарем-марани, предназначенными для выделки и хранения вина (Апакадзе, Николаишвили, 1980, с. 18).

Л.Ш. Чкония, исследуя виноделие в восточной Грузии, приводит следующую классификацию грузинских виноделен. Марани были двух типов – открытые и крытые. Открытого типа марани устраивали во дворе или в виноградниках под открытым небом, в спокойном тенистом месте. Иногда они имели легкий навес. Л.Ш. Чкония крытые марани объединяет в три группы: мицури, деревянные и каменные (Чкония, 1988, с. 14).

Широкое распространение крытого марани обуславливалось уровнем развития производства вина и целесообразностью сосредоточения в одном месте связанного с виноделием оборудования, инструментов и посуды. В крытом помещении, защищенном от непогоды, легче было поддерживать равномерный температурный режим.

Л.А. Пруидзе считает, что в крытых марани вино бродило в закрытых сосудах – квери и выбраживало полностью, в результате получалось сухое вино. В открытых марани вино бродило в плотно закрытых сосудах и не выбраживало до конца, таким образом, получали полусладкие вина. Следовательно, используя данные особенности технологического процесса, виноделы, вырабатывали разные сорта вин. Конечно, нельзя не учитывать почвенно–климатические особенности региона, а также используемые сорта винограда. (Пруидзе, 1968, с. 7).

Все выше описанное позволяет нам говорить, что основные технологические процессы, заложенные античными греческими виноделами, уже перестали существовать и расцветает новый очаг виноделия на Черноморском побережье, начиная от Шапсугии до Мегрелии, который характеризуется влиянием уже грузинских традиций виноделия.

Сохранению виноделия в немалой степени способствовало и то, что часть населения придерживалась христианского вероисповедания. Во время исламизации населения Северо-Западного Кавказа традиции виноградарства и виноделия полностью не исчезли. В тех местах, где проходила сильная исламизация, виноград использовался в столовых целях, для изготовления изюма, для приготовления дефрута (виноградный мед), а так же

различных сладостей. Там же, где давление было не сильным, традиции приготовления домашнего вина продолжались, но справедливости ради, следует сказать, что виноделие не играло существенной роли в хозяйственно-экономической жизни.

Источники и литература

Акаба, 1955: Акаба Л.Х. Абхазы Очамчирского района // Кавказский этнографический сборник. Т. I. М., 1955.

Апакадзе 1980: Апакадзе А.М. Николаишвили В.В., Археологические исследования на новостройках Великой Мцхета (1976–1979). Тбилиси, 1980.

Баллас, 1895: Баллас М. Виноделие в России [Текст]. Часть I: Крым, часть Таврической губернии, Дон и Астрахань. СПб., 1895.

Бушуев, 1957: Бушуев С.К. Адыгейский народ под гнетом султанской Турции и крымского ханства. Адыго-русские связи (в XVI–XVIII вв.). Майкоп, 1957.

Винокуров, 2007: Винокуров Н.И. Виноделие в государствах Северного Причерноморья. Киев, 2007.

Гублия, 2010: Гублия Р.К. К этимологии некоторых социальных терминов в абхазском языке. Сухум, 2010.

Гюльденштедт, 1967: Гюльденштедт И.А., Путешествия по России и Кавказским горам // Осетины глазами русских и иностранных путешественников (XIII–XIX вв.). Орджоникидзе, 1967.

Дзюбенко, 1886: Дзюбенко П.В., Виноделие на Кавказе. Тифлис, 1886.

Дюбуа де Монпере, 1937: Дюбуа де Монпере Ф. Путешествие вокруг Кавказа. Том I. (Грузинский филиал АН СССР. Труды института абхазской культуры. Вып. VI. Свидетельства иностранцев об Абхазии). Сухуми, 1937.

Джанашия, 2010: Джанашия Б. Абхазская лексика виноградарства и виноделия. Тбилиси, 2010.

Инал-Ипа, 1949: Инал-Ипа Ш.Д. Об абхазском нартском эпосе // Труды Абхазского научно-исследовательского института. Вып. XXIII, Сухуми, 1949.

Клапрот, 1967: Клапрот Г. Путешествие по Кавказу и Грузии предпринятое в 1807–1808 гг. // Осетины глазами русских и иностранных путешественников (XIII–XIX вв.). Орджоникидзе, 1967.

Кох, 1974: Кох К. Путешествие по России и в Кавказские земли 1836–1837 гг. // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Нальчик, 1974.

Малахов, 2007: Малахов С.Н. Некоторые вопросы церковной археологии//из истории культуры народов Северного Кавказа. М., 2007.

Селезнев, 1847: Селезнев М. Руководство к познанию Кавказа. СПб, 1847.

Симанович, 2007: Симанович Е.А. Развитие виноградарства и виноделия на Северном Кавказе во второй половине XIX в. – 1914 г. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Краснодар, 2007.

Дортелли Д'Асколи, 1902: Описание Чёрного моря и Татарии, составил доминиканец Эмиддио Дортелли Д'Асколи, префект Каффы, Татарии и проч. 1634 г. // Записки Одесского общества истории и древностей. Том XXIV. Одесса, 1902.

Паллас, 1974: Паллас П. Заметки о путешествии в Южные наместничества Российского государства в 1793–1794 гг. // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Нальчик, 1974.

Пейсонель, 1974: Пейсонель, Карл. Трактат о торговле на Черном море // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Нальчик, 1974.

Пруидзе, 1968: Пруидзе Л.А. Виноградарство и виноделие в Раче (по этнографическим материалам). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Тбилиси, 1968.

Тхагушев, 1956: Тхагушев Н.А. Адыгейские (черкесские) сады. Майкоп, 1956.

Фисенко и др., 1979: Фисенко Ю.Ф. Виноделие Кубани / Ю.Ф. Фисенко, В.Н. Фисенко, Ф.А. Коваленко. Краснодар, 1979.

Чкония, 1988: Чкония Л.Ш. Виноградарство и виноделие в восточной грузии (по историко-этнографическим материалам Гаре Кахети. Тбилиси, 1988.

Шавердов, 1901: Шавердов С.Б. Виноградарство и виноделие Кубанской области // Сборник сведений по виноградарству и виноделию на Кавказе. Вып. 9. Ч. 2: Кубанская область. Тифлис, 1901.

Interiano, 1502: Interiano, g.-La Vita e sito de Zychi, chamati circassi, historiano tabile. Venezia, 1502.

Jean-Charles de Besse, 1838: Jean-Charles de Besse. Voyage en Crimée, au Caucase, en Georgie, en Arménie, en Asie Mineure et a Constantinople en 1829 et 1830. Paris, 1838.

Schiltberger, 1394–1427: Schiltberger, Johannes, Reisen des Johannes Schiltbergeraus München in Europa, Asia und Afrika von 1394 bis 1427.

О «ВЫМИРАНИИ» НАРОДОВ¹ (ЕВРОПЕЙСКИЕ СЛУЧАИ)

И.В. Кузнецов

Последние два десятилетия в связи с ростом национальных движений, этнонационализма среди ряда групп населения России, приводящим иногда к вооруженным конфликтам, особенно на Кавказе, особую значимость приобретает теоретизация сущности этнического (по терминологии советских лет – этноса). В науке в отношении этой проблемы наметилось, по крайней мере, две позиции: одна из них представлена сторонниками традиционной веры в незыблемость этнических общностей-наций (примордиалистская), вторая объединяет тех, кто исследуют свой объект в исторической перспективе, подчеркивая его исторический, преходящий характер (конструктивистская).

Наиболее последовательные конструктивисты сводят проблему исчезновения целых этнических образований к деконструкции соответствующего дискурса, не отличая подобные случаи от рутинной, если можно так выразиться, ассимиляции. Однако если ассимиляция постепенно и незаметно для внешнего глаза завершается т.н. языковым сдвигом (language shift) и (или)

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 15-18-00008). Организация, через которую осуществляется финансирование – Кубанский государственный университет.

утратой первоначальной этнической идентичности, то «вымирания», напротив, обычно ждут. Вначале отдельным энтузиастам, в их числе – антропологи, миссионеры, журналисты и проч., а затем и широким слоям окружающего (или живущего бок о бок) большинства, становится известно о существовании неких «последних из могикиан», оставшихся от их соседей, которые самими своими судьбами сигнализируют, что этот процесс уже запущен.

В фокусе мировой науки давно находятся политики культуры и идентичности, а проблема взаимодействия [антропологической] науки и власти убедительно помещена в общий контекст постколониальной критики. В частности очень близкими по духу представляются эссе теоретика и историка антропологии, покойного Джорджа Стокинга мл., например, его «*Anthropology as Kulturkampf*», «*Philanthropoids and Vanishing Cultures: Rockefeller Funding and the End of the Museum Era*» и «*Sol Tax and the World Mission of Liberal Democratic Anthropology*» (Stocking, 1992; 2000). Эту традицию исключительно вдумчивых и богатых на детали рассуждений об антропологии и колониализме, о конструировании образа «коренных» (туземцев) и исчезновении культур продолжают выпуски 7–9 в издающейся Висконсинским университетом (Мэдисон), вначале под редакцией самого Стокинга, а теперь Р. Хандлера, серии «*History of Anthropology*» (НОА, 7; 8; 9).

Из отдельных сторон интересующего нас здесь процесса, наиболее хорошо исследован вопрос об исчезновении языков. В последние несколько десятилетий масштабы этой проблемы, до сих пор ощущаемой, пожалуй, лишь лингвистами и борющимися за свое сохранение лингвистическими меньшинствами, начали приобретать общегуманитарный характер. Так Майкл Краусс (Университет Аляски-Фэрбанкс), широко известный своими исследованиями атапаскских языков, привел как-то следующую статистику (Krauss, 1992, pp. 5–6): В списке Граймс («*Ethnologue*»), наиболее полном на сегодняшний день, значится 6500 языков существующих и вымерших, и только в течение этого столетия ок. 3000 из них могут оказаться вымершими. В ряде стран, особенно там, где коренное население, представленное лингвистическими

меньшинствами, существует в окружении какого-либо из европейских доминирующих языков, процесс вымирания языков идет особенно угрожающими темпами. Так, из 187 языков коренных американцев США и Канады 80 % вымирают, из 250 языков австралийских аборигенов опасности вымирания подвергаются 90 %, 45 из 65 языков малых коренных народов России, т.е. 70 %, также находятся на грани исчезновения.

В России указанным аспектом проблемы занимаются в частности крупный специалист в области языков народов Севера Н.Б. Вахтин (Европейский университет в Санкт-Петербурге), кавказовед А.Е. Кибрик (МГУ) и некоторые другие. Необходимо упомянуть также об усилиях по составлению сводных описаний и каталогов языков, нуждающихся в особой охране. По аналогии с Красной книгой МСОП, куда заносятся вымершие, исчезающие и редкие виды животных, Тапани Салминен (Хельсинки), при участии и под эгидой ЮНЕСКО, начал составление Красной книги ЮНЕСКО угрожаемых языков (*endangered languages*). Салминен выделяет 4 статуса языка: угрожаемый, серьезно угрожаемый, почти исчезнувший и исчезнувший. Им соответствуют 94 языка Европы.

Перенос внимания с «вымирающих» этнических общностей на т. н. угрожаемые языки симптоматичен и отражает общую растерянность академического сообщества *«на фоне параллельного роста скепсиса в отношении натуралистических и эссенциалистских трактовок народов, наций, государств и других социальных категорий»* (Соколовский, 2008, с. 72). Тем не менее, операционально мы принимаем здесь факт «смерти» языков за индикатор процесса «вымирания» соответствующих народов.

Текущая повестка российской науки уделяет, на наш взгляд, недостаточно внимания такому драматическому развитию ситуации. Кажется, первая серьезная попытка разобраться в том, насколько рассуждения об исчезновении коренных малочисленных народов соответствуют действительности, принадлежит еще С.К. Патканову. Этот демограф заключал, что *«бродячие инородцы страны в своей массе уменьшаются в числе, причем, чем теснее они приходят в соприкосновение с европейской культурой,*

тем быстрее и интенсивнее совершается процесс их обеднения, вырождения и вымирания» (Патканов, 1911, с. 179–180). При этом он подчеркивал, что, во-первых, народы Севера (речь именно о них) вымирают не повсеместно, а лишь там, где сохраняются самые плохие жизненные условия; во-вторых, в лучшем положении оказываются группы, наиболее подвергшиеся аккультурации, и, в-третьих, непосредственными причинами такого вымирания часто являются эпидемии и случаи голода (там же, с. 180–181).

Менее чем через сто лет акцент существенно поменялся, и современный демограф Д.Д. Богоявленский (2005), списывая на европоцентризм тогдашней науки зловещий прогноз ученых предшествующих поколений о неизбежном исчезновении «диких народов» при столкновении с «белой цивилизацией», пришел к выводу в духе поистине соломоновых решений, что *«с демографической точки зрения вымирание народов Севера в XX столетии можно <...> считать «мифом».* Вместе с тем, дальнейшее снижение рождаемости вполне может привести к их настоящей депопуляции» (Богоявленский, 2005, с. 55, 61).

Даже такой крупный отечественный этнолог (антрополог), как С.В. Соколовский, специально занимающийся общей теорией этничности и проблемами коренных малочисленных народов, считает, что за их «вымиранием» стоят просто ассимиляция и колебания в численности «аборигенных» сообществ, вовсе не обязательно вызываемые естественной убылью, но также сменой классификационных принципов в государственном учете населения. Он тоже склонен говорить о существовании «мифа о вымирании коренных малочисленных народов» (Соколовский, 2009а, с. 52) и видит истоки этого «мифа» в гердеровском *Volksgeist* – взгляде на природу народов, в соответствии с которым они представляются самостоятельными «организмами» и, следовательно, подвержены «рождению» и «смерти» (Соколовский, 2009б, с. 321–322).

И, таким образом, как будто бы снимается острота, по крайней мере, общественное звучание, проблемы. Отстаиваемый нами взгляд существенно отличается и противоречит установке на то, что мы имеем дело лишь с бесконечной чередой смены идентичностей.

Разумеется, внимание к ассимиляции народов, исчезающих «прямо на глазах», носит исключительно давний характер, и следы его можно отыскать уже у античных авторов, ср. рассуждения «отца истории» Геродота о пеласгах, в которых греки видели коренное население Эллады:

«Если же судить по теперешним пеласгам, что живут <...> в городе Крестоне <...>, и затем – по тем пеласгам, что основали Плакию и Скилак на Геллеспонте <...>, а также и по тем другим городам, которые некогда были пеласгическими, а позднее изменили свои названия. Итак, если, скажу я, из этого можно вывести заключение, то пеласги говорили на варварском языке. Если, стало быть, и все пеласгическое племя так говорило, тогда и аттический народ, будучи пеласгическим по происхождению, также должен был изменить свой язык, когда стал частью эллинов. Ведь еще и поныне жители Крестона и Плакии говорят на другом языке, не похожем на язык соседей» (Геродот. I, 57).

В этом исключительно емком пассаже содержатся все основные элементы, на основании которых мы можем судить сегодня о характере процессов, протекавших в V в. до н.э.: языковой сдвиг, в результате которого пеласги постепенно перешли на диалект древних греков, а, в конце концов, и сменили свою этническую идентичность, став их частью.

Однако в складывании современного дискурса «вымирания» особо значительную роль должны были сыграть три группы событий, происходивших в Старом Свете, начиная приблизительно с кон. XVII в., а именно массовое исчезновение кельтского населения на Британских о-вах, онемечивание т.н. полабских и поморских славян и ассимиляция уралоязычных этнических анклавов в Европейской России и Балтийских землях. Эти процессы разворачивались на фоне возникновения английского, шотландского, немецкого, великорусского и проч. национализмов, а затем т.н. кельтского и угро-финского возрождений, и прочно засели в соответствующих национальных идеологиях и историях, литературе романтизма, политических и правовых концепциях.

На Британских о-вах столетия доминируют англоязычные нации, но, по общему мнению, языковые предки кельтов появились там ранее германоязычных англо-саксов. Сохранившиеся от некогда многочисленной кельтской группы языки принято подразделять на две группы: гойдельскую, на языках которой говорят гэлоязычные шотландцы-горцы (Highlanders, 58,7 тыс. чел. – перепись 2003 г.) и гэлоязычные ирландцы (260 тыс. чел. – перепись 1983 г.) и бритонскую с валлийскоязычными уэльсцами (508 тыс. чел. – перепись 1991 г. [Languages of United Kingdom]) и бретоноязычным населением, проживающим на противоположном берегу Ла-Манша во Франции. Сейчас все они – лишь островки в окружении англоязычного, а в Бретани франкоязычного большинства.

Шотландцы низовий (Lowlanders), в отличие от горцев, по крайней мере, с нач. XV в. пользовались английским языком в местной форме (Scots). Но в двух соседних низовых районах на западе Шотландии – Галлоуэй и Каррик – местный гэльский все же сохранялся до нового времени. Если верить одной семейной истории, пересказанной неким Д. Мюррэм-Лайоном (1876) со слов его двоюродной бабки Джин Мак-Мюррэй (ум. 1836), то последней носительницей этого *низового диалекта шотландского гэльского* могла быть их дальняя родственница Маргарет Мак-Мюррэй (ум. 1760), которая родилась на маленькой ферме Култезрон (Cultezron) ок. Мэйбоула в графстве Эйршир. Фермой, само название которой очевидно носит следы кельтского происхождения (< гэльск. Cul Tigh Eobhain ‘сзади дома Эвана’), владело несколько поколений Мак-Мюррэев. Позже, англицизовавшись, они сменили свою фамилию на Мюррэй (Lorimer, 1949–1951, vol. 6, pp. 113–136; vol. 7, pp. 26–46).

Население крайнего юго-запада о-ва Британия – Корнуолла – некогда говорило на одном из бретонских кельтских языков – *корнском* (Cornish). «*Природа своим плечом задвинула Корнуолл в отдаленнейшую часть королевства и так осадила его океаном, что [превратила] полуостров в остров*», – писал в 1602 г. местный корнский антиквар Ричард Кэрю (Stoyle, 1996, p. 300). К 1200 г. Корнуолл все еще оставался в основном кельтским, здесь

не было никаких крупных городов, а модель расселения характеризовалась сильной дисперсностью, и подавляющее большинство населения по-прежнему говорило по-корнски. В 1497 г. жители графства дважды восставали против Генриха VII и в 1549 г. против религиозной политики Эдуарда VI, отказавшись принять английский перевод молитвенника («Книги общих молитв»). Это последнее восстание было жестоко подавлено – вырезали ок. 4 тыс. чел. В Английскую гражданскую войну корнуольцы выступили на стороне роялистов против Парламента. Революционеры относились к ним резко отрицательно, как к природным ворам и попрошайкам: в одном из памфлетов 1644 г. утверждалось, что у королевских командиров *«имеются французы, чтобы насилловать, валлийцы, чтобы воровать, [и] корнцы, чтобы грабить»* (Ibid., pp. 299, 303, 311).

С этого времени жители Корнуолла массово англицизировались, но в сельских районах на самой западной оконечности полуострова, благодаря устойчивым связям с родственным по языку населением французской Бретани, корнский какое-то время еще удерживался среди местных. В качестве последних носителей этого языка называют несколько кандидатур. Историк Корнуолла д-ру Уильяму Борлэйсу удалось разыскать в дер. Гвитиан могилу Честон Маршан, умершей якобы в возрасте 164 лет (в 1676 г.), которая, возможно, была последней, кто пользовался одним только корнским (моноглотткой) (Jenner, 1904, 16). В отличие от нее торговка рыбой Дороти (Долли) Пентрит (1692–1777) знала также еще и английский. Она жила на территории прихода св. Павла, ок. Маусхоула, где и была похоронена. Долли Пентрит стала предметом легенд за ненависть ко всему английскому. Согласно одной из них, ее предсмертными словами были: *«Me ne vidn cewsel Sawznek!»* (‘Не буду говорить по-английски!’). Англоговорящие соседи же, напуганные ее проклятиями, видели в ней ведьму. В 1860 г. племянник Наполеона Луи Люсьен Бонапарт поместил памятный знак в ее честь на церковной ограде (Spriggs, 2004).

Однако собиратель фольклора Д. Баррингтон вроде бы располагал информацией, что и в 1779 г. на корнском мог изъясняться

40-летний Джон Нанкарроу из дер. Маркет-Джю по соседству; а другой краевед, преподобный Р. Полуил, настаивал, что автор известной эпитафии по Долли Пентрит, инженер из Труро с фамилией Томпсон, говорил по-корнски еще лучше нее. Другой альтернативной кандидатурой по отношению к монструозной даме выступал рыбак Уильям Боденор (ум. 1794), также из Маусхоула, выучивший этот язык ребенком и знавший его, судя по всему, достаточно, чтобы написать на нем письмо (Jenner, 1904, p. 21). Следующие в этом ряду – Уильям Мэттьюз (ум. 1800) из Ньюлина ок. Пензанса (Filppula, Klemola, Paulasto, 2008, p. 163), Энн Уолис (ум. 1841), Энн Берриман (1766–1854) из Босуэднэка, Джейн Бэрникоут (ум. 1857). Правда, скорее всего, они являлись, в соответствии с современной терминологией, полуносителями корнского.

Но «последним из последних» мог быть Джон Дэйви (1812–1891), у которого записан небольшой оригинальный фольклорный текст на корнском (Matthews, 1892, pp. 404–405). Считается, что он пытался поддерживать корнский живым разговорным, разговаривая со своей кошкой. Но есть определенные сомнения, хорошо ли он владел этим языком, и, возможно, последним настоящим носителем его являлся не сам Дж. Дэйви, а его отец. Наконец, появились сообщения, что по-корнски, по крайней мере, в детстве, могли разговаривать еще и Джэкоб Кэр из Сент-Айвза (ум. 1892), Элизабет Винго из Мэдрона (ум. 1903), Джон Мэнн (род. 1834), Элисон Треганниг (ум. 1906). И даже в 1940-е гг. рыбаки в Зап. Пенвите использовали корнскую считалку при определении размера улова.

В настоящее же время, после долгой паузы, предпринимаются попытки возродить (нео)корнский язык. Основываясь на небогатой средневековой корнской литературе, бретонском и валлийском материале, Генри Дженнер и Роберт Нэнс попробовали искусственно «вернуть» в школы и масс-медиа т. н. UC/Unified Cornish ('единый корнский'). Существуют и другие попытки реконструкции: КК/Kernewek Kemmyn ('общий корнский'), UCR/Unified Cornish Revised ('пересмотренный единый корнский') и т.д. Вокруг легитимности разных вариантов (нео)корнского идут

ожесточенные споры. Тем не менее, в разной степени языком в этих вариантах уже владеют до 3,5 тыс. чел., и ок. 300 чел. свободно на нем говорят. По решению Британского правительства разработана система мер, защищающих язык Корнуолла в рамках европейской Хартии о региональных языках и языках меньшинств (Filppula, Klemola, Paulasto, 2008, pp. 162–164).

Бессмысленно рассматривать языковой сдвиг, а, в конце концов, и ревитализацию кельтской речи в Корнуолле, как чисто лингвистическое явление в отрыве от протекающих там этнонациональных процессов. В этом нас убеждают рассуждения Г. Дженнера, стоявшего у истоков (нео)корнского:

«Почему корнцы должны учить корнский? <...> Вопрос справедлив, а ответ прост. Потому что они – корнцы (Cornishmen). <...> [К]аждый корнец достаточно хорошо знает, <...> что он – кельт и куда менее «англо-сакс», как и любой гэл, кимр, мэнец или бретонец. Язык менее всего является окончательной проверкой на расу (a final test of race). Большинство корнцев обычно говорят по-английски, и лишь немногие, очень немногие, способны провести пять минут в разговоре на старой кельтской речи. <...> Но нечто подобное можно сказать и о весьма значительной части валлийцев, ирландцев, шотландских горцев, мэнцев и бретонцев. <...> Причина, почему корнец должен учить корнский, внешнее и слышимое проявление своей отдельной национальности (separate nationality), сентиментальна и ни в коей мере не практична, но если все сентиментальное изгнать из мира, то он не был бы таким приятным местом, каким является. Выйдет ли что-нибудь из корнской части кельтского движения, еще предстоит увидеть <...>» (Jenner, 1904, pp. xi–xii).

Дольше корнского продержался еще один кельтский язык гойдельской группы – мэнский (Manx). Население о-ва Мэн всегда отличалось от англоязычного большинства своей экономикой, основанной на рыболовстве. Но в 1880–1900-х гг. мэнкс перестал быть языком островной общины, уступив место английскому. Об

этом, как о национальной трагедии писал британский писатель, мэнец Холл Кэйн, современник тех событий:

«Наш мэнский язык быстро вымирает. <...> На мэнском мало говорят. Его все еще можно услышать в таких удаленных деревнях, как Крегнеш, Баллауг, Кирк Майкл и Кирк Андреас. <...> Будут считать, что мэнский народ сам несет ответственность за смерть мэнского языка. Это верно отчасти. Мэнскую речь сочли за препятствие в общении с англичанами. Затем началась огромная английская иммиграция, и остров Мэн стал курортом. То было судным днем для мэнского. В следующие двадцать пять лет мэнский язык вымрет, как и мэнская сельдь. <...> Когда он умрет, уйдет больше половины всего, что делает нас мэнцами (Manxmen). Наша индивидуальность потеряется, разрушен будет великий барьер, что отделяет нас от других народов» (Cain, 1891, pp. 125–128).

Слова эти, звучащие в унисон вышеприведенной дженнеровской цитате, демонстрируют примечательные вещи. Оба автора, будучи идеологами, не настаивают, однако, чтобы каждой «отдельной национальности» соответствовал свой особенный язык, что было бы типично для XIX в. – нач. XX в., но признают, что в их собственных конкретных случаях фактор языковой общности «менее всего» определяющий. В этой ситуации концептуально они вынуждены были противопоставлять государству-нации Англии не свои «малые нации» (little nation – Х. Кэйн), т.е. Cornishmen, Manxmen, а некое кельтское единство, лингвистическое или даже расу, в этом смысле разводя части антитезы по разным эпохам – донациональной и национальной.

Последним носителем мэнского языка обычно называют Эдварда (Неда) Маддрелла (ок. 1877–1974). Он воспитывался именно в «удаленной деревне Крегниш», где говорить по-мэнски еще не считалось чем-то зазорным, не как в городах. Исключительную роль в вытеснении этого языка на социальный низ сыграла Англиканская церковь, как раз в 1770-е гг. сменившая свою политику с поддержки мэнского на его запрет (Broderick, 1999, pp.

16–22). Видимо, в детстве Нед все же обладал определенными знаниями английского, но потом научился мэнскому у двоюродной бабки. Другие в то время также продолжали пользоваться этим языком, но как вторым, разучив в более позднем возрасте. В 13 лет Нед ушел в море. Чтобы поддерживать язык живым разговорным, он общался с моряками, знавшими ирландский гэльский. В 1950-е гг. на острове оставалось лишь два носителя местного языка. После смерти Сэйдж Кинвиг (ок. 1870–1962) Маддрелл оказался в одиночестве (Miller, 1993). Он помогал исследователям в деле сохранения мэнкс, попробовав в 1948 г. записать свою речь латиницей, правда, непрофессионально. Маддрелл с большим удовольствием обучал Лесли Квирка (1914–2004) и Брайана Стауэлла (род. 1936), которые задумали возродить мэнский. В случае с Квирком повторяется история, как с последними «аутентичными» корнуолльцами. Возможно, Квирк и стал последним носителем мэнского. Споры идут о том, кто из них больше подходит на роль последнего моноглotta. Л. Квирк тоже научился языку еще в детстве у своей бабки, но вроде бы в возрасте более позднем, чем Маддрелл. Возможно, где-то в эмиграции кто-то из мэнцев продолжал говорить по-мэнски и позже. По непроверенным данным один такой человек умер в Чикаго в 1980-е. На самом же острове после некоторого перерыва в поколениях началось искусственное возрождение местного языка. В 1930–1950-е гг. образовалась группа энтузиастов, переросшая в общество «Yn Cheshaght Ghailckagh». Движение за возрождение принесло результаты. По переписи 1991 г. на острове было уже 643 говорящих, 343 пишущих, 479 читающих на этом языке, в основном в столице Дуглас, а также в городах Ончан, Браддан и др. С 1992 г. язык начали преподавать и в школах.

Судьба целого ряда языковых и этнических анклавов на континенте напоминала описанные выше кельтские случаи. В княжестве Ганновер (совр. немецкая земля Нижняя Саксония), т.е. значительно западнее основного славянского ареала, проживала группа со своим т.н. полабским (западнославянским) языком, которую немцы называли *вендами*. К сер. XVIII в. этот анклав,

естественными географическими границами которого служили топи и густые леса, горный массив Дравен на востоке и р. Эльба (Лаба) на западе, был поглощен окружающим населением, говорящим по-нижненемецки. Оно воспринимало вендов как язычников, и, похоже, что исчезновению последних предшествовал период истребительных войн и ассимиляции части их предков в далеком прошлом. В соседнем Мекленбурге сохранился документ XIII в., которым предписывалось, что поступающие в цех работники должны были доказывать свое неславянское происхождение. В полабском одно и то же слово обозначало 'благородного человека' и 'немца', а термин *вендский* – 'простолюдина' (Иванова-Бучатская, 2006, с. 16, 42).

Перед тем, как этот язык окончательно вымер, записью фольклорного материала на нем занялись различные собиратели, в числе которых был и один из полабских славян, правда, оставивший после себя всего лишь 13 страниц текста. Трактирщик и фермер «венд» Иоганн Парум Шульце (ум. 1740) из Люхова, восточнее Ганновера вел дневник. В 1725 г. он написал:

«Мне сорок семь лет. Когда я и трое других из нашей деревни уйдем, никто не будет знать наверняка, как по-вендски называют собаку».

Последняя носительница этого языка Эмеренц Шульце скончалась в 1756 г. Но и ок. 1780 г. в деревнях Люхова оставалось еще 10 стариков, скрывавших свое славянское происхождение, но разговаривавших между собой на смеси из немецких и славянских слов, а последний, кто владел полабским хотя бы частично, умер в 1825 г. (Иванова-Бучатская, 2006, с. 43).

На соседнем участке балтийского побережья, вследствие Ostsiedlung тоже онемеченном – в Померании (Поморье), между оз. Гардно и Лебским оз. – среди кашубов сохранялась маленькая группа, предки которой еще в XVI–XVII вв. приняли лютеранство (кашубы вместе с поляками – католики). В XIX в. Александр Федорович Гильфердинг, увлеченный идеей славянского единства и занятый сохранением не только полабских славян, но и этих, определил их, как словинцев (*«несколько жалких остатков*

народа, бывшего сильным в средние века, поселян и рыбаков, которые именуют себя безразлично Словинцами, Кашубами и Поляками») (Гильфердинг, 1868–1874, т. 1, с. 58–59). К нач. XX в. прежде двуязычные *словинцы*, говорившие дома на своем померанском (западнославянском) языке, резко отличавшемся от польского и менее от кашубского, видимо, почти перешли уже на нижненемецкий, но их умирающий язык успел описать Фридрих Лоренц (Lorentz, 1903, 1905, 1908–1912).

После перехода в 1945 г. Поморья под контроль Польши и последующей массовой польской колонизации, словинцев лишили земельных прав, и они вынуждены были искать прибежища в Зап. Германии. В 1947 г. в 5 поморских деревнях их насчитывалось всего 445 чел., и в последующее десятилетие несколько стариков фрагментарно еще помнили словинский язык (Comrie, 2002, p. 762). Но эмиграция продолжалась, и к 1976 г. на территории Словинского нац. парка оставались всего одна словинская семья Кётш в деревне Клуки (Клукен), да 6 словинок из семей Шиманке, Чирр и Пиотер, у которых были польские мужья, в окрестных деревнях (Ткаcz, 1998, ss. 159–172). В 1980-е гг. практически все словинцы покинули Польшу, и, по всей видимости, полностью ассимилировались с немцами.

Случай словинцев, как и вендов, показывает, что в какой-то момент внутреннюю готовность к печальному итогу начинают демонстрировать не только соседи «вымирающего» сообщества, по крайней мере, те из них, кто вовлечен в дело его сохранения, но и сами его представители. Тот же Гильфердинг описывал это так:

«Эти бедняки предвидят сами, что их язык и обычаи должны скоро исчезнуть, и сознаются уже, что об них не будет помину лет через двадцать. Они утешают себя пророчествами. Я слышал, как один старик предвещал близкую кончину мира, которая наступит, по его словам, как скоро Словинский или Польский язык исчезнет с лица земли; и он находил веру в своих слушателях» (Гильфердинг, 1868–1874, с. 58–59).

Интересно, что эта эсхатология лишь отчасти нашла подтверждение в фактическом развитии событий. Предсказанная

Гильфердингом дата – кон. 1870-х гг. (он посетил словинцев в 1855–1857 гг.) – примерно на век приближает «вымирание» словинцев и на четверть века исчезновение их языка. Главную угрозу славянофил видел в их германизации, но в XX в. толчком к полному исчезновению словинцев стала дискриминация со стороны поляков. В других случаях мрачные прогнозы вообще не сбылись. Например, все тот же автор сетовал по поводу судьбы мазуров:

«Подчиненная, подобно Славянам протестантам в Померании, влиянию духовенства и образованного сословия, состоящих из Немцев, эта ветвь Польского племени исчезнет, вероятно, в течение нынешнего столетия» (там же).

Но ок. 5 тыс. мазуров, прошедших все те же испытания, что и словинцы (объявление их Volksdeutsche нацистами, эмиграция значительной массы в Зап. Германию и проч.), до сих пор проживают на своих землях в бывш. Вост. Пруссии.

Уралоязычные ливы, которые сами себя называют *kalamied* ('рыбаки') и *rāndalist* ('береговые жители'), несколько столетий назад населяли Курляндский п-ов (Курземе) и районы между р. Зап. Двина и Юж. Эстонией. Как и в других описанных случаях, их отделяла широкая полоса лесов и болот от большинства, занимавшего внутренние районы (латышей) (Видеман, 1870, с. 4).

Часто ливы воспринимаются соседями и воспринимают себя сами, в качестве автохтонов – ниоткуда не пришедшего населения. Другая черта этих представлений – убежденность в реликтовом характере, особой древности их культуры:

«...[О]ткрываешь любой справочник или учебник и видишь поразительную несправедливость. Даже под фотографией настенных росписей из Салцских пещер подпись: «Письмена древних латышей». Но ведь здесь жили только ливы, да и сами пещеры до сих пор носят название «Ливские». Или после раскопок на месте Риги восстановили одежду жителей поселка. Говорят: «Это костюм древних латышей». Но ведь он же ливский! Как свидетельствуют археологи и антропологи, Рига чисто ливское место! И так во всем» (Незнакомая родная речь, 1998).

О начавшемся у ливов языковом сдвиге свидетельствовали уже авторы XVII в. Так Гиерн (1670–1675) писал, что они, по крайней мере, *«на салисском берегу и на полоске к Лемзалю, вокруг Перниеля, Наббена и Вайнзеля, все более и более (почти ежедневно) начинают говорить по-латышски, потому что... богослужение свое должны отправлять на латышском языке. Латыши боятся их волшебства»*. Обвинения в волшебстве сохранялись еще и в XIX в.: отмечалось, что ливы просто так бросали свои лодки, поскольку латыши из-за суеверного страха не решались их красть (Видеман, 1870, с. 69, 110). По данным, собранным акад. Ф.И. Видеманом, ливский начал исчезать со *«страшной быстротой»* где-то после 1828 г. (там же, с. 76–77): финский этнограф Андреас Шёгрэн (1846) смог отыскать на восточном берегу Рижского залива всего 22 носителей восточно-ливского диалекта. С конца XIX в. ливы удержались лишь в 12 наиболее удаленных деревнях на севере Курляндского п-ова (Мазирбе, Мелисилс, Колка, Вайде и др.).

В 1835–1860 гг. численность этой группы колебалась в пределах 2–3 тыс. чел. До 2 тыс. их бежало из Курляндии в годы I мировой войны, спасаясь от немецкой оккупации. Вследствие этого, а также усилившейся леттизации (идея плебисцита 1923 г. о создании Ливского церковного прихода с правами национального округа не нашла поддержки у латышского правительства), размер популяции продолжал резко сокращаться: в 1925 г. – 1238 чел., в 1935 г. – 844 чел. В июне 1941 г. ливов коснулась массовая депортация, проведенная советской оккупационной властью, и к 1943 г. в Латвии их оставалось лишь 455 чел. На ливской части побережья Балтийского моря и Рижского залива был введен режим пограничной зоны. В поселках ливов и в непосредственной близости разместили военные части. В результате коллективизации рыбная ловля сконцентрировалась в больших центрах (Вентспилс, Колка и Роя), из маленьких поселков выход в море был вообще запрещен.

По данным Всесоюзной переписи 1959 г. численность ливов снизилась опять вдвое (200 чел.), перепись 1970 г. их вообще не учитывала, а по переписи 1979 г. их оставалось всего

107 человек. Последняя советская перепись (1989) дала такие цифры: всего в СССР – 226 ливов, из них в самой Латвии только 135 чел. В 1991 г. правительство Латвии признало ливский одним из двух автохтонных языков Латвии, наряду с латышским. Возрождением ливского занимается Лив(он)ский культурный центр (Līvõ Kultūr Sidām). Язык преподается в университетах Латвии, Эстонии и Финляндии. Но меры эти пока не привели к существенному сдвигу. Своим родным языком 92 % ливов назвали латышский, 8 % – русский.

Единственной женщиной с родным ливским в те годы оставалась Паулина Клявиня (1918–2001), но она с 1949 г. проживала вне родины. 28 февраля 2009 г. умер последний из таких мужчин-ливов – Виктор Бертольд (1921–2009). Он родился в Риге, во II мировую войну эмигрировал в Аргентину и учился там на врача в Университете Буэнос-Айреса; затем работал в США, переехал оттуда в Швецию, а в последнее время поселился в Лугано (Швейцария), поддерживая тесные связи с ливскими организациями Латвии. Последней настоящей носительницей ливского являлась, по-видимому, Гризелда Кристиня, проживавшая в Канаде (1910–2013) (Ernštreits, 2012; Grizelda ir Devusies, 2013; Paulīne Kļaviņa, 2006; Viktors Bertholds, 2009).

Водь, за которыми также закрепился ярлык колдунов и неисправимых язычников, представляли собой еще один уралоязычный анклав в сев.-зап. части исторической Ингерманландии (Ленинградская обл.). По переписи 1926 г. в СССР их насчитывалось 705 чел., из которых 684 назвали своим родным языком водский. В 1930-е гг. для водского языка не было создано письменности, вместо этого обучение в школах велось на ижорском языке. Следующим испытанием стали сталинские репрессии и война. Начиная с послевоенного времени, преподавание в школах было переведено полностью на русский. К 1990 г. численность води упала до 200 чел., к 2002 г. – до 73 чел., в 2011 г. настоящих носителей водского оставалось 6–10 чел. (Heinsoo, Kuusk, 2011, p. 172).

Западный диалект до 1990-х гг. бытовал в пяти деревнях Кингисеппского района, но ныне сохранился только в двух – Краколье и

Лужицы; дер. Пески слилась с Лужицами; в дер. Межники последняя женщина-водь умерла в 1993 г.; в дер. Котлы в 1990-е жители еще понимали отдельные слова водского языка, но сейчас полностью русифицированы, последней носительницей языка там была Мария Боранова (Эрнитс, 2008, с. 219). Последней носительницей восточного диалекта и блестящим информантом-водь являлась Фёкла Васильева (ум. 1972), которой принадлежат следующие слова:

«В нашей деревне было много води. Все умерли. Теперь осталась только я одна» (Хейнсоо, 1995, с. 174; Конькова, 2009, с. 207).

Водь внесены в Единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации (2008), но попытки возродить водский язык (с 1994 г. – курсы в Санкт-Петербурге, преподавание водского в ср. школе Краколя), по-видимому, не дали ощутимых результатов.

Следующий случай – *кревины*, в которых видят потомков водских военнопленных, в сер. XV в. переселенных ливонскими рыцарями в район г. Бауски в совр. Латвии (термин *кревин(э)* – от латыш. *krievs* ‘русские’). В 1846 г. их посетил опять-таки А. Шёгрэн. Приходской староста представил ему 7 последних человек, которые еще владели кревинским – третьим диалектом водского языка: 6 женщин и Миккеля Заузаиса – *«старика высокого сложения с длинным лицом, длинным носом и высоким лбом»*. В другом месте этнограф привел весь список последних кревинов: Заппе (жена Заузаиса), Дарте Парейц, Заппе Парейц, Заппе Брикауцки, Анна Дунтаве, Ильца Кринск, Крист Дравенек и его жена Мадде, Анна Лика. Исследовав ситуацию сохранности языка и подробно описав их внешний вид, в частности особый кревинский костюм, А. Шёгрэн заключал:

«Прошлою зимою умер последний Кревинг в Витвенгофских владениях, и затем в настоящее время, кроме исчисленных выше, не существует больше Кревингов – разумеется, если под этим названием разуместь таких людей, которые, хотя бы одною только одеждою, сколько-нибудь отличались бы от остального местного населения. Иначе, людей только происходящих от Кревингов, конечно, насчитывается еще множество. Так, я сам знал в городе Бауске одного писаря,

которого мать была Кревинянка, с молодых лет переселившаяся в Бауск, но уже не понимавшая по-кревингски и давно бросившая кревингский наряд. Этот же писарь говорил мне еще про одного старика, по имени Дзеббена (Dsibben), который приходился ему дядею, жил в лесниках в Ней-Раденском имении и умел еще говорить по-кревингски. Насколько было ему известно, старик этот был еще жив, и он полагал, что его только забыли. Если принять это показание, то полное число всех существовавших еще в прошлом лете Кревингов будет одиннадцать человек: трое мужчин и восемь женщин» (Sjögren, 1849; Видеман, 1872, с. 24–25).

Эта крохотная группа полностью исчезла уже к концу XIX в. Из материалов Ф.И. Видемана ясно, что и кревины воспринимались окружающим большинством, как особенно «суеверный» народ.

Наконец, еще несколько случаев «вымирания» представляют саамы, или лопари. Эти северные финоязычные оленеводы, выделяющиеся своими антропологическими чертами (лопаноидный тип), сохранились преимущественно во внутренних районах северной Скандинавии и российского Кольского п-ова (собственно и составляющих Лапландию, или Страну саамов), в окружении куда более многочисленных шведов, норвежцев и русских, по языку индоевропейцев, но также соседями саамов являются финоязычные финны и карелы. Саамы никогда не составляли политического единства и подразделялись на территориальные общины (*сыйта*), по 70–300 чел. каждая, названия которых связаны с наименованием погостов (селений и окружающих угодий). Им соответствовали и особые языки. По переписи 2002 г. общая численность всех саамских групп в РФ составила 1991 чел. Из них *аккала*, или бабинские саамы насчитывают ок. 100 чел. Последней носительницей этого языка была Марья Сергина (ум. 2003) (Шеллер, 2010, с. 17–23).

Сходная участь в ближайшее время ожидает и самую восточную саамскую группу – *тер*, или терских саамов. В конце XIX в. имелось 6 терско-саамских деревень, население которых составляло ок. 450 чел. Их традиционной экономике, основанной на полукочевом оленеводстве, нанесла удар советизация. С 1924 г. советская власть

стала проводить коллективизацию, начались репрессии «кулаков», у саамов отобрали зимние пастбища взамен новых центральных усадеб колхозов. Крупнейшую тер-саамскую дер. Йоканьга сселили в поселок Гремиха (ныне город), в котором позже разместили военную базу. Терский (йоканьгский) язык никогда не преподавали в школе. В 2004 г. оставалось лишь 100 терских саамов, из которых только 10 чел. старшего возраста говорили на родном языке, а остальные перешли на русский. В 2010 г. число носителей этого языка сократилось до 1–2 чел. (там же, с. 22).

Во многом близкие случаи отмечены и с другой стороны, в непосредственной близости от российской границы имперского времени: Еще один восточно-саамский язык, *кеми-сами*, на котором говорили в деревнях вокруг Куусамо самой южной части финской Лапландии (тогда Российская империя) вымер более 100 лет назад. В 1829 г. кеме-саамские деревни Куолаярви и Сомпио посетил Якоб Фельман и записал краткий словарь умирающего языка. Два языка южных саамов – *пите-сами*, или *арьеплог* (на р. Пите в Швеции) и *уме(ууме)-сами* (на р. Уме, там же) – находятся на грани исчезновения сейчас, насчитывая не более 10 носителей каждый.

Итак, самые ранние интересующие нас случаи фиксируются в Старом Свете еще в XVII в., но сведения о «вымирании» тех или иных малых народов на континенте, увы, продолжают поступать вплоть до сегодняшнего времени (ср. ситуацию ливов, води, некоторых групп саамов и др.). У всех этих историй есть нечто общее: в них активнейшую роль играют ранние краеведы, как У. Борлэйс, либо национально ориентированные этнографы и фольклористы, как А. Шёгрэн и А.Ф. Гильфердинг, или литераторы-просветители, как Х. Кэйн. Их роль двояка. Во-первых, стремление как-то предотвратить столь губительный процесс, спасти для будущего уходящие элементы культуры, как им казалось, бесценные, выливалось у них каждый раз в поиски живых реликтов – последних носителей языков (*the last native speakers*) и одиночек, ведущих еще «традиционный» образ жизни. Инсайдерство этих деятелей делало подобные усилия весьма результативными, хоть и излишне настойчивыми – порой обнаруживалась целая линейка

из конкурирующих «последних», как в Корнуолле. Но все равно, именно благодаря такой подвижнической деятельности перед нами продолжают представлять «персонифицированные» образы исчезающих народов. Наблюдатели этого особого типа сообщали процессу «вымирания» необходимые детали, можно сказать, влияли на его протекание, в каком-то смысле предопределяя своими трагическими ожиданиями его результат.

Во-вторых, никто иные, как они формулировали соответствующий дискурс, предстающий в развернутом виде, например, в ответе Г. Дженнера на вопрос о том, зачем надо изучать корнский (см. выше). Еще одна черта, повторяющаяся от Корнуолла до Поморья, заключается в том, что представления о неотвратимости «вымирания» могли даже предшествовать самому этому процессу, не говоря уже про его итоги. Такие примеры, кажущиеся пророчествами, на самом деле выдают дискурсную природу происходящего: «миф о вымирании» достигает своей цели всегда вовремя, будучи вполне самодовлеющей, живущей своей жизнью системой понятий и суждений, накопившихся за весь предшествующий период и продолжающих пополняться при активном участии всех тех, кто его слагает.

И несколько слов о том, какие народы вымирают. Первое, что бросается в глаза, так это то, что все они живут на окраинах соответствующих национальных государств. Далее, границы между ними и большинством, носят скорее реальный, а не воображаемый характер. Очень часто – это либо остров, либо территория, окруженная со всех сторон естественными преградами. Во многих случаях вымирающие малые народы резко отличаются от соседей хозяйственным укладом, своим мелкомасштабным характером в смысле не только размеров этих сообществ, но и качеством, уровнем характеризующих их социально-политических отношений, которые в целом можно определить, как донациональные. В довершении многие из них представляют собой стигматизированные группы. Все эти факторы препятствуют «нормальному», т.е. постепенному и незаметному протеканию ассимиляционных процессов. Однако подлинный эффект от только что перечисленных особенностей еще требует нашего осмысления.

Таблица
Случаи «вымирания» (исчезновения) языков и этнических групп в Европе

№	Группа (язык)	Последние (представители, носители)	Примечания	Исчезли
I. БРИТАНСКИЕ О-ВА:				
1	корниш (корнский)	Джон Мэнн (Mann), 1834–ок. 1914 Элисон Треганниг, ум. в 1906 Джон Дэйви (Davey), 1812–91 Долли Пенрит (Pentreath), ум. 1777 Уильям Бодинар (Bodinar), ум. 1794 Честен Марчант (Chesten Marchant), ум. 1676	п-ов Корнуол: последний носитель яз., компетен- ция неясна; компетенция неясна; полуноситель; последняя носительница (ок. г. Маусхоул); альтернатива Д. Пенрит; посл. моноглотт (г. Гвитиан). Этн. общн. – ок. 0,5 млн. чел.	1914/ ревитал.
2	мэнкс (мэнский)	Нед Маддрелл (Maddrell), 1877–1974 Сэйдж Кинвиг (Kinvig), ок. 1870–1962 Лесли Квирк (Quirk)	о-в Мэн: последний моноглотт; предпоследняя моноглоттка; альтернатива Н. Маддреллу. Нас. о-ва – 77 тыс. чел.	1974/ ревитал.
3	галлвекский (гэльский)	Маргарет МакМюррэй (McMurray), ум. 1760	Култэзрон, граф. Эйршир (Шотл.), яз. сдвиг (на англ.); арго т.н. шотл. путешественников (Travellers), яз. сдвиг;	1760 1950-е
4	Beurla Reagaird (гэл. пид- жин)	?	г. Схо на о-ве Анст; яз. сдвиг (на англ.);	ок. 1850
5	норн (старонорвежский)	Уолтер Сазерленд (Sutherland), ум. ок. 1850	арго рыбаков;	2012
6	кромарти (скотс)	Бобби Хогг (Hogg), 1920–2012	север граф. Дублин (Ирл.), яз. сдвиг (на Hiberno- English);	XIX в.
7	фингалский (реликт. англ.)	?	2 баронии граф. Вексфорд (Ирл.); яз. сдвиг (Hiberno-En.);	сер. 1870-х
8	йола (реликт. англ. яз.)	?	о-в Олдерни (Нормандские о-ва); яз. сдвиг (на англ.);	1940-е
9	оренье (Auregnais) (ста- рофр.)	?	яз. цыган калé (Уэльс);	до 2005
10	валлийский романи (инд. яз.)	?	яз. цыган романичал (Англия).	XIX в.
11	романичал (инд. яз.)	?		

II. Финские и славянские меньшинства:

1	аккала-саами (бабинский)	Марья Сергина, ум. 2003	Кол. п-ов (Росс.): посл. нос., этн. общность – ок. 100 чел.; этн. общность (<i>тер</i>) – ок. 100 чел.; Куусамо (Фин.): этн. общность также исчезла; р. Пите (Швеция); р. Ууме (Швеция); Лен. обл. (Росс.): р-н Копорья; посл. носитель. вост. д-та.	2003
2	тер-саами	2 последних носителя (2010)	Вост. д-т: с. Межники;	1993
3	кеми-саами	?	зап. д-т: с. Котлы, яз. сдвиг (на рус.);	1990-е
4	пите-саами (арьешлог)	не более 10 носителей	зап. д.: сс. Краколье, Лужицы. Этн. общ. – 68 чел. (2010);	
5	уме-саами	не более 10 носителей	р-н г. Баускис (Лат.); этн. общность также исчезла.	1890-е
6	воть/водский	Фёкла Васильева, ум. сер. 1980-х	Вост. д-т: Видземе (Лат.);	1890-е
7	кревингги/кревинский	Миккель Саусаис и 6 женщин (1846)	Зап. д-т: Куриандский п-ов (Курземе);	2013/
8	ливвы/ливский	22 носителя (1846) Гризелда Кристинь (Grizelda Kristina), 1910–2013 Паулина Клявиня, 1917–? Виктор Бертольд (Viktors Bertholds), 1921–2009	Зап. д-т: альтернатива Г. Кристинь;	ревитал.
9	курсееники/(ново)курон-ский	Рихард Питтш, род. 1915	Зап. д-т: Этн. общность – 182 чел. (2007).	
10	словинцы/словинский	6 женщин из семей Шиманке, Чирп, Пиотер и	Куршская коса: полуносьитель. Этн. общность – 9 чел.;	
11	венды/полабский	1 полностью словинская семья Кётш (1976) ум. 1825 Эмеренц Шульце, 1668–1756 Йоганн Парум Шульце, 1677–1740	Поморье: с. Клуки (Клуken) и окр. польск. деревни; яз. сдвиг (на нем.); этн. общность также исчезла; г. Люхов, восточнее Ганновера: полуносьитель; последняя носительница; последний носитель; этн. общность также исчезла.	1756/ 1825

III. Проч. случаи:

1	баски/ронкалезский	Фидела Бернат (Fidela Bernat), 1898–1991	Страна Басков (Исп.);	1991
2	евреи Прованса/шуадит	Арман Лунель (Armand Lunel), 1892–1977	Прованс (Фр.): этн. общность также исчезла;	1977
3	далматинский	Туоне Удайна, 1823–98	о-в Велля (совр. Крк) (Хорв.); этн. общность также исчезла;	1898
4	богемский романи (инд. яз.)	?	Чехия. Этн. общность – ок. 100 чел.;	1970-е
5	крымск. готы/крымск. готский	?	п-ов Крым: этн. общность также исчезла;	1790-е
6	куманский	Иштван Варро (István Varró), ум. 1770	Карсак (Венгрия); этн. общность также исчезла.	1770

Источники и литература

Богоявленский, 2005: Богоявленский Д. Д. Вымирают ли народы Севера? // Социологические исследования. 2005. № 8. С. 55–61.

Видеман, 1870: Видеман Ф.И. Обзор прежней судьбы и нынешнего состояния ливов. СПб.: Тип. Имп. академии наук, 1870 (Записки Императорской академии наук. Т. 18. № 2. Приложение). С. 1–140.

Видеман, 1872: Видеман Ф.И. О происхождении и языке вымерших ныне курляндских кривинов. СПб.: тип. Имп. АН, 1872 (Записки Императорской академии наук. Т. 21. № 3. Приложение). С. 1–118.

Гильфердинг, 1868–1874: Гильфердинг А. Ф. Развитие народности у западных славян // Его же. Собрание сочинений в 4 т. СПб., 1868–1874.

Иванова-Бучатская, 2006: Иванова-Бучатская Ю.В. Plattes land: Символы Северной Германии (славяно-германский этнокультурный синтез в междуречье Эльбы и Одера). СПб.: Наука, 2006.

Конькова, 2009: Конькова О.И. Водь. Очерки истории и культуры. СПб.: МАЭ РАН, 2009.

Незнакомая родная речь, 1998: Незнакомая родная речь // газ. «Час» (Рига). 1998. № 79 (498).

Патканов, 1911: Патканов С. О приросте инородческого населения Сибири: статистические материалы для освещения вопроса о вымирании первобытных племен: (представлено в заседание Историко-Филологического Отделения 10 марта 1910 г.). СПб.: Изд. Императорской Академии наук, 1911.

Соколовский, 2008: Соколовский С.В. Коренные народы: от политики стратегического эссенциализма к принципу соц. справедливости // Этнографическое обозрение. 2008. № 4. С. 60–76.

Соколовский, 2009а: Соколовский С.В. Российская антропология: иллюзия благополучия // Неприкосновенный запас. 2009. № 1 (63). С. 45–64.

Соколовский, 2009б: Соколовский С.В. Антропологическое знание в правовом и политическом дискурсах. Дисс. на соиск. степени докт. ист. наук. М., 2009.

Хейнсоо, 1995: Хейнсоо Х. Водь и ее этнокультурное состояние // Прибалтийско-финские народы. История и судьба родственных народов. Ювяскюля, 1995. С. 168–182.

Шеллер, 2010: Шеллер, Элизабет. Ситуация саамских языков в России // Языки и культура кольских саами // Наука и бизнес на Мурмане. Мурманск: Мурманское областное книжное издательство, 2010. С. 15–27.

Эрнитс, 2008: Эрнитс Э. Рецензия на: Агранат Т.А. Западный диалект водского языка. Унифицированное описание диалектов уральских языков // *Linguistica Uralica*. Т. XLIV (2008). № 3. С. 218–223.

Broderick, 1999: Broderick, George. Language Death in the Isle of Man: An investigation into the decline and extinction of Manx Gaelic as a community language in the Isle of Man. Tübingen: Niemeyer, 1999 (*Linguistische Arbeiten*, Book 395).

Cain, 1891: Cain, Hall. Little Manx Nation. London: William Heinemann, 1891.

Comrie, 2002: Comrie, Bernard; Corbett, Greville G., eds. The Slavonic languages. New York, London: Routledge, 2002 (*Routledge Language Family Series*).

Ernštreits, 2012: Ernštreits, Valts. Livonian in the 21st century. In: *Études finno-ougriennes* [En ligne]. 2012. No. 44, last accessed 5.11.2015.

Filppula, Klemola, Paulasto, 2008: Filppula, Markku; Klemola, Juhani; Paulasto, Heli. English and Celtic in contact. New York, London: Routledge, 2008 (*Routledge studies in Germanic linguistics*).

Grizelda ir Devusies, 2013: Grizelda ir Devusies Debesu Ceļos (03/06/2013) [www.livones.net/?lang=en, last accessed 05/11/2015].

Heinsoo, Kuusk, 2011: Heinsoo H., Kuusk M. Neo-renaissance and revitalization of Votic – Who cares? In: *Journal of Estonian and Finno-Ugric Linguistics*. Vol. 2 (2011). № 1. Pp. 171–184.

HOA, Vol. 7: Colonial Situations: Essays on Contextualization of Ethnographic Knowledge / George W. Stocking, Jr., ed. Madison: The University of Wisconsin Press, 1991 (series: History of Anthropology. Vol. 7).

HOA, Vol. 8: Volksgeist as Method and Ethic: Essays on Boasian Ethnography and the German Anthropological Tradition / George W. Stocking, Jr., ed. Madison: The University of Wisconsin Press, 1996 (series: History of Anthropology. Vol. 8).

HOA, Vol. 9: Excluded Ancestors, Inventible Traditions: Essays toward a More Inclusive History of Anthropology / Richard Handler, ed. Madison: The University of Wisconsin Press, 2000 (series: History of Anthropology. Vol. 9).

Jenner, 1904: Jenner, Henry. Handbook of the Cornish Language Chiefly in its Latest Stages with Some Account of its History and Literature. London: David Nutt, At the Sign of the Phoenix, 1904.

Krauss, 1992: Krauss, Michael. The World's Languages in Crisis. In: *Language*. Vol. 68 (1992). No. 1. Pp. 4–10.

Languages of United Kingdom: Languages of United Kingdom; Languages of Ireland [www.ethnologue.com, last accessed 02/11/2015].

Lorentz, 1903: Lorentz, Friedrich. Slovinzische Grammatik. St. Petersburg: Académie impériale des sciences, 1903.

Lorentz, 1905: Slovinzische Texte. St. Petersburg: Académie impériale des sciences, 1905.

Lorentz, 1908–1912: Slovinzisches Wörterbuch. 2 vols. St. Petersburg, Buchdr. der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1908–1912.

Lorimer, 1949–1951: Lorimer, W.L. The Persistence of Gaelic in Galloway and Carrick. In: *Scottish Gaelic Studies*. Vol. 6 (1949). No. 2. Pp. 113–136; Vol. 7 (1951). No. 1. Pp. 26–46.

Matthews, 1892: Matthews, John Hobson. A History of the Parishes of St. Ives, Lelant, Towednack and Zennor, in the County of Cornwall. London: Elliot Stock, 1892. Pp. 404–405.

Miller, 1993: Miller, Stephen. The Death of Manx from newspaper clipping 1950s. Newsgroup: GAELIC-L (2.09.1993) / <https://listserv.heanet.ie/cgi-bin/wa?A2=ind9309&L=GAELIC-L&T=0&F=&S=&P=943>, last accessed 03/11/2015.

Pauline Kļaviņa, 2006: Pauline Kļaviņa (07/06/2006) [www.livones.net/?lang=en, last accessed 05/11/2015].

Sjögren, 1849: Sjögren, A.J. Bericht über eine im Auftrage der russischen geographischen Gesellschaft während der Sommermonate der Jahres 1846 nach den Gouvernements Livland und Kurland unternommenen Reise zur genauen Untersuchung der Liwen und Krewingen. In: Denkschriften der russischen geographischen Gesellschaft zu St. Petersburg. Bd. 1. St. 16. Weimar: Landes-Industrie-Comptoir, 1849.

Spriggs, 2004: Spriggs, Matthew. ‘Pentreath, Dorothy (bap. 1692, d. 1777)’ / Oxford Dictionary of National Biography, Oxford University Press, 2004 [<http://www.oxforddnb.com/view/article/14692>, last accessed 02/11/2015].

Stocking, 1992: Stocking, George W., Jr. The Ethnographer’s Magic and Other Essays in the History of Anthropology. Madison, Wisc.; London, U. K.: The University of Wisconsin Press, 1992. Pp. 92–113, 178–211.

Stocking, 2000: Stocking, George W., Jr. “Do Good Young Man”: Sol Tax and the World Mission of Liberal Democratic Anthropology. In: Excluded Ancestors, Inventible Traditions: Essays toward a More Inclusive History of Anthropology / Richard Handler, ed. Madison: The University of Wisconsin Press, 2000 (series: History of Anthropology. Vol. 9). Pp. 171–264.

Stoyle, 1996: Stoyle, M.J. ‘Pagans or Paragons?’: Images of the Cornish during the English Civil War. In: The English Historical Review. Vol. 111 (1996). No. 441. Pp. 299–323.

Tkacz, 1998: Tkacz, Violetta. Kluki (Klucken) als Heimat. In: Transodra. No. 18 (Oktober 1998). Ss. 159–172.

Viktors Bertholds, 2009: Viktors Bertholds (25/02/2009) [www.livones.net/?lang=en, last accessed 05/11/2015].

ОБЗОР ПУБЛИКАЦИЙ ПО МЕСХЕТИНСКОЙ ПРОБЛЕМЕ

А.Г. Осипов

Хаханов А. Месхи. (Этнографический очерк) // Этнографическое обозрение. 1891. № 3. С. 1-39.

Александр Соломонович Хаханов (Хаханашвили) (1864-1912) – выдающийся грузинский ориенталист, историк, филолог и общественный деятель. Окончил историко-филологический факультет Московского университета (1888), долгое время преподавал в Московском университете и Лазаревском институте восточных языков. Он автор полного курса истории грузинской литературы («Очерки по истории грузинской словесности», вып. 1-4, 1895-1907; «История грузинской словесности», т. 1-2, 1904-1917), «Истории Грузии» (Париж, 1910). А.С. Хаханов опубликовал древнейшие грузинские рукописи и перевёл их на русский язык, а также выпустил десятки статей по грузинской истории и филологии.

Исследованиями месхетинцев А.С. Хаханов специально не занимался, хотя тема была ему близка, в первую очередь как автору труда по исторической демографии грузин («Древнейшие пределы расселения грузин по Малой Азии» Москва, 1890 и 1892). Описываемая статья – не самый значимый эпизод его научной биографии; она выглядит скорее как обобщение впечатлений молодого исследователя от поездки в Ахалцихский край. Но эта публикация – очень важная веха для писаний и дискуссий о месхетинцах: она до настоящего времени служит весомым аргументом

для тех, кто отстаивает версию их исключительно грузинского происхождения. Кроме того, эта статья отчасти отражает то отношение к месхетинцам-мусульманам, которое во второй половине XIX века сформировалось среди просвещенной части грузинского общества, постепенно осваивавшей национализм пока еще культурно-просветительского толка.

Подзаголовок статьи отражает ее содержание: это действительно в меру подробный очерк, предлагающий основные сведения об истории края, составе населения, особенностях хозяйства и быта, фольклоре, религии и пр. В частности, кратко описано, как и в каких источниках, начиная с античности, упоминаются Месхети и месхи (С. 1-2); излагается история османского владычества и распространения ислама (С. 3-4); приводятся основные сведения о «национальном» и религиозном составе населения (С. 4-5). Примечательно, что А.С. Хаханов – едва ли ни единственный автор, упомянувший среди разных групп, населявших Месхети, туркмен (которые составляли около 1,1 % жителей) отдельно от терекеминцев (С. 5). Очень подробно рассказано о народных поверьях, восходящих к язычеству (С. 6-21); приводятся сведения о семейных отношениях (С.21), о порядке наследования имущества (С. 21-22), о землевладении и землепользовании (С. 22-24), особенностях сельского хозяйства и ремесла (С. 24-27). Наконец, автор обстоятельно рассказывает о фольклоре и народной поэзии (С. 30-39).

Но эта статья, будучи, безусловно, важным и ценным материалом, способна вогнать в ступор любого, хоть немного знакомого с месхетинскими турками - настолько описание А.С. Хаханова не сочетается с представлениями, которые можно получить при современных полевых исследованиях. «Месхов» мусульманского вероисповедания автор, безусловно, относит к грузинам. Основной рефрен статьи, - это то, что между разными конфессиональными группами грузин (то есть мусульманами, православными и католиками) нет никаких существенных различий. В частности, все говорят по-грузински, правда, мусульмане знают также и турецкий, который выступает «языком религии» (С. 6). Сходство

представителей разных вероисповеданий утверждается и прямо, и контекстуально. Например, автор за единичными исключениями подчеркнуто не проводит различий между конфессиональными группами при изложении сведений о быте, хозяйстве, семейных отношениях, фольклоре и поверьях. При этом он, в частности, замечает, что лучшие образцы народных песен были записаны в мусульманских селах (С. 5).

А.С. Хаханов, правда, делает ряд оговорок, но вскользь, достаточно глухо и таким образом, что сам себе противоречит. В одном месте он утверждает, что «...под этими внешними изменениями быта населения скрывается глубокий слой прежних национальных нравов, обычаев и верований, совершенно сходных с таковыми же особенностями грузин, карталинцев и кахетинцев» (С. 6). В другом звучит фактически противоположная оценка: «Ислам с конца XVII в. привившийся здесь, наложил свою резкую печать на население, обрекши его на умственную ограниченность и на застой в развитии гражданственности. Коренное население Месхети утрачивает постепенно свой национальный облик, сливаясь и ассимилируясь с магометанским элементом» (С. 28).

Публицистичность изложения может дать повод для подозрений в авторской тенденциозности. Разумеется, ставить под сомнение наблюдательность и научную добросовестность А.С. Хаханова нет никаких оснований. Что могло предопределить складывание у него именно таких представлений о грузинском облике местных мусульман? Из статьи почти невозможно понять, как и при каких обстоятельствах проводилось исследование. Во-первых, нет четкого указания на то, где именно собирался полевой материал. А.С.Хаханов перечисляет села, мусульманское население которых, по его мнению, было ошибочно отнесено не к грузинам, а к «татарам» (С. 29). В этом списке села, где либо мусульмане жили смешанно с православными грузинами (Ацкури, Хертвиси, Аспиндза), либо, как известно по другим источникам, мусульмане использовали в качестве домашнего грузинский язык (Элиацминда, Татаниси, Кикинети, Цниси, Вархани и др.). Если допустить, что исследования проводились именно в этих местах, то это может

отчасти объяснить впечатление о сходстве разных конфессиональных групп и о всеобщем распространении грузинского языка. Во-вторых, можно только предполагать, каковы были контексты общения с местным населением и как стороны выстраивали это взаимодействие. В-третьих, различия между группами носят субъективный и условный характер, будучи зависимыми от восприятия наблюдателя. Многие черты хозяйства, семейных отношений и фольклора характерны для региона в целом, а не для отдельных этнических групп, а локальные вариации могут интерпретироваться по-разному. Современные полевые исследования среди месхетинских турок показывают, что единые стандарты фольклора, семейно-родственных отношений, обрядности отсутствуют, а, напротив, наблюдаются разнообразие, изменчивость и пластичность.

Таким образом, у А.С. Хаханова могли быть весомые основания воспринимать «месхов» так, как он это изложил в своей статье. Отсюда два вывода: полезным может быть изучение биографии конкретных ученых и обстоятельств исследований, которые те проводили в Ахалцихском регионе; месхетинцев в прошлом и настоящем следует воспринимать как весьма сложное, неоднородное в культурном отношении и изменчивое сообщество.

Фазлиоглу Ф. Особенности речи турецкого населения в Казахстане // Известия АН Казахской ССР. Сер. Общественная. 1972. № 5. С. 79-82.

Фазлиоглу Ф. (Алиев) Лексика речи турецкого населения Казахстана. Авт. дисс. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1973.

Алиев Ф.Ф. Очерки по лексике языка турок Казахстана. Алма-Ата: Гылым, 1978.

Фадли Фазлиоглу (Алиев) – лингвист, работавший в Институте языкознания Академии Наук Казахстана. В 1970–1973 гг. он собирал языковой и фольклорный материал в разных районах расселения турок Казахстана. Монография 1978 г. была написана на основе кандидатской диссертации 1973 г., а статья об особенностях речи турок – одна из нескольких публикаций в научной периодике, отразивших результаты диссертационного исследования.

Диссертация и соответственно монография представляют собой добротные и достаточно подробные описательные работы. Приводятся общие сведения о турках Казахстана и СССР в целом – численности, расселении, социальном составе и языковой ситуации. Кстати, работы Ф.Алиева были едва ли не первыми в послевоенный период публикациями, в которых прямо назывались турки с Кавказа (а также терекеме) и в которых об этой группе приводились некоторые общие сведения. Следует заметить, что появление в открытой печати таких текстов опровергает представление о тотальном запрете в советское время на любую информацию о репрессированных народах. В монографии нет, разумеется, буквального упоминания о депортации, но достаточно ясно излагается, где именно, в каких районах Грузии и в каком окружении турки жили. Мало-мальски информированному и вдумчивому читателю не составляло большого труда сообразить, что они оказались в Средней Азии не по своей воле.

Ф. Алиев в общем соглашается со своим предшественником С. Джикия, что турки с Кавказа говорят на отдельном диалекте турецкого языка. Статья 1972 г. в основном посвящена особенностям его грамматики и фонетики. Автор показывает, что по морфологическим и фонетическим особенностям изучаемый диалект аналогичен другим восточно-анатолийским диалектам турецкого. В нем, в частности, 39 фонем (в современном литературном турецком – 29), из них 29 согласных и 10 гласных звуков. Кроме консонантов, имеющих в литературном языке, встречаются 8 абруптивных (смычно-гортанных) звуков, характерных для картвельских языков, и заднеязычно-носовой вариант фонемы «н», утраченный в литературном турецком языке, но сохранившийся в более архаичных диалектах. В «Очерках...» речь идет в основном об особенностях лексики, но некоторые общие сведения о фонетике и грамматике приводятся тоже. В монографии автор подробно рассказывает о лексике по сферам употребления (бытовая лексика, антропонимия, терминология родства и др.), с точки зрения происхождения (слова тюркского происхождения и заимствования) и с точки зрения морфологического

и фонетического освоений заимствований. Кроме того, в работе присутствуют элементы социолингвистического исследования, поскольку показываются особенности освоения и употребления лексики в разных ситуациях социального взаимодействия.

Поскольку в «Очерках» подробно описывается и даже перечисляется терминология, имеющая отношение к быту, хозяйству, семейно-родственным отношениям, книга весьма интересна и полезна не только и не столько для лингвистов, сколько для этнографов и историков, занимающихся месхетинцами и связанными с ними группами. Работы Ф.Алиева в большей степени описательны, а не аналитичны. К примеру, он приводит результаты подсчетов доли слов тюркского и иноязычного происхождения в языке турок Казахстана. Получается, что лексика тюркского происхождения составляет 70-75% словарного состава, арабизмы 7,5 - 8% лексического состава, иранизмы - 2,5 – 3; Картвельский пласт (вместе с армянскими по происхождению словами) составляет около 1,5 – 2% (Очерки, С.57-70). При этом автор не рассматривает вопросы генезиса данного диалекта и его взаимосвязи с другими в первую очередь тюркскими языками. Наличие нетюркской, в том числе картвельской лексики он объясняет исключительно заимствованиями, а фонем, не характерных для турецкого языка (в первую очередь смычно-гортанных звуков) – внешним влиянием контактирующих языков. Так что, желающему, например, рассмотреть возникшую в Турции «кипчакскую» версию происхождения месхетинцев (то есть предположение, что их предками были в основном половцы, переселявшиеся в Грузию на рубеже I и II тысячелетий н.э.), работы Ф.Алиева вряд ли будут полезны. Это обстоятельство не умаляет их значения, но напоминает о необходимости новых исследования языка месхетинцев.

Бараташвили, Латифшах; Бараташвили, Клара. Мы – месхи // Литературная Грузия. 1988. № 8. С. 85-132; № 9. С. 98-146; № 10. С. 91-115; № 11. С. 150-181.

Латифшах (Латипша в грузинской огласовке) Бараташвили (1907-1984) в 1950-60-х годах был одним из лидеров движения месхетинцев за возвращение на родину. Его дочь Клара, инженер-строитель, преподаватель и журналист, получившая образование и долгие годы жившая в России, после смерти отца на основе его дневников и других записей составила данную книгу. Книга не проста по композиции – выдержки из дневников Латифшаха Бараташвили, в основном приводимые в хронологической последовательности, чередуются с его воспоминаниями детства и юности, а также заметками на другие темы, и все это соединяется размышлениями и комментариями Клары Бараташвили. Книга была выпущена в 1988 г. в журнальном варианте, причем вопреки сильному сопротивлению влиятельных кругов в Грузии, и с тех пор не переиздавалась.

Текст очень публицистичен, а его пафос в основном заключается в том, чтобы убедить читателя, что месхетинцы-мусульмане являются грузинами по происхождению и что у них есть будущее только в том случае, если они переселятся в Грузию и станут грузинами по языку и культуре. Книгу едва ли следует рассматривать как сборник сведений о культуре и быте месхетинцев до депортации 1944 г. – в этом отношении она мало информативна. Но здесь следует подчеркнуть, что эта публикация содержала едва ли ни первое в бывшем СССР и достаточно подробное описание того, как проходило выселение в 1944 г., причем это описание было сделано непосредственным участником событий. Очень интересны сообщения Л. Бараташвили о начальном периоде истории движения за возвращения в Грузию, но ценность этого источника не очевидна. С рукописью Л. Бараташвили связана та же проблема, что и с другими рассказами об этом движении – все версии не очень совместимы одна с другой по хронологии, действующим лицам и интерпретациям смысла происходящего. В общем, вся обычная критика источников применительно к мемуарной литературе более чем уместна в данном случае. Кроме того, остается вопрос о том, по каким критериям К. Бараташвили проводила отбор материала, каким образом его обрабатывала, и что из записей ее отца в книгу не вошло.

Книга интересна в двух отношениях. Во-первых, это захватывающая - драматическая, а иногда и трагическая - история семьи. Л. Бараташвили родился в селении Удэ, в начале 1920-х годов жил в Турции у родственников, где учился в школе. Позднее вернулся на советскую сторону границы. В конце 1920-х и в начале 1930-х годов обучался на курсах кооперации в Тбилиси, а затем в Коммунистическом университете. Там встретил Зину Гигинеишвили, грузинку из православной семьи, на которой вскоре женился. Как видно из происходившего впоследствии, даже в то время подобный брак считался исключительным событием. С 1934 г. работал в Адигенском райкоме комсомола; с 1941 г. служил в разведке пограничных войск и регулярно нелегально переходил на территорию Турции. В 1944 г. был выслан вместе с другими месхетинцами в Самаркандскую область Узбекистана. Его жену как грузинку не выселяли; Зина Гигинеишвили в 1946 г. приехала навестить мужа в ссылку. После возвращения в Грузию ее стали вызывать на допросы в НКВД, а сослуживцы и соседи начали травить ее как жену мусульманина. Не выдержав давления, женщина тяжело заболела и вскоре умерла. Л. Бараташвили работал в системе образования, второй раз женился, в конце 1950-х переехал в Азербайджан. С середины 1950-х участвовал в инициативных группах месхетинцев, добивавшихся от властей возвращения на родину, но в конце 1960-х отошел от этой деятельности. Из книги следует, что он был едва ли не основателем и одним из лидеров движения. Правда, другие тексты и воспоминания сообщают о деятельности Л. Бараташвили достаточно скупо, что вызывает, надо полагать, справедливое возмущение его детей.

Книга важна, главным образом, как веха в истории месхетинского движения и связанных с месхетинцами дебатов в Грузии. Это был первый получивший широкое распространение текст, ставший связующим звеном между дискуссиями о месхетинцах в Грузии и за ее пределами. Впервые достаточно массовая аудитория получила возможность выслушать мнение людей, выступающих от имени месхетинцев. Соответственно, эта публикация вызвала живые (в основном протестующие) отзывы в Грузии и

в самой месхетинской среде. Книга Латифшаха и Клары Бараташвили интересна для исследователя в основном тем, что в ней полно и подробно изложена вся историческая мифология характерная для того течения в месхетинском движении, которое настаивает на грузинской идентичности месхетинцев. Для знакомства с подобной позицией весьма ценно то, что «Литературная Грузия» подкрепила текст Л. и К. Бараташвили еще двумя заметками на месхетинскую тему. Первая - короткая статья «Месхетия и месхи», написанная Шотой Ломсадзе – основным в Грузии экспертом по истории Месхети (№ 8. С. 86-91). Вторая - резко критический редакционный комментарий на статью В. Галенкина¹, осмелившегося назвать на страницах «Труда» «месхов» «турками-месхетинцами» (№ 9. С. 98-101).

Турки из Месхетии: долгий путь к реабилитации. Сост. Н.Ф. Бугай. М.: ТОО «Издательский дом «РОСС»», 1994. 162 с.

Книга представляет собой первый и, пожалуй, единственный сборник документов, связанных с депортацией месхетинцев из Грузии, их жизнью в изгнании и движением за возвращение на родину. Составитель книги - Николай Федорович Бугай – известный российский историк, с конца 1980-х годов выпустил и продолжает выпускать множество сборников архивных документов, монографий и статей, посвященных депортациям народов в 1920-50-х годах. Предлагаемое издание является частью подготовленной Н.Ф. Бугаем большой серии документальных компиляций, посвященных отдельным этническим группам. Разумеется, и серия в целом, и данный сборник являются бесконечно ценным источником информации и для специалиста, и просто для любого, кто интересуется историей сталинских депортаций.

Книга состоит из вводного исторического очерка и собственно подборки документов. Очерк предлагает библиографические сведения, позволяющие судить об изученности темы в начале

¹ Галенкин В. Честное имя // Труд. 1988. 8 сентября.

1990-х годов, и краткое, но достаточно емкое описание истории месхетинских турок со времени установления Советской власти в Грузии до 1994 года. Некоторые сведения, например, о движении месхетинцев за возвращение на родину в 1950-80-х годах (С. 25-27) были опубликованы впервые именно в этом очерке. Интересующимся можно рекомендовать изучать параллельно данный сборник о турках и вышедшую годом ранее книгу о депортациях курдов, соавтором которой тоже был Н.Ф. Бугай². Последняя представляет собой не документальный сборник, а собрание очерков по истории курдов СССР с пространным цитированием архивных документов или даже их публикацией в полном объеме. Поскольку в 1944 году из Ахалцихского региона и Аджарии высылались и курды тоже, рассказ об этой депортации и ее последствиях³ в основном посвящен месхетинцам; при этом он оказывается существенно более подробным, чем в сборнике собственно о турках.

Опубликованные в сборнике о месхетинских турках документы можно разделить на несколько основных частей (не считая таковыми, например, основные акты о реабилитации репрессированных народов, принятые Верховным Советом СССР в 1989 и 1991 гг.). Основной блок – это официальная переписка, связанная с положением в приграничных районах Грузии перед войной и во время войны, документы, посвященные подготовке депортации, ее проведению и размещению переселенных в местах высылки. Большое количество документов посвящено положению высланных на спецпоселении в Средней Азии и Казахстане. Более позднего периода 1950-80-х годов касаются только официальные акты о реабилитации турок наряду с другими группами. Много официальных материалов (официальных писем, постановлений, докладных записок), выпущенных государственными органами СССР, РСФСР и других союзных республик, посвящено периоду

² Бугай Н.Ф., Броев Т.М., Броев Р.М. Советские курды: время перемен. М.: Капъ, 1993. 192 с.

³ Там же. С.67-112.

конца 1980-х годов, в частности, Ферганским событиям в Узбекистане. Наконец, в книге помещены некоторые документы общества месхетинских турок «Ватан» и отрывки из воспоминаний репрессированных.

Сборник предлагает богатую подборку документов; особо ценно то, что публикуются данные не только о высланных их Месхетии, но и о многих других группах, депортированных из Грузии в целом, в том числе турках из Абхазии. Полезно также, что приводятся общие статистические данные о числе и составе лиц, находившихся на спецпоселении; это позволяет составить более цельную картину происходившего.

Однако, в целом критерии отбора документов для публикации по многим поводам вызывают недоумение. Вряд ли многим читателям так уж интересны подробные справки НКВД по разным регионам о составе и числе высланных. А вот то, что в сборнике нет ни одного документа, указывающего на то, сколько людей, относящихся к каким группам, было выслано собственно из Месхетии, а сколько из Аджарии – это существенное упущение. Тем более, что такие документы есть, и они публиковались, например, в статье Г. Гольдберга⁴. Опубликованы все указы и постановления советских властей о реабилитации месхетинцев кроме почему-то одного - Постановления Президиума Верховного Совета СССР № 2709-VII от 30 мая 1968 г. В сборник была включена обширная переписка различных республиканских органов власти по поводу исполнения Постановления Совета Министров СССР № 503 от 26 июня 1989 г. об адаптации в РСФСР турок, переселяющихся из Узбекской ССР. Места самому Постановлению № 503, а также аналогичному Постановлению № 220 Совета Министров РСФСР от 13 июля 1989 г. в книге не нашлось. Они, конечно, публиковались открыто в официальных изданиях, но ведь в сборнике много других ранее напечатанных текстов. Наивно думать, что еще одна публикация этих документов

⁴ Гольдберг, Габриэль. О проблемах «турок-месхетинцев» (исторический аспект) // Центральная Азия. 1998. № 2 (14). С.68-74.

предотвратила бы распространение мифа о том, что советские власти установили для турок «черту оседлости» в российском Нечерноземье, но все-таки... Помещены документы общества «Ватан», но нет ничего, связанного с движением за репатриацию 1950-80-х гг., а также альтернативными «Ватану» организациями. Объяснить все эти упущения можно разве лишь спешкой при подготовке сборника. И, наконец, в сборнике нет ни строчки о положении месхетинцев в Краснодарском крае.

Наконец, нельзя не написать о самом составителе сборника, поскольку Н.Ф. Бугай является весьма примечательной фигурой. При чтении его текстов возникают весьма сложные чувства: зачастую непонятно, из какой перспективы автор пишет. Иногда может возникнуть впечатление, что Н.Ф. Бугай, описывая историю депортации, деконструирует действия советских властей, пытаясь понять их мотивы и то, как они видели «этнические проблемы». Но такое впечатление пропадает, когда автор использует стилистику и обороты речи, свойственные советской пропаганде, от первого лица, для изложения собственных мыслей. «Народы занимались по мере сил решением задач социалистического строительства» (С. 8). «Трудности не сломили дух народов, переселенных из Грузии, они активно участвовали в строительстве социализма в тех районах страны, где им пришлось проживать после вынужденной эмиграции» (С. 24).

Не очень понятны и авторские оценки. С одной стороны, во ввoдном очерке немало инвектив против «бесчеловечной» сталинской политики, с другой, Н.Ф. Бугай описывает ситуацию перед депортацией таким образом, будто он согласен с представлениями тех, кто эту депортацию планировал (С. 10-12). В целом, если сопоставлять данный сборник с другими публикациями Н.Ф. Бугая, то можно заключить, что его позиция определялась идеей «искривления» в общем правильной «ленинской национальной политики» при Сталине. «После установления советской власти в республиках Закавказья последовательно проводились в жизнь принципы ленинской национальной политики, базировавшиеся на признании истинного равноправия и дружбы всех народов,

населявших край» (С. 6). «Изменение политической ситуации в мире, в Европе, на Востоке в 30-е годы не могло не оказать воздействия и на состояние СССР, оно проявлялось по-разному, однако, как правило, сопровождалось ужесточением мер, в том числе и в сфере национальных отношений» (С. 8). Для начала 1990-х годов это, мягко говоря, нетипичный подход.

Н.Ф. Бугай един в двух лицах как историк и высокопоставленный чиновник. С 1994 года он работает в Министерстве по делам национальностей РФ и во всех последующих реинкарнациях этого органа, включая ныне существующее Министерство регионального развития. Также в 1994–2002 годах он был членом правительственной комиссии по проблемам турок-месхетинцев. В качестве государственного чиновника Н.Ф. Бугай последовательно поддерживал дискриминационную политику в отношении месхетинских турок в Краснодарском крае (о чем мне уже приходилось писать⁵) и тем самым несет немалую долю ответственности за то, что происходило и происходит с этими людьми. Филиппики против сталинской политики нисколько не мешают симпатиям к немногим менее репрессивной социальной инженерии государства.

Крицкий Е., Нистоцкая М., Реммлер В. Проблема турок-месхетинцев // Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. Бюллетень. Декабрь 1996. № 4 (11). С. 67-70.

Эта короткая статья, помещенная в Бюллетене Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов, по сути, является одной из справок о турках-месхетинцах, подготовленных в краснодарской краевой администрации.

Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов (известная также как Сеть EAWARN) была создана в 1993 г. фактически на базе Института этнологии и антропологии

⁵ Осипов А.Г. Российский опыт этнической дискриминации. Месхетинцы в Краснодарском крае. М: Звенья, 1999. С.56-57, 92-94, 96-97.

РАН. Ее корреспонденты имеются в паре десятков регионов РФ и в ряде государств бывшего СССР. Сеть в своей деятельности не руководствуется какими-то определенными методологическими принципами и не стремится их иметь. Корреспонденты Сети – люди разных профессий и разного социального положения. Соответственно, в Бюллетень попадают самые разные материалы, отражающие в первую очередь стереотипы, бытующие в местных «экспертных» сообществах. Этим Бюллетень главным образом и интересен – как этнографический факт, а не аналитическое издание.

Е. Крицкий в 1990-е был корреспондентом Сети по Краснодарскому краю; В. Реммлер (в 1994-1997 гг. начальник Управления по делам национальностей и вопросам миграции Администрации Краснодарского края) и М. Нистоцкая также время от времени писали в Бюллетень. Этим объясняется попадание туда слегка адаптированной справки, которая, судя по стилистике и содержанию, была подготовлена в возглавляемом В. Реммлером управлении.

Содержание справки сводится к нескольким простым тезисам. 1. Турок в крае много (целых 0,27 % населения региона), они живут компактно в четырех районах, их численность растет, и это плохо. 2. Нахождение в крае турок плохо потому, что «социокультурный тип турок-месхетинцев не характерен для Кубани и сложно адаптируем, местное население в целом негативно относится к постоянному проживанию турок-месхетинцев» (С. 70). 3. Турки являются лицами без гражданства и имеют на территории РФ временный статус. 4. Переселение турок в Грузию или Турцию практически невозможно, в первом случае из-за деструктивной позиции самих месхетинских лидеров (выдвигают неприемлемые для Грузии требования). 5. «Укоренение» турок в крае (то есть обеспечение их прав) неприемлемо, поскольку ведет к приезду новых турок и к социальному взрыву. 6. Федеральная власть должна принять меры.

Рассуждения авторов записки очень характерны для краснодарских и федеральных чиновников, а также для различных «экспертов» с конца 1980-х годов вплоть до настоящего времени.

Как правило, ничего не говорится о том, что турки, не имеющие прописки, лишены большинства прав и постоянно подвергаются проверкам и штрафам. Так, авторы данной статьи пишут, что более чем из тысячи приобретенных турками домов юридически оформлены только 52 (С. 67), но умалчивают о специальном запрете на регистрацию сделок с жильем для непрописанных. Почти всегда об отказе туркам прописке говорится как о чем-то естественном и правомерном. Якобы прописка в крае была ограничена Советом Министров СССР в 1987 году, а местные власти за последующие годы ничего не могли сделать. Всегда излагается выдумка о том, что российское гражданство является производным от прописки, и что не имевшие прописки в 1992 г. остаются лицами без гражданства и потому, в свою очередь, не могут быть зарегистрированы по месту жительства. Всегда говорится о необходимости переселения в Грузию или Турцию. Очень часто вину за сложившуюся ситуацию пытаются риторически переложить на самих месхетинцев. Всегда делаются отсылки к «несовместимости культур», «нарушению исторически сложившегося баланса национальных групп» (С. 67). Как правило, представители краевых властей стараются снять с себя ответственность за происходящее. И в данном случае авторы пишут о «пассивной позиции органов государственной власти» (С. 69).

По уровню цинизма статья В. Реммлера сотоварищи принципиально не отличается от большинства других касающихся турок документов, составленных краевыми или федеральными чиновниками. Авторы весьма неодобрительно отзываются о требованиях уважать самые элементарные права турок в крае, такие как узаконение домовладений, разрешения на жилищное строительство, доступ к медицинскому обслуживанию и социальному обеспечению, право на трудоустройство (С.69). В статье содержится слегка завуалированный призыв к репрессиям против месхетинцев. Излагаются четыре возможных сценария развития ситуации; из них два означают легализацию турок - либо стихийно, либо по решению федеральных властей. Но выше авторы дают понять, что считают «укоренение» в любой форме неприемлемым.

Следовательно, их симпатии на стороне других двух вариантов. А это означает или организованное переселение турок в другие регионы, или выдвигание жестких и для большинства месхетинцев заведомо невыполнимых (и незаконных. – А.О) условий для получения регистрации с последующим выдворением из края всех незарегистрированных (С.70). В то время, да и в 2000-е годы такие сценария являются нереальными, поэтому, по сути, позиция авторов всех официальных или полуофициальных справок и докладных записок о месхетинцах означала оправдание политики «тихого выдавливания» турок из региона.

Blandy, Charles. The Meskhetians: Turks or Georgians? A People without a Homeland. Conflict Studies Research Centre. Royal Military Academy Sandhurst. Surrey (Eng.) Report No. S34, February 1998. 22 p.

Чарльз Блэнди – известный и довольно плодовитый эксперт по международным отношениям и конфликтам на Кавказе, работающий в Центре по изучению конфликтов Военной Академии Сандхерст (Великобритания). Данный доклад был выпущен отдельным изданием; до настоящего времени доступен в Интернете (www.defac.ac.uk/colleges/csrfc/archive/caucasus-and-central-asia/S34.pdf). Автор не проводил специального оригинального исследования; доклад представляет собой компиляцию на основе академических публикаций и материалов прессы, выходивших ранее на английском и русском языках. Основная задача автора – проанализировать то, как разные вовлеченные в ситуацию акторы воспринимают проблему, и каков ее конфликтный потенциал. Статья содержит достаточно обстоятельный обзор обстоятельств и последствий депортации 1944 г., а также Ферганских событий; большое внимание уделено изложению разных мнений об этнической идентичности и происхождении месхетинцев. Ч. Блэнди рассматривает почти исключительно вопросы, связанные с требованиями месхетинцев о возвращении в Южную Грузию и реакцией на это грузинских властей, а также грузинской и армянской общественности. Проблемы, связанные с положением месхетинцев

в других странах, не рассматриваются вообще, а вопросы международных отношений только слегка затрагиваются. Выводы автора достаточно просты и предопределены материалом, с которым он работал: вопрос месхетинцев сложен, терминология запутана, внутри группы есть разные представления о своей идентичности, отношение грузинского правительства и грузинского общества к переселению месхетинцев в свете недавних конфликтов и общей нестабильности является настороженным и скорее негативным. Ч. Блэнди также полагает, что проблема месхетинцев может осложнить международные отношения: Россия и Армения с подозрением относятся к появлению новой тюркской группы вблизи своих границ, а переселение месхетинцев в Грузию может в дальнейшем спровоцировать территориальные споры.

Мамулия Г. Концепция государственной политики Грузии в отношении депортированных и репатриированных в Грузию месхов. История и современность // Центральная Азия и Кавказ. 1999. № 1 (2). С. 152 – 161.⁶

Статья оставляет странное и грустное впечатление, будучи образчиком националистической публицистики не самой высокой пробы. До конца непонятны мотивы и цели ее написания, а содержание не вполне сочетается с тем, что мы знаем об авторе. И уже невозможно спросить обо всем этом самого Г.Мамулия, умершего в 2003 году.

Гурам Самсонович Мамулия, сын первого секретаря Коммунистической партии Грузии, родился в 1937 году в Москве (если быть совсем точным, в Бутырской тюрьме), выжил, вернулся в Грузию, окончил Тбилисский университет. Вел исследовательскую работу в Институте истории АН Грузии и выпустил ряд трудов по социальной истории Грузии и Кавказа. Занимался диссидентской деятельностью, в частности, особо интересовался проблемой месхетинцев. В конце 1980-х был среди основателей

⁶ Доступно в Интернете на: http://www.ca-c.org/journal/cac-02-1999/st_19_mamulija.shtml.

неформальной организации «Общество Ильи Чавчавадзе» и партии «Демократический Союз Грузии». Был депутатом грузинского парламента Грузии в 1992 - 1995 гг. и личным представителем Главы Государства по правам человека в 1993 - 1995 гг. С 1999 по 2001 г. работал начальником службы репатриации Грузии, которая должна была заниматься исключительно месхетинцами. Надо полагать, что статью в «Центральную Азию и Кавказ» он и пытался написать с позиции государственного чиновника, так, как он эту позицию понимал.

Название статьи не соответствует ее содержанию. Собственно концепции государственной политики по отношению к месхетинцам посвящен один абзац. Остальное – это конспирологические рассуждения, сводящиеся к тому, что вся история месхетинцев после присоединения Ахалцихе к России есть результат имперских происков против грузинской нации. А именно, российские и советские власти делали все возможное, чтобы расчлениить и ослабить грузин. Для этого, с одной стороны, проводилась политика вытеснения мусульман в Турцию, с другой, царские власти всячески содействовали распространению среди месхетинцев ислама и турецкого языка. Союзниками русских империалистов выступали «пантюркисты» и «армянские шовинистические круги» (С.156-157). Г. Мамулия даже пересказывает, не затрудняя себя при этом ссылками на источники, фантастическую историю о планах командования царской армии по выселения месхетинцев в Турцию в 1914 г., после начала Первой мировой войны (С.156).

Напротив, Грузия во всех лицах, включая ее коммунистическое руководство, якобы всегда и все делала в пользу месхетинцев. Грузинские просветители пытались вопреки сопротивлению царских властей привить «месхам» грузинское самосознание и грузинский язык. Во время Советской власти грузинские власти временами пытались восстанавливать грузинское самосознание мусульман, и даже в конце 1930-х – начале 1940-х гг. в этом несколько преуспели. Решение о депортации было принято якобы исключительно Москвой по инициативе армейского командования, а руководство Коммунистической партии Грузии пыталось

этому противодействовать, но добилось только отмены выселения аджарцев (С.157). С некоторым наивным цинизмом Г. Мамулия даже пишет, что в 1943 году, когда в СССР началась новая волна депортаций, грузинское руководство выдвинуло план переселения месхетинцев-мусульман во внутренние районы Грузии, что, по мнению автора, пошло бы им на пользу (С.156). Но этому плану не суждено было претвориться в жизнь, поскольку месхетинцев выселили в Среднюю Азию. После отмены спецпоселений исключительно Москва препятствовала возвращению «месхов», а грузинское руководство было вынуждено подчиняться. Беда в том, что все эти суждения также основываются на слухах и не подкрепляются ссылками на источники и конкретные исследования.

Рефрен статьи – месхетинцы являются грузинами по происхождению, и даже те из них, кто называют себя турками, не в первом, так во втором поколении могут легко вернуть себе грузинское самосознание. По мнению Г. Мамулия, суверенная Грузия должна научиться «управлять» своей историей и тем самым «исцелить вековую рану грузинского народа» (С.161). Автор весьма недвусмысленно дает понять, что один из основных принципов и условий репатриации – это «восстановление национальности и фамилии» (С.160) месхетинцев, а государственная политика должна строиться на поддержке месхетинских организаций, утверждающих, что месхетинцы – это грузины. Писать же о том, каков будет механизм репатриации и кто и на каких условиях будет к ней допущен, начальник службы репатриации не считал нужным.

Статья очень созвучна тем представлениям, которые преобладали и преобладают в грузинской прессе и среди грузинских политиков. Г. Мамулия, зная, что большинство месхетинцев считают себя турками, действительно искренне верил, что они являются грузинами по происхождению и действительно могут легко эту идентичность «восстановить». Но он никогда не боялся открыто выступать за репатриацию месхетинцев, всегда защищал тех из них, кто подвергался в Грузии притеснениям, и резко критиковал реальную политику грузинского правительства. За это он всегда

был под огнем критики; ему много раз угрожали, в 1990 г. он был даже избит толпой после одного из антимесхетинских митингов. В свою очередь его недолгоблюдали руководители общества «Ватан», считая его обычным грузинским шовинистом. Статья находится в резком диссонансе с тем, что Г. Мамулия делал и писал до и после того, как возглавлял службу репатриации. Возможно, этот текст был продиктован желанием, подчеркнуто продемонстрировав лояльность господствующим настроениям, избежать давления и укрепить свои позиции в административном аппарате. Беда в том, что «Центральная Азия и Кавказ» - международный журнал, претендующий на академичность - совсем не то издание, которое подходит для выражения подобных верноподданнических чувств. Конформизм, так же как и независимость взглядов, остался не оцененным. В 2001 году Г. Мамулия вынужденно ушел из службы репатриации, а через два года его смерть была в Грузии почти никем не замечена.

Zeyrek, Yunus. Dünden bugüne Ahıska Türklüğü. [Турки-ахыска вчера и сегодня]. Frankfurt: Türk Federasyon, 1995. 178 s.

Zeyrek, Yunus. Sürgünün 61. yılında Ahıska Türkleri. [Турки-ахыска в шестьдесят первый год ссылки]. Ankara, 2005. 45 s.

Zeyrek, Yunus. Ahıska araştırmaları. [Исследования ахыска] Ankara: Kozan Ofset, 2006. 352 s.

«Ахыска» - турецкое название города Ахалцихе, и здесь я оставляю это наименование без перевода по следующей причине. Тех, кого мы знаем как месхетинских турок, в Турции называют *Ahıska Türkleri*, и такое обозначение становится все более популярным внутри самой группы. Переводить его как «ахалцихские турки» было бы не совсем верно, поскольку ускользнул бы смысл. Смысл же название в отрицании грузинского обозначения местности и наоборот, утверждение тюркской идентичности региона и соответственно группы.

До второй половины 1990-х годов обширная националистическая публицистика на тему месхетинцев, или месхетинских турок имела лишь в Грузии. Отдельные потуги дилетантов из

месхетинских интеллигентов на ниве истории и этнографии никем всерьез не воспринимались и оставались практически незамеченными, а Турцию эта проблематика не волновала. Ситуация изменилась в последние годы, когда в Турции стали в немалом количестве выходить публикации о месхетинских турках, точнее, турках-ахыска. Как нетрудно было предугадать, получилось зеркальное отражение текстов, написанных в Грузии.

Юнус Зейрек – едва ли не самый активный и плодовитый в Турции автор, пишущий о турках-ахыска. Он родился около Пософа, в районе, занимающем ту небольшую часть Ахалцихской котловины, которая принадлежит Турции. Юнус Зейрек филолог, преподаватель Университета Гази в Анкаре. Он также пишет на исторические темы, в основном связанные с Кавказом; как журналист публикуется во многих турецких изданиях. По совместительству он также председатель ANDEF – Международной федерации обществ турок-ахыска - крупнейшей ассоциации месхетинцев, базирующейся в Турции, и владелец журнала “Bizim Ahıska”.

Книга 1995 г. состоит из очерка истории турок-ахыска, посвященных им исторических документов и подборки публикаций турецкой, российской и немецкой прессы о месхетинских турках с авторскими комментариями. Исторический очерк с некоторыми вариациями появляется во всех последующих изданиях. В частности, брошюра 2005 г. и есть его очередное переиздание. Книга 2006 г. представляет собой подборку разных по стилю и жанру материалов. Среди них тот же очерк по истории турок-ахыска с древнейших времен (s.9-35), рассказ о знаменитых в истории Турции людях, которые были выходцами из Ахалцихского края (s. 36-72), очерк о народных поэтах из региона с подборкой их стихов (s. 132). Большая часть книги – это перепечатка публицистических статей автора, издававшихся ранее, как правило, в журнале “Ahıska”, а также заметки о поездке в Центральную Азию в 2005 г. (s. 326-352).

Юнус Зейрек в основном сочиняет в двух жанрах – исторической публицистики и краеведения. Хорошо видно, что сам он не проводит исследований и не работает с источниками. Его тексты

представляют собой популярные очерки и компиляции, написанные на основе литературы, причем в основном также популярных очерков и компиляций. Несомненный интерес могли бы представлять исторические изыскания, посвященные знаменитым выходцам из Ахалцихе и народной поэзии края. Однако, из публикаций Ю. Зейрека затруднительно понять, на какой основе он составлял свои обзоры, тем более, что приводимая им информация крайне скудна.

Для Ю. Зейрека приоритетны две темы – происхождение турок-ахыска и их страдания, последовавшие за отторжением Ахалцихе от Османской империи, особенно после депортации 1944 г. Ю. Зейрек отстаивает версию происхождения месхетинцев, которую можно условно назвать «кипчакской». Ее суть в том, что Северо-Восток Малой Азии исконно, едва ли не с VIII в. до н.э. населяли различные группы тюрков, которые в основном были кипчаками. Наиболее крупное по масштабу переселение кипчаков (половцев) в верховья Куры, в том числе и в Ахалцихский регион, произошло в XI-XII вв. н.э. с Северного Кавказа. Население региона было в основном тюркским, и с 1267 г. в княжество Саатабаго им правила кипчакская христианская династия. Османское же завоевание конца XVI в. привело к тому, что тюркское население региона приняло ислам и слилось с турками. Грузинское население же в истории края никогда не играло существенной роли, а власть Грузии распространялась на эти территории лишь эпизодически.

Ничего оригинального в этих представлениях нет. Турецкая историография едва ли не с 1930-х годов отстаивала идеи древности и даже исконности тюркского населения в Анатолии; применительно к области в верховьях Куры такие представления разрабатывали Фахреттин Кырзыоглу, Зеки Велиди Тоган и Акдес Нимет Курат.

Собственно, в обоснование своей исторической версии Ю. Зейрек ссылается исключительно на 3-4 книги этих авторов. Общая идея, что в истории месхетинцев играли роль разные группы тюрков, а не только турки-османы, весьма плодотворна. Версия об особой роли половцев в истории региона также интересна и

перспективна, но при этом остается желать, чтобы она была подкреплена чем-то более существенным, чем пара полуполюгендарных и допускающих разные интерпретации упоминаний в средневековых рукописях.

Стилистика и направленность всех текстов Ю. Зейрека не оставляют сомнений, что для него вопросы истории и культуры – это поле идеологической борьбы. Лейтмотив едва ли не всех текстов: турки-ахыска – безусловные тюрки, не имеющие ничего общего с грузинами, регион, где они жили – исконная тюркская земля, исторические несправедливости должны быть устранены. Начинается новая «борьба за прошлое», если использовать любимое выражение В. Шнирельмана, где стороны стараются до мелочей уподобиться друг другу. Собственно, никогда и не ожидалось, во-первых, что в Турции и Грузии связанными с месхетинцами темами могут заняться серьезные исследователи, во-вторых, что в этой области возможно конструктивное сотрудничество грузинских и турецких историков. Вместо вдумчивых исследований нас ожидают новые витки ожесточенной борьбы против очередных «фальсификаторов истории». Юнус Зейрек – человек удивительной энергии и работоспособности; нет никаких сомнений, что он и ему подобные будут долгие годы занимать в Турции и других тюркских странах все пространство публичного обсуждения, связанного с месхетинцами. Более того, сами месхетинцы получают то, без чего они благополучно обходились раньше – последовательно националистическое толкование их прошлого, настоящего и желаемого будущего с «тюркистских» позиций.⁷ Перспективы диалога месхетинских активистов с грузинским обществом, и ранее отнюдь не радужные, становятся совсем призрачными, в отношениях же между Грузией и Турцией в перспективе появляется новый фактор напряженности.

⁷ Интересно, что вэбсайты землячество выходцев из Пософа излагают «кипчакскую версию» происхождения населения региона как общеизвестную истину – см. напр. <http://www.posofum.com>; <http://www.posof.net>.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>И.В. Кузнецов</i> Кирею – 75 лет	5
Диалог на... (продолжение)	9
Список основных трудов доктора исторических наук, профессора Николая Ивановича Кирея (к 75-летию со дня рождения)	15
<i>Н.И. Кирей</i> Речитация и заучивание Корана как феномен культуры ислама	27
<i>Н.Ю. Лимберис, И.И. Марченко</i> Археология на кафедре археологии, этнологии, древней и средневековой истории	57
<i>А.Н. Абрамова</i> Палеодемографическая характеристика могильника Виноградный-7	81
<i>В.В. Улитин</i> Амфоры Эрифр из Елизаветинского могильника № 2	89
<i>А.М. Ждановский</i> Некоторые вопросы торгово-экономических связей Прикубанья в сарматское время	95

К.В. Виноградова

Первые научные экспедиции России в Эфиопию:
вторая половина XIX – начало XX в. 115

О.А. Перенижко

Издательская деятельность Императорского Православного
Палестинского Общества (1882–1917) 125

О.П. Дмитриенко

Формирование современных эдотвиудаизме.
К постановке проблемы 133

А.П. Степанченко

К вопросу о виноделии у адыгов и абхазов 143

И.В. Кузнецов

О «вымирании» народов (европейские случаи) 157

А.Г. Осипов

Обзор публикаций по месхетинской проблеме 183

Научное издание

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ
ПОНТИЙСКО-КАВКАЗСКОГО РЕГИОНА

Издается в авторской редакции

Дизайн: М.А. Бабян

Верстка: С.Ф. Передерий

Подписано в печать 08.12.2011г. Формат 60х84 1/16

Печать трафаретная. Уч.-изд. л. 13

Тираж 300 экз. Заказ № 7

Кубанский государственный университет
350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149.